

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОДЖЕР
ЛЕВИ

ПЛАТФОРМА

Звезды научной фантастики

Роджер Леви

Платформа

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Леви Р.

Платформа / Р. Леви — «Издательство АСТ», 2018 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-122226-0

Добро пожаловать в Систему — новый дом для погубившего Землю человечества. Здесь жизнь людей стала короче, смерть приобретает все новые формы, а концепция Бога отброшена в пользу новой религии: «ПослеЖизни», социальной сети, которая обещает подписчикам воскрешение — если за них проголосуют другие пользователи. В этом будущем на бесплодной планете Геенна встречаются два мальчика — гениальный математик и сын криминального босса. Они еще не знают, что их дружба изменит человечество навсегда. На терзаемом ветрами Хладе писательница, расследуя серию убийств, сталкивается с заговором невероятных масштабов. Простой ремонтник, переживший нападение маньяка, становится одержимым смертью, а значит — идеальным кандидатом для опасной работы на буровой платформе, добывающей ценный ресурс из недр планеты. Все эти истории, как и судьбы тысяч людей, сплетаются воедино, и все они зависят от того, что случится в этом комплексе, затерянном в вечно штормящем море, полном саркофагов с мертвецами, ожидающими своего второго шанса.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-122226-0

© Леви Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Один. Алеф	7
Два. Таллен	13
Три. Рейзер	18
Четыре. Алеф	26
Пять. Рейзер	34
Шесть. Алеф	40
Семь. Бейл	48
Восемь. Алеф	56
Девять. Рейзер	63
Десять. Алеф	69
Одиннадцать. Бейл	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Роджер Леви

Платформа

Посвящается Тине, Джорджи, Алексу

Один. Алеф

Добро пожаловать на «ПослеЖизнь».

Вы выбрали субъекта [xx] (доступ ограничен).

Имя субъекта: Алеф Сельсиор.

Состояние субъекта: не указано. Физическое состояние – *rigor vitae*. Серьезные травмы отсутствуют. Серьезные заболевания отсутствуют. Состояние сознания – гиперсомния.

Особое примечание: данный субъект недоступен для голосования. Эта Жизнь не завершена и открыта только для просмотра. В настоящий момент она недоступна для программ случайного поиска «ПослеЖизни».

Пожалуйста, выберите критерии просмотра:

Вся Жизнь/Ключевые События?

Спасибо. Ваш выбор – «Ключевые события».

В хронологическом порядке/В случайном порядке?

Спасибо. Ваш выбор – «В хронологическом порядке».

С комментариями/Без комментариев?

Спасибо. Ваш выбор – «С комментариями».

Пожалуйста, подтвердите критерии просмотра.

Спасибо. Ваш выбор – ключевые события жизни Алефа Сельсиора В хронологическом порядке С комментариями.

КлючСоб 1: Оркрест

Меня зовут Алеф Сельсиор. Я – единственный ребенок.

Я родился и вырос в поселке в закрытом обществе планеты Геенна. Поселок назывался ИерСалем. Мой отец, Савл, был статистиком в небольшой бинарно-консалтинговой фирме. Марита, моя мать, пела в церковном хоре и пекла печенье.

Мне сложно вспомнить большую часть своей жизни до прибытия Пеллонхорка и его матери. Возможно, причина в возрасте – он появился, когда мне было восемь, – но я думаю, что на самом деле в том, что он налетел на нас словно грозоворот, все изменил и погрузил то, что было до него, в непроглядную мглу.

Единственное мое воспоминание из времен до Пеллонхорка – это прилет на Геенну оркреста. Я вспоминал это событие так часто, что чувствую себя ребенком и стариком, мудрым и наивным одновременно, – хотя, если подумать, я всегда так себя ощущал.

Чтобы услышать оркрест, мы отправились в городской собор; дорога заняла целый день. Если не считать колебальных, музыка на Геенне ограничивалась псалмами и гимнами; к тому же, разумеется, планета была отрезана от Песни, которую называла порносферой, поэтому оркрестовая музыка была для нас в новинку. Естественно, во время пребывания на Геенне оркресту разрешалось исполнять только богоугодную музыку. Псалмы и гимны.

Мы отправились в город на бусе. Я был так взволнован, что едва мог сосредоточиться на предотлетных молитвах и проговаривал их без чувства. Помню, что корил себя из-за этого, когда мы попали в турбулентность, и еще помню, что священник в капсуле обвиняюще на меня смотрел. Я знал, что если мы разобьемся, случится это из-за меня, но он ничего не сказал, и я провел остаток пути в отчаянной молитве.

В городе мы прокатились вдоль реки на циклолете. Я никогда раньше не бывал на циклолете, или на реке, но помню лишь одно – как молился, чтобы защитный купол не поддавался вихрящемуся газу и чтобы грязь не утянула нас напрямиком в ад.

Собор был огромным стадионом. В остальной Системе такие места отводились под спорт. Конечно, я уже видел собор на монитории, дома и в церкви, но сидеть на трибуне в окружении десятков тысяч прихожан было словно попасть живым на небо. Наша иерусалимская церковка уместилась бы в самом центре поля, и травы вокруг было бы столько, что я не смог бы докинуть до нее мячом. Огромный стадион был открыт небесам, и с неба над нами облезала шелуха – тучи разворачивали свои кошмарные обличья, дьявол искушал нас вообразить худшее. Помня, чему меня учили, я не поднимал взгляда. Было видно, где убрали обычно стоявшие вокруг центрального овала шести: в глаза бросались пятна обожженной земли. Пока мы ждали оркестра, стадионная монитория показывала записи исторических раскаяний. Раскаяний в вероотступничестве, в идолопоклонстве, в ереси, а иногда – в обычном уголовном преступлении.

Теперь я вспоминаю тот день – и не могу поверить. Так странно. Я думаю о своем раннем детстве – до Пеллонхорка – как о времени невинности. Геенна звала себя невинной планетой, и ее священники рьяно защищали эту невинность.

Но что такое невинность? Может ли человек открыть глаза, посмотреть на мир и остаться невинным? Может ли человек закрыть глаза, чтобы не видеть жизни, и назвать себя невинным?

А я могу, оглядываясь на все то, что видел и делал? И кто будет мне судьей? Тот, кто не понимает, судить не может.

Атмосфера в соборе была восхитительной. Потрясающее ощущение единства. Я сидел на высокой трибуне между родителями и держал их за руки. Моя мать раздумянулась. Глаза отца сияли. Я смотрел на поле, зачарованный. Как странно было видеть там не кучку приговоренных, а кого-то другого. Когда музыканты взялись настраивать инструменты, воздух пронизали ноты. Даже сейчас я помню идеальную беспорядочность этих звуков, отсутствие структуры в нотах и аккордах. Свободу.

Амвон, расположенный на одном из концов поля, был от наших мест так далеко, что приходилось вытягивать шею, чтобы разглядеть его на высокой монитории. В тот день проповедовал отец Шеол. Он встал перед аналоем и раскинул руки.

Отец Шеол был легендой – старик почти пятидесяти лет, тем не менее до сих пор переполненный адским пламенем. Голос его существовал отдельно от движения губ на монитории, как будто взывая к нам с небес.

– Приветствую вас, – прогремел он.

Мы взревели в ответ, восторг прокатился по стадиону волной.

– И приветствую вас, оркестр Амадея.

Название он произнес отчетливо. На Геенне именам придавалось огромное значение, и сходство «Амадея» с «Асмодеем» обсуждалось очень долго, прежде чем оркестру выдали разрешение на посадку. Музыканты прервали разминку, чтобы поклониться пастве и ответить на приветствие священника.

Он провозгласил:

– Мы собрались здесь, дабы разделить радость богобоязни. Мы собрались, дабы не забыть об искушении в вышине, воздаянии в глубине, страдании здесь и сейчас и вознаграждении в мире ином. Мы, народ Геенны, приветствуем оркестр Амадея и напоминаем ему о богобоязни.

Несколько оркестрантов вернулись к настройке инструментов. Но они замерли, когда монитория вокруг них очистилась от изображений и сделалась адово-черной.

Отец Шеол продолжил:

– Сегодня Геенна приветствует не только оркестр Амадея, но и зрителей из Верхних Миров.

По реакции окружающих я понял, что этого они не ожидали. С тех пор я посмотрел все записи этого события, какие только существуют. Отец Шеол выглядит маленьким, а голос его дребезжит. Каждый раз, когда он произносит название оркresta, в нем все явственнее и явственнее слышится «Асмодей». Асмодей, одно из имен дьявола.

Почему отец Шеол и его Пастырство позволили Верхним Мирам (так мы называли всю остальную Систему) увидеть нас? В Верхних Мирах обитали посланцы дьявола; и тем не менее мы разрешили им наблюдать за Геенной через порносферу. Какой грех совершался здесь и кем?

По всему собору слышался шепот. Все думали об одном и том же. Зачем порносферу допустили в набожнейшая набожнейших?

Адова чернота мониторинга медленно выцвела, и появились новые изображения. Но это были не привычные раскаяния. Это были сцены воздаяния.

Все страннее и страннее. Нам показывали не обычные сожжения отдельных грешников на костре, а массовые кары в ямах. Там, на мониторинге, были толпы дрожащих мужчин, женщин и детей, стоявших на траве над ямами, ожидая, когда те разверзнутся у них под ногами.

Я подумал о том, как неприятно должно быть оркrestантам сидеть на сооруженной там платформе. Но мониторинг показывала только мгновения, предшествовавшие открытию ям, и теперь я знаю, что музыканты и не могли понять, в чем смысл этих картин, понять, что случится дальше. Они знали о Геенне только то, что она предоставила им возможность сыграть перед огромной новой аудиторией на одной из двух закрытых планет – второй была одержимая секретностью (до такой степени, что скрывала даже свое имя) неназываемая планета – и одновременно перед всей Системой.

На аналое была видна небольшая шкатулка – свинцовый сундучок, отделанный по краям золотом; отец Шеол навис над ним и на мгновение замер. Все знали, что было внутри. Сундучок открывался лишь раз в году, и день этот был не сегодня.

Отец Шеол склонил голову, ненадолго сложил руки в молитве, потом размял пальцы и надел пару жестких черных перчаток, натянув выше локтей длинные, в свинцовой чешуе, краги, а затем подался вперед и положил ладони на выпуклую крышку шкатулки. Глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Мы молчали.

Отец Шеол одним плавным ритуальным движением открыл шкатулку, потянулся внутрь, вынул руку и позволил крышке снова упасть.

Мы радостно закричали, когда он воздел над головой книгу. Собор сотрясся от нашего экстатического одобрения. Отец Шеол держал святую Балаболию в ее Авторизованном издании. Она сияла в обтянутых перчатками руках, внушая благоговейный трепет. Отец Шеол стоял в ее яростном свете, а когда через несколько долгих оглушительных секунд рев затих, все, кто был в соборе, вжались в кресла и затаили дыхание. Лишь оркrestанты не понимали значения того, что происходило у них на глазах.

Я слышал, как люди шепчут, отсчитывая секунды, и делал то же самое, хотя для меня считать было так же естественно, как дышать.

«Три, четыре...»

Даже я знал, что сияние святой Балаболии было смертоносно.

– Мы, народ Геенны, *веруем*, – проревел отец Шеол.

Оркrestанты сидели неподвижно. Теперь они почувствовали, что происходит нечто особенное. Они видели блики яростного света Балаболии на щеках священника.

«Семь, восемь, девять...»

Отец Шеол все еще держал книгу над собой. На нее смотрела порносфера, и он проповедовал пламенно. Демонстрировал Верхним Мирам неугасимую мощь нашей веры.

Он опустил Балаболию, и мы выдохнули. Но потом, прежде, чем вновь запереть книгу в свинцовом сундучке, он неожиданно поднес ее ко рту и поцеловал незащищенными губами, надолго прижав к ним. Лишь затем отец Шеол убрал ее. Он приложил ко рту палец и послал оркестру тихий воздушный поцелуй. От его губ струйками поднимался дым. Они уже начинали пузыриться.

Что это значило? Все на Геенне содержало в себе смысл и нуждалось в истолковании. Но времени для него уже не было, потому что оркестр заиграл музыку.

Я тотчас позабыл об отце Шеоле. Мне казалось, что я в раю. Летящая, пикирующая, парящая музыка окутала меня. Угасание и возобновление мелодии, и нюансы вариаций, и... я не могу ее описать. Все, что они играли, я слышал тысячу раз, каждое возгрешенье, сколько себя помню. Но эта музыка была чем-то бóльшим. Она была чудесной и устрашающей. Я сидел и пытался удержать ее в голове, ее простоту и сложность, а потом сдался, закрыл глаза и позволил ей унести меня прочь.

Она продолжалась, наполняя меня чем-то, прежде неведомым, и я обнаружил, что гляжу вверх, на небо. Не задумываясь о том, что делаю, я смотрел на облака и видел в них могучих, прекрасных зверей, величественно несущихся вдаль, пронизанных далеким светом.

Музыка переполняла меня, и я не знаю, как долго глядел вверх, пока меня не привела в чувство сильнейшая затрещина сзади. От удара все у меня перед глазами поплыло. Я обернулся, ошеломленный и обиженный. Мое зрение сфокусировалось как раз тогда, когда ударивший меня прошипел:

– Чертогляд! Опустит глаза!

Удар словно выключил что-то у меня внутри, и музыка в ушах поблекла. Я все еще слушал, но иначе. Кажется, до этого момента меня никогда не били. Родители ни разу не поднимали на меня руки. Но они ничего не сказали мужчине, который это сделал. Переглянулись, но больше никак не отреагировали.

Странно. Я думал, что обращаюсь к воспоминанию о простой жизни перед появлением Пеллонхорка, ко времени без боли и смятения, и все же чувствую возмущение.

Музыка закончилась. Пока мы ждали завершения проповеди отца Шеола, мама спросила, понравилось ли мне, и я ответил, что да. Мой голос звучал по-новому. Мы посмотрели друг другу в глаза. Вспоминая, я понимаю, что мама увидела, как во мне что-то изменилось.

Отец ничего не заметил. Он улыбнулся нам и сказал:

– Хорошо!

А когда отец Шеол возвратился на амвон, добавил:

– Интересно. Струнная группа составляла семнадцать целых восемь десятых процента оркестра.

Он постоянно делал подобные замечания. Так работал его мозг. Когда отец выдавал что-то в этом роде, мама всегда глядела на меня и закатывала глаза. Она имела в виду, что он не такой, как мы, но в тот раз я впервые осознал это четко. Конечно, бывали и случаи, когда мы с отцом обменивались похожими взглядами, имея в виду маму, которая была не такой, как мы с ним.

Я безошибочно ответил отцу:

– А ты заметил, что струнная группа была ответственна за тридцать восемь целых двадцать пять сотых процента всех сыгранных нот?

Отец моргнул и с легким удивлением сказал:

– Да.

А потом его внимание, как и внимание всех, кто был в соборе, привлек к себе отец Шеол.

Проповедник говорил:

– Этот день запомним все мы. Геенна останется сильной – маяк веры, не оскверненной грязными взглядами Верхних Миров.

Было ясно, что участники оркестра этого не ожидали. Они начали было убирать свои инструменты по футлярам, болтая друг с другом, но теперь колебались.

– Оркестр Асмодея, – теперь он совершенно точно сказал не «Амадея», – преподал нам сегодня урок. Верхним Мирам стоит этот урок запомнить.

Отец Шеол поднял что-то над головой. На этот раз это была не Балаболия; мониторы показали крупным планом черный шар в его кулаке. Это была Тяга.

Среди прихожан начали раздаваться стоны. Моя мать ахнула. Музыканты замерли, чувствуя, что происходит что-то совершенно для них непонятное.

Я вычислял в уме процентное соотношение того, как проявлялась их паника, округляя результаты до единиц. Восемнадцать процентов кричали, тридцать один – хватались друг за друга, двенадцать упали на землю. Никто не молился. Ноль процентов.

Когда я анализирую это сейчас – то, как музыка освободила мой разум для размышлений, для воображения, а потом то, как логика позволила мне сбежать от воображения, позволила укрыться в числах, – я вижу в этом проникновение в суть работы отцовского мозга. Но теперь я обладал еще и зачатками мировосприятия матери, или, по крайней мере, впервые соприкоснулся с ним.

Я был этому не рад.

Высоко подняв Тягу, отец Шеол сошел с амвона к ямам и встал у их края. Я прикидывал, достаточно ли широка яма, находящаяся прямо под оркестром. Дома, на монитории, я видел кары, видел спокойную отрешенность раскаявшихся грешников, бормотающих молитвы перед тем, как разверзлась земля. Их всегда собирали в группы по двадцать пять человек, а самая большая из ям была пяти метров в диаметре. Отец Шеол стоял сбоку от них, на твердой земле, управляя Тягой. В их уходах было достоинство.

Здесь достоинства было мало.

Отец Шеол улыбнулся музыкантам. Они явно не могли понять, что происходит. Их паника начала униматься, но примерно сорок процентов еще рыдали. Отец Шеол подал знак, и монитория показала его лицо крупным планом. Слова плохо давались обожженным Балаболией губам, и мы с трудом могли его понять.

– Смотрите: вот этот урок. – Он едва выговаривал букву «с». Его десны покрывала кровь. Он плевался кровью. – Пусть его увидят. – Сгусток кровавой слюны приземлился на Тягу. – Пусть о нем расскажут. – Он остановился, чтобы вытереть Тягу о свою красную рясу. – Пусть о нем узнают на каждой планете!

Он поднял Тягу к небесам, готовый надавить большим пальцем на черный шар. От оркестра оторвалась скрипачка и с воплем бросилась на него – ее инструмент издал нестройный звук, напомнивший мне о недавней разминке, – но отец Шеол отшвырнул ее. Скрипка заскакала по оранжевой траве.

– Все мы грешники. Все – и те, кто наверху, и те, кто внизу, и те, кто между. Единственная доступная нам свобода – в мире ином.

Его палец надавил на Тягу; отец Шеол отвел руку назад и подбросил шар высоко в воздух. А потом шагнул вперед и присоединился к оркестру над ямой.

Теперь кричали все оркестранты, и крик этот был громче их музыки. Я уверен, что для большинства собравшихся он заглушил даже память о ней, как, должно быть, и задумывал отец Шеол.

Воздух потек из собора к застонавшей и распахнувшейся яме, а потом нахлынул обратно, насытившийся жарой. Были пламя и рев, и неожиданный прилив ветра и света, оставивший меня задыхающимся и ошеломленным, а потом яма закрылась и воцарилась тишина.

На поле, рядом с ямой, лежали только Тяга и сломанная скрипка. Отца Шеола тоже больше не было. Он принес себя в жертву.

Паства кричала, улюлюкала и надрывала глотки целых семнадцать минут, пока открывали выходы и над полем проносились огромные кадила, за которыми тащился шлейф сладких благовоний. Собор провожал нас гимнами: «Рай одолеет адову грозу» и «В страхе идем мы к тебе, о Господь».

Всю обратную дорогу мама ничего не говорила. Отец что-то бормотал себе под нос. Я притворялся пьютером, ставя перед собой задачи на вычисление.

Почему такому позволено было случиться? Разве Верхние Миры не думали о возможных последствиях отправки оркresta на Геенну?

Теперь, спустя долгое время, для меня это вполне очевидно. Оркrest, конечно же, был принесен в жертву, но не только отцом Шеолом.

Система – вся, за исключением Геенны и неназываемой планеты – была строго безбожной. В то время как неназываемая планета полностью отстранилась от Системы и берегла свою тайну вплоть до того, что отслеживала и уничтожала все упоминания о себе, Геенна была санкционированным отклонением. Геенне было на руку прибытие оркresta. Отец Шеол думал преподать Верхним Мирам урок, но Верхние Миры точно знали, чего от него ждать. Они отдали оркrest Амадея в жертву. Для Верхних Миров это была прекрасная возможность продемонстрировать то, что они считали сумасшествием богобоязни.

В конечном итоге это был урок человеческой природы. В светской Системе существование Геенны было жизненно необходимо.

Однако на повседневном уровне Геенна не являлась планетой мучений. Маленькая община, в которой мы жили, была мирной. Там не совершалось заслуживающих упоминания преступлений. Мы жили вдали от удалитивных приисков. Я знал о них только то, что туда отправляли работать грешников из Верхних Миров.

Впрочем, налоги были и здесь. На Геенне, как и в остальной Системе, налогообложение было сложным бременем. У каждой планеты был собственный инфраналоговый кодекс, а Системная Административная добавляла к этому еще и несколько ультрааналоговых.

Геенна была единственной на всю Систему налоговой гаванью, которой давалось послабление по причине юридически признанной умственной неполноценности. Пока ты жил там, подчиняясь Святому писанию, отвергая порносферу и прочие искусства мирской суеты, и вносил свой вклад в экспорт удалитива, добываемого только на Геенне, ты платил лишь минимальный ультрааналог.

Большинство людей нанимали специалистов для исчисления налогов, но мой отец этого не делал. Он любил сложность налогообложения точно так же, как любил пьютерию с ее системами, и процессами, и обещаниями точности. Даже для Геенны он был необычным. Он равно и без всяких сомнений любил систему налогообложения и Балаболию; любил за то, как они проникали в каждый аспект человеческой жизни, совершенно неуязвимые для здравого смысла. Сидя с друзьями, налаживая их пьютерию, он объяснял, из чего складываются суммы их налогов. Он давал им советы, как уклониться от уплаты, воспользовавшись тем или иным послаблением, и советы, как избежать гнева Божьего с помощью того или иного доброго дела.

Я вспоминаю и удивляюсь, как настолько логичный человек мог принимать Святое писание. Почему же я оказался неспособен поверить? Когда я впервые понял, насколько все это странно? Может, дело было в той затрещине в соборе? Или в выражении лица моей матери, увидевшей, что я заметил, как она отказалась меня защитить? Может, дело было в непреодолимом влиянии ее генов? Верила ли *она сама* хоть когда-то? Или просто молчала о своем неверии?

Два. Таллен

Хлад – окраинная планета, а Форпост, город, где я живу, это самое дальнее на ней человеческое обиталище. Если не считать буровых платформ, конечно. Здесь, в Форпосте, люди горбятся и не поднимают головы, делают свою работу, а потом проводят отпуска вне планеты. Говорят, причина безумия – это однообразие, но у нас тут три времени года, так что совсем не однообразие сводит людей с ума. Большинство считает, что виноват ветер. Сезоны в Форпосте богаты на события настолько, насколько можно ожидать, зная, что Хлад спешно терраформировали с метана до азоткислорода за три столетия.

Самый долгий сезон у нас – между зимой и летом, когда с моря приходит мощный ветер, дуящий в сторону гор, а следом за ним – пощечины грома и черно-серебряные тучи. В других местах это время года называлось бы весной. Мы зовем его приливом, и это чертовски грандиозное зрелище. Если прищуриться и посмотреть в сторону моря, можно разглядеть в этих воронках туч кувыркающиеся силуэты. Порой они напоминают животных, которых ты видел на картинках, или сны, или лица, или карты миров, но иногда это силуэт платформы, и тогда, неважно, насколько ты неверующий, ты молишь тучи, чтобы они не уронили то, что от нее осталось, тебе на голову. Форпост видел падение платформы лишь однажды, и это было задолго до меня, но люди до сих пор об этом болтают, когда поднимается ветер и они пьют в «Красно/баре» кустарниковый бренди. Чаще всего, конечно, платформы хорошо заякорены – буровики такие называют «полупогружными» – и находятся достаточно далеко в море, чтобы, если их все же унесет, вероятность падения здесь была невелика.

В Форпосте все завязано на платформы. Тут, считай, ничего и нет, кроме верфей и систем обеспечения.

Нет, это не совсем так – конечно же, есть еще сарки, и о них в Системе знают все, но сарки сбрасывают в море вдали от Форпоста. В других местах о них говорят много, но здесь никто не обращает на них внимания, разве что время от времени какой-нибудь проскользнет через щит и окажется на берегу. Ах да, есть еще и Поток, но я не настолько свихнулся, чтобы проводить там время.

В сезон прилива жизнь в Форпосте останавливается, так что за пределами комплекса ничего не услышишь, и мы не выходим за границу щита до самого лета, когда все совсем по-другому. Ветер стихает, и прибрежное море унимается, тонким слоем размазываясь по пляжу. Летом у меня отпуск. Погода тогда относительно мягкая, и приходящая с ней недолгая надежда кажется мне невыносимой, поэтому я собираю вещи и отправляюсь к снегам Стужи. До Стужи несколько дней лету на тихоходе. В пути я не сплю, просто смотрю, как исчезает вдали Форпост, или пялюсь на звезды. Раньше я встречался с женщиной со Стужи, но она увлеклась другим, и теперь я с ней не вижу. Теперь я снимаю хижину в белых холмах и гуляю в одиночестве.

Зимой я возвращаюсь в Форпост. Осени как таковой на Хладе нет. Зима у нас – это когда ветер разворачивается и возвращается в море с грузом камня, сорванного с гор. Терраформирование Хлада не закрепилось как следует, но это не имеет значения – как я уже говорил, город существует только ради платформ, а они важны только до тех пор, пока добывается ядро, и я подозреваю, что оно уже иссякнет к тому времени, когда Хлад снова развалится в говно.

Но я на тот момент буду уже давно мертв, так что и хрен с ним.

Таллен перечитал написанное, на мгновение прикрыл глаза, потом вздохнул и в третий раз просмотрел рекламное письмо в поисках уловки.

ПОСЛЕДНЕЕ НАПОМИНАНИЕ. ВОЗМОЖНОСТЬ БЕСПЛАТНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА [ЗвездныеСердца] ДОСТУПНА ТОЛЬКО В ТЕЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ ЧАСОВ. У ВАС ОСТАЛСЯ ОДИН ЧАС, ЧТОБЫ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАРЕГИСТРИРУЙТЕ СВОЙ ПРОФИЛЬ НА [ЗвездныхСердцах] ПРЯМО СЕЙЧАС. ПОВТОРНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕ БУДЕТ.

В течение целого месяца они делали ему все более и более выгодные предложения, которые Таллен игнорировал, но бесплатная регистрация была делом неслыханным.

Его бесило, когда им манипулировали, хоть он и знал, что так бывает со всеми. Нельзя было влиться в Песнь и не потерять в процессе часть души. От такого предложения, однако, отказаться было почти невозможно, пусть даже ему и не хотелось компании. «ЗвездныеСердца» стоили недешево.

Таллен почувствовал стремительный прилив знакомой меланхолии и удалил с монитора весь текст. Никакой пользы «ЗвездныеСердца» ему никогда не приносили.

А потом он тихо вздохнул и восстановил большую часть текста, закончив его на хижине в белых холмах. Закрыв глаза и вспомнил, как Лена попрощалась с ним, протянув открытую ладонь к монитору, и себя, тупо коснувшегося гладкой поверхности.

После Лены он поклялся никогда больше не пользоваться «ЗвезднымиСердцами» – и вот опять они затягивают его. Там понимают, как он думает. Там его знают как облупленного.

Ладно. Когда с него начнут брать деньги, то есть очень скоро, он отменит подписку. Это им о нем тоже должно быть известно.

У них с Леной все равно не было будущего. Они оба это знали. Виновата была не программа. Он никогда бы ради кого-то не покинул Форпост, а она не стала бы жить где-то, кроме Стужи, – вот и все.

Письмо без адресата мерцало на экране. Он восстановил весь текст, вплоть до «и хрен с ним». «И хрен с ним», – подумал он и принял предложение.

Монитор немедленно осветился.

* * *

Мы рады снова видеть вас на [ЗвездныхСердцах], мистер Таллен. [ЗвездныеСердца] являются ПараСайтом «ПослеЖизни».

Вот несколько советов для подписчиков. Они предоставляются вам бесплатно.

Вы не указали место своей работы. По статистике рассказ о высокооплачиваемой и/или уважаемой в обществе профессии увеличивает ваши шансы на ответ.

Вы использовали слова или словосочетания, способные оттолкнуть некоторых подписчиков [ЗвездныхСердец]. Вот некоторые из этих слов или фраз: Однообразие; Безумие; Пошечины; (приставка)Верующий; Невыносимый; Не сплю; Пьют; Встречался с женщиной; Увлелась другим; Иссякнет; Развалится; Говно; Хрен.

Список слов и словосочетаний, которые могут произвести лучшее впечатление, включает в себя: Любовь; Близость; Теплый; Добрый; Чувство юмора; Забавный; Богатый (только по отношению к себе); Генетически стабильный (только по отношению к себе); Здоровый (только по отношению к себе); Домосед; Симпатичный (только по отношению к себе).

Хотите отредактировать свою [ЗвездуСердца]?

Таллен нажал «Нет».

Ваша [ЗвездаСердца] доступна всем подписчикам на период в сто бесплатных часов. По истечении этого времени ваш аккаунт на [ЗвездныхСердцах] перейдет в статус платного со стоимостью пятнадцать бедолларов за (местный календарный) месяц.

Мы оповестим вас о любых ответах.

Он попытался закрыть окошко, но оно не готово было позволить ему это сделать.

Пожалуйста, пройдите эту Цепочку Возможностей перед выходом из «ПослеЖизни». Отказ повлечет за собой удаление всех деталей этой сессии и сделает текущее предложение недействительным.

Спасибо за согласие.

Многие подписчики [ЗвездныхСердец] объединяют доступ к [ЗвезднымСердцам] с доступом к главной базе данных и доступом к ПравдивымРассказам и другим платным ПараСайтам. Вы желаете воспользоваться этой возможностью сейчас или позже?

«Позже».

Вы не открывали главную базу данных «ПослеЖизни» в течение двадцати девяти часов четырнадцати минут. На данный момент вам доступны восемнадцать голосований, пять из которых заканчиваются через девять часов четырнадцать минут. Вы желаете проголосовать сейчас или позже?

«Позже».

Спасибо. Цепочка Возможностей завершена. Вы можете закрыть...

* * *

Таллен закрыл окошко. Он предоставил монитор самому себе и, не в силах усидеть на месте, набросил куртку и вышел на улицу, чувствуя странную вину из-за того, что одобрил «ПоискСердца».

Он уже сожалел об этом. Что он вообще делает? Когда Таллен вот так рассказывал или писал о себе, то начинал слишком много думать. Как, черт возьми, он оказался в подобном месте – женщина, с которой он познакомился несколько вечеров назад в красном баре, писательница, сказала, что Форпост наполнен яростью и шумом¹, сказала так, словно сама услышала это описание где-то еще. Теперь оно застряло у Таллена в голове вместе с ее интонацией. В писательнице было что-то необычное, какое-то ощущение жизни и любопытства, и ему хотелось бы говорить с ней и дальше. Он подумал было, что и она им тоже заинтересовалась, но писательница отвернулась, как только в бар вошел здоровяк-паксер, этим все и закончилось. Рейзер – вот как ее звали. Может, они еще увидятся. Когда Таллен ушел из бара, Рейзер с паксером все еще сидели там и надирались. Люди – даже не криминалы – в присутствии защитников правопорядка обычно нервничали, но только не Рейзер.

Нет, Таллен не должен был позволить втянуть себя в очередной «ПоискСердца». Стоило только взглянуть на советы для подписчиков. Что и кому он мог предложить? Лена была права, как и та, что была до нее, и все остальные. Стоило только посмотреть на безумное место, в котором он жил. Кто поселится здесь по своей воле?

Он шел мимо домов, и мысли его в кои-то веки были кристально ясны. Ночью в Форпосте почти не было теней. Здесь и дни-то были странными, но, чтобы привыкнуть к ночному

¹ «Макбет» цитируется по переводу Виталия Рапопорта (прим. переводчика).

городу, Таллену потребовался год. Из-за причудливого свечения щита воздух не давал ощущения перспективы или расстояния, и все казалось не далеким или близким, а только большим или маленьким. Мозгу приходилось учиться по-новому оценивать визуальную информацию. Со зданиями проблем не было, а вот дверные ручки создавали неудобства, и бинокулярный параллакс тут был важнее, чем глазной фокус. Гулять по Форпосту после заката было словно бродить по детской листалке.

А еще был сам щит. Во время прилива щит, защищавший комплекс, представлял собой гудящее кружево магнитных и электрических полей. Таллен мысленно называл его дымовой завесой. Он, однако, в существование щита верил, в отличие от того ежегодного плюс-минус десятка алкашей или психов, которым взбрело в голову пробежать сквозь него, после чего их уносил ветер, как ту девочку из листалки про страну Оз, которую Таллену в детстве читала мама. Только их больше никто никогда не видел.

Днем щит был почти незаметен – волнующаяся дымка, которую можно было кое-как разглядеть, если прищуриться. Приходилось крепко стоять на ногах и сосредотачивать взгляд на стене, на земле, на чем угодно твердом. Ничто не было способно одолеть этот ветер, но мягкий, многослойный щит мог ему сопротивляться. На внешней границе он едва существовал, всего лишь измеряя скорость ветра. Через несколько метров он принимал удары на себя, смягчая и рассредотачивая, а еще через несколько – поглощал их, перерабатывая в энергию, которой хватало, чтобы питать и комплекс, и сам щит. Сохраненных излишков энергии хватало, чтобы Форпост работал весь оставшийся год. Ветры Хлада были неиссякаемым источником электричества и бедствий.

Таллен продолжал идти, не в силах избавиться от странного ощущения, будто кто-то крадется за ним по улицам. Но причиной тому была всего лишь абсурдность этого места. На Хладе ненормальным было все.

Было уже холодно и далеко за полночь, и щит гудел. Как всегда, Таллен спустился к пляжу, подойдя так близко к воде, что она облизывала ему ботинки. Прибой шипел в камнях под ногами. Галька больше нравилась ему ночью, когда омытые морем блистающие дневные краски выцветали до фиолетовой и алой.

Сегодня морской покой не развеял его смутного уныния. Он ошибся, выйдя на улицу. Вредная привычка – эти еженощные прогулки. Нужно было проглотить капсулу и позволить себе хотя бы химический отдых.

Медленно переступая с ноги на ногу, чтобы не увязнуть в гальке, он думал о том, куда катится его жизнь. Здесь было больше полумертвых, чем живых. Говорили, что в Форпост переселяются те, кто устал жить, а на платформы отправляются те, кто готов умереть. Бары Форпоста наполнились такими вот беседами о конечности бытия. Беда была в том, что Таллен и сам начинал об этом заговаривать.

Он снова подумал о женщине из бара. Рейзер. Как она здесь оказалась? Большинство людей рассказывали о том, что их сюда привело, после первого стакана. Но не она. В ней была жизнь.

Таллен наклонился и поболтал пальцем в неторопливой воде, глядя, как рябь уходит в буйное море за пределами щита и там исчезает. Вдали было видно, как щит высекает из ветра вспышки, красные, и синие, и переливчато-фиолетовые – осколки света, плотного как камень и гаснущего в одно мгновение. Дальше смотреть было не на что. В космосе есть звезды, а вот в море нет абсолютно ничего. Ничего, кроме сарков и платформ, по крайней мере.

Может, ему полегчает через пару дней, когда он вернется к работе. Выходные в Форпосте ничего хорошего не несли.

Он отпустил свои мысли в свободное плавание, гадая, какова жизнь там, на платформах. Одинока и безумна, предположил он, в окружении круглосуточно стучащей машинерии,

и ветра, и моря. Таллен закрыл глаза, пытаясь представить себе грохот буров и ярость стихии, неустанно работающей над тем, чтобы сорвать тебя с места.

А потом он забыл о платформах и склонил голову, прислушиваясь. Что-то было не так. Он слышал какой-то звук... вот он, снова, громче. Таллен поднялся и поспешно направился в сторону дома.

За спиной у него определенно слышались шаги. Таллен на мгновение оглянулся, споткнулся и перешел на неловкий бег.

Три. Рейзер

Рейзер сидела с Бейлом за маленьким столиком под перегоревшей лампой в уголке бара, и оба они непрерывно пили. Поздним вечером здесь было тихо, в зале, кроме них, клиентов было немного: кто-то разговаривал, но большинство сидели и мониторили в одиночестве. Оглядевшись, Рейзер насчитала пятнадцать мониторщиков, а это значило, что по статистике восемь или девять из них сидели на «ПослеЖизни» или одном из ее ПараСайтов. Когда-то Рейзер задавалась вопросом, почему бы им не оставаться дома и не мониторить там, пока кто-то не объяснил ей, что временные ограничения на просмотр «ПослеЖизни» не распространялись на мониторинг в общественных местах. Это помогало людям не выключаться из общественной жизни и давало повод выходить из дома. Или, по крайней мере, помогало «ПослеЖизни» оставаться популярной среди владельцев баров и угождать Администрате Системы.

Здесьние мониторщики тоже казались вполне довольными – кивали самим себе, сосредоточенно бормотали, тыкали пальцами в воздух. Хотя бы ни один из них не сидел на порносайтах. Большинство людей – пусть и не все – оставались для этого дома. Рейзер подумала, не подключен ли кто-нибудь здесь к «ПравдивымРассказам».

Что-то ее грызло, грызло с тех пор, как она сюда пришла, но она не сразу сообразила, что: сегодня не было Таллена. Не то чтобы теперь, когда у нее был Бейл, это имело значение, но все равно, в нем проглядывало нечто интересное и нечасто ей встречавшееся. Рейзер была уверена, что из него получился бы неплохой рассказ. Она подбросила ему цитату из «Макбета», и Таллен на нее клюнул. А как он рассказывал о верфях... Да, в нем определенно что-то было. И еще странно, что Синт поначалу словно не могла принять решение, назначив ей обоих мужчин в качестве материала для ПравдивогоРассказа. Бейл, конечно же, оказался далеко не обычным человеком, и Синт, с ее логикой искусственного интеллекта, была права, что привела ее сюда, но да, если бы не Бейл...

Рейзер вновь переключила внимание на паксера. Что-то с ним сегодня было не так, но она не могла понять причину. Обычно достаточно было пропустить несколько стаканов, выслушать одну-две истории, которые Рейзер потом записывала, и, может быть, вызвать у него улыбку – и на вечер этого хватало. Но не сегодня. Сегодня Бейл упорно напивался, не выказывая никаких следов воздействия алкоголя, кроме непривычной задумчивости. А вот расслабленности в нем не было совсем.

– Рейзер, тебе нравится здесь, на Хладе? – спросил он. Спросил, как будто обвинил.

Она неопределенно махнула рукой.

– Этого мало. Скажи мне. Что тебе в нем нравится?

– Тут спокойно, – сказала она.

– Я не в настроении шутки шутить. Что тебе тут нравится?

– Обычно мне нравится выпивать с тобой.

На мгновение Рейзер отчетливо представила Бейла в одной камере с человеком, который дал неверный ответ. Она содрогнулась. И сказала:

– Мне нравится море. Мне нравятся ветер и шум. Хорошее место для раздумий.

– Глаз урагана. Вот что ты мне сказала в первую встречу.

– Да? – спросила она, хотя прекрасно все помнила. – Бейл, что-то случилось? У тебя настроение паршивее обычного.

Он смотрел мимо нее, и Рейзер заметила, как все не-мониторщики затихли под его взглядом. То же самое случилось в тот первый вечер, когда Бейл протиснулся в двери и позволил ей попасться ему на глаза. Он целый час допрашивал ее, как будто подозреваемую,пил прохладительное, хотя она пила горячительное, заявил к тому же, что никто не прилетает на Хлад

без очень серьезного повода, а потом бросил допрос и начал хлестать с ней ваводку, догнав и перегнав Рейзер за пятнадцать минут.

Она никогда не встречала никого, похожего на Бейла, ни на одной планете Системы. Они переспали трижды, во второй раз – чтобы понять, не случился ли первый только потому, что оба они были слишком пьяны, а в третий – чтобы понять, не слишком ли на них давило то, что во второй раз они были трезвыми. Рейзер еще с первого раза сообразила, что из этого ничего не выйдет, но уже достаточно привязалась к Бейлу, чтобы позволить ему дойти до этого своим умом. Она должна была увидеть, настолько ли он силен, чтобы дать хоть какому-то подобию дружбы выбраться из-под обломков их близости. Ему потребовалась пара недель, но он вроде бы справился, хотя с мужчинами не поймешь.

Это была странная дружба. Рейзер постаралась, чтобы Бейл понимал, что его раскручивают на истории, но его это, похоже, не беспокоило. Ей было очевидно, что других приятелей у него на Хладе немного. И – как ни жаль – что он настоящий профессионал и не выдаст ей никакой конкретной или конфиденциальной информации. В своем деле он был хорош – в этом она не сомневалась. Для чего-то, кроме солдатской работы, Бейл не годился, но в Системе были тысячи мест для жизни лучше, чем Хлад. Большинство из них Рейзер посетила по указке Синт, и ничего хуже не нашла.

Но благодаря Бейлу она узнала о платформах и жизни на Хладе больше, чем можно было выудить из Песни. Синт сделала хороший выбор.

– Ты о жизни когда-нибудь задумываешься? – спросил Бейл чуть заплетающимся языком.

Рейзер проглотила шуточный ответ. Одной из немногих известных ей личных черт Бейла было то, что, помимо своей работы, он не думал почти ни о чем. В том числе поэтому рядом с ним было так легко расслабиться. Эта идеальная сосредоточенность помогала ему в работе, но она же делала его уязвимым. Когда для тебя все вокруг либо черное, либо белое, ты не видишь серого. Рейзер видела оттенки серого повсюду.

– Задумываюсь, – сказала она. – А что?

– Я тут думал. Администрата, Корпус, Пакс – они все как будто в герметичной камере, куда поступает единственный поток воздуха. Людей много, а источник кислорода один, наверху.

Она кивнула, бездумно оглядывая бар. Таллен все еще не появился.

– Рядом с источником, на плечах остальных, стоят генералы и президенты, им прекрасно дышится, они ссут и срут вниз. – Бейл был уже почти невменяем и шурился на влажные круги на столе. – Под ними мочи и дерьма немного, а воздух еще нормальный. Парочкой тел ниже – и вкус у него уже не тот. А у дна сплошное говно, воздух мерзкий, люди не могут двигаться из-за давления сверху, но они живые.

Рейзер хотела что-то сказать, но Бейл поднял руку.

– Штука в том, – сказал он, – что людям сверху нужны те, кто на дне, чтобы подставить свои пасти к лучшему воздуху, а те, кто чуть ниже, не сводят глаз с пригодного для дыхания кислорода. Им плевать на верхушку, и так будет всегда, и плевать на тех, кто внизу, и так будет всегда.

Бейл налил себе еще. Один из работников бара подошел, забрал несколько опустевших стаканов и одним плавным движением вытер стол. Рейзер попыталась поблагодарить его за обслуживание, но он смотрел куда-то вглубь себя.

Она думала, что ей ответить, не понимая, как относиться к этому настроению Бейла. В конце концов она сказала:

– Метафора простая, но точная. Большинство умирает на том же уровне, на котором родилось. Это твоя жизненная философия?

– Это факт.

Она осторожно рассмеялась.

– И где тогда находишься ты?

Бейл выдохнул поток несвежего воздуха и ответил:

– Как обычно, с тобой в чертовом баре. Тебе нужно еще выпить, и мне тоже.

Он осушил стакан и грохнул им о панель долива – и выругался, когда на панели неожиданно высветилось требование проверить кровь.

Рейзер его таким никогда еще не видела.

– Что ж. Похоже, мы оба пойдем пешком, – сказала она как можно небрежнее.

– Да хрен там. Я что, тебе пьяным кажусь?

– Нет, Бейл. Пьяный пьяному пьяным не кажется.

Бейл засунул палец в кровозаборник на столе, дождался, пока засветится экранчик, и прочел:

ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ МАШИНЕРИЕЙ ОТОЗВАНО.
ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЙДИТЕ ПОВТОРНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ
ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПРИ УСЛОВИИ НЕМЕДЛЕННОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ
ПРИЕМА АЛКОГОЛЯ.
ДОБРОЙ НОЧИ, ОФИЦЕР БЕЙЛ.

– И тебе тоже хрен, – сказал Бейл. Поднял стакан на уровень глаз, досчитал до десяти, а потом осушил, не расплескав. – Что это, как не блестящая координация движений?

Рейзер сдалась и усмехнулась:

– По-моему, выглядело нормально.

Он втянул в стакан новую порцию и проглотил ее; пустой стакан ударился о стол прежде, чем вместо «четырёх часов» на дисплее высветилось «четыре часа пятьдесят минут».

– Может, нам стоит немножко притормозить, – сказала Рейзер.

– Мне без разницы. Я завтра не работаю.

Его тон снова изменился. Она спросила:

– Не работаешь?

Бейл пялился в пустой стакан, пока Рейзер не продолжила:

– Отгул? Когда он у тебя в последний раз вообще был?

– Меня отстранили.

– Что? – Рейзер отставила свой стакан, внезапно наполовину протрезвев. Она что-то пропустила? – Почему?

– Нарушение субординации.

Она немного расслабилась.

– И на сколько? На неделю? Относись к этому легче, Бейл. Разве ты не говорил, что это с тобой случается раз в месяц, как по расписанию?

– Ага. Надо, наверное, пойти домой. Поспать.

Рейзер поймала его взгляд и громко рассмеялась, поломав настрой:

– Нет. Это нам обоим на пользу не пойдет. Иди. Выспись. Увидимся, Бейл.

Он встал, и она проследила за тем, как он ушел, слишком ровно вышагивая; водянистое сияние дверного проема на мгновение обрисовало его широкую фигуру. Рейзер выждала несколько минут, потом вышла следом.

Бейл ее не дождался. Она с удивлением обнаружила, что немного разочарована.

Рейзер направилась к дому; алкоголь делал жутковатые улицы Форпоста уютнее. Она была трезва как раз настолько, чтобы обогнуть улочки Дырки. В каждом поселке, городе и порте была своя версия того, что в Форпосте называлось Дыркой: анклав контролируемого беззакония, которому дозволялось существовать при неписаной договоренности, что обитающие там криминалы не будут привлекать к себе слишком много внимания. В Дырке орудовали мелкие бандюки, которые торговали наркотой, но не варили ничего тяжелого и показыва-

лись наружу только ради хулиганства да мелкого воровства. Пакс ее существование полностью устраивало. Рейзер знала, как они работают, все эти регулирующие преступность клапаны. На Пене она ради Правдивого Рассказа провела неделю в переулках Средночия, научилась прятать ИД и ходить невидимкой, сбивать со следа и скрываться, казаться чистой и драться грязно.

Подходило время оставить Хлад. Лучшим здесь были Бейл и его истории. Больше ее тут ничего по-настоящему не интересовало, за исключением, может быть, Потока.

Прочее из того, что могло предложить ей это место, она, скорее всего, уже зафиксировала. Все здесь вращалось вокруг платформ и баров. Все было обустроено так, чтобы держать платформостроителей пригодными к работе и на грани трезвости. Деньги привлекали их сюда, работа занимала, а бары утихомиривали. Пакс более-менее берег их и держал в узде. «Ронен», корпорация, заправлявшая платформами, вела свой промышленный шпионаж втихую, не испытывая терпения Пакса.

Рейзер теперь знала кое-что и о платформах. Она болтала с выпивохами, которые утверждали, что работали там, и записывала их истории, но еще ей говорили, что все они лгут, что никто, побывавший на платформах, о них не рассказывает. Одному она точно поверила, но история в основном жила в его взгляде и молчании. Рейзер предложила заплатить, но в качестве оплаты он принял только ее собственный рассказ. И она поделилась с ним историей, которая досталась ей от криминала, утверждавшего, что он выжил в удалитивых болотах Геенны. Пересказывая эту адскую небылицу мертвоглазому буровику в пропахшем потом баре «Несон», Рейзер чувствовала себя заблудившимся ребенком.

Это была странная мысль. История за историю, сказал буровик, что было похоже на ее тип сделки. И даже на ее жизнь. Какое-то подобие жизни.

Вернувшись к себе, она рухнула на кровать, закрыла глаза и попробовала уснуть. Когда ей не удалось, как это часто случалось в последнее время, она включила на монитории «„ПослеЖизнь“ Живьем!».

Голомэн только что начал. Она оставила его трепаться и сделала себе каффэ, вернулась в постель, натянула одеяло до подбородка и стала пить, глядя на дисплей.

– Привет, Рейзер. Рад тебя снова видеть. Сегодня у нас особый выпуск шоу в двух частях. Для начала потрясающая «История из прошлого „ПослеЖизни“», а потом, в рубрике «Голосование», свеженький бюллетень. Сейчас мы по-быстрому проскочим всю правовую чепухонь, а потом я покажу тебе историю из прошлого – сегодня она сенсационная.

Голомэн вышел из кадра, уступив место тексту:

ПОСЛЕЖИЗНЬ РЕАГИРУЕТ НА ВСЕ ПОПЫТКИ ВТОРЖЕНИЯ В ЛЮБУЮ ЧАСТЬ СФЕРЫ ЕЕ ИНТЕРЕСОВ, А ТАКЖЕ СОПУТСТВУЮЩИХ СИСТЕМ, БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛЮБЫХ МЕР, КОТОРЫЕ ПОСЧИТАЕТ УМЕСТНЫМИ...

В конце концов Голомэн вернулся, улыбнулся и утер свой гладкий лоб.

– Почти закончили, Рейзер. Никуда не уходи.

– Ладно, – пробормотала она. Рейзер была зарегистрированной работницей одного из ПараСайтов, а это было, считай, как работать на саму «ПослеЖизнь», так неужели ей не могли дать поблажку в плане юринформации? Она зевнула. Может, и не надо было пить каффэ. Он, как всегда, подействует, едва только она соберется задремать перед экраном. Ей нужно было поспать.

Голомэн указал на изображение мозга у себя за спиной и сказал:

– Где-то там скрывается секрет «ПослеЖизни». Нейрид. Его невозможно обнаружить. Его не найти с помощью ножа, сканера или оптики...

Рейзер прикрыла глаза и проговаривала навязшую в зубах речь вместе с ним.

– ...Любая попытка либо исследование, которое «ПослеЖизнь» посчитает попыткой обнаружить нейрид, повлечет за собой немедленную реакцию. Это касается любого нейрологического сканирования, исследования или нейрохирургии, не оговоренных с «ПослеЖизнью» заранее.

Экран позади него очистился.

– Всё. Со скучной частью покончено. Перейдем же к нашему крайне, крайне особому Особому выпуску! Первая часть сегодняшнего шоу, Рейзер, посвящена истории, казалось бы, обыкновенного человека. Тебе может почудиться, что эту историю тебе уже рассказывали, но, уверяю, так – еще никогда.

На экране появилось лицо мужчины – в оспинах, с набором ровных и грязных зубов и глазами с отечными веками. Рейзер узнала его немедленно, как узнал бы кто угодно в Системе: Аджинас Риалобон, «Маньяк „ПослеЖизни“».

Голомэн продолжал говорить, но Рейзер не нужно было слушать. Как любой житель Системы, она знала эту историю до мельчайших деталей.

За десять лет Риалобон убил по всей Системе больше двух сотен бродяг. Поскольку большинства жертв хватились не сразу, его деятельность не замечали годами. И только после того, как его поймали, после того, как он выдал расположение своего криохранилища, забитого головами и нейрохирургическими инструментами, были выявлены его мотивы. Он препарировал мозги в поисках нейрида «ПослеЖизни».

– Конечно же, его ждал полный провал, – жизнерадостно сообщил Голомэн. – Это невыполнимая задача. Развиваясь, нейрид сливается с мозгом носителя, и, за исключением случаев, когда специально обученный медперсонал «ПослеЖизни» активирует его с помощью секретной биопьютерии «ПослеЖизни», внешний вид и деятельность нейрида неотличимы от обыкновенных тканей и деятельности мозга.

Голомэн принял серьезный вид.

– Преступления Риалобона вышли на свет только благодаря умелым информаналитикам «ПослеЖизни», заметившим значительное, но необъяснимое падение количества бездомных.

Он повернулся к другой камере и улыбнулся:

– Открытие шокирующее, но для «ПослеЖизни» оно стало триумфальным. Наш непрерывный учет дал основания предполагать деятельность активного серийного убийцы еще до того, как обнаружилась хоть одна часть тела. «ПослеЖизнь» передала Паксу информацию и программы, позволившие отследить закономерность в действиях убийцы и в итоге поймать его.

Появилась и исчезла суровая эмблема Пакса. Это навело Рейзер на мысли о Бейле. Заснул ли он уже? Она посмотрела на время. Почти четыре. Утренний свет начинал примешиваться к фиолетовому свечению за окном. Ей уже не заснуть. Глупо было это смотреть. В особых выпусках Голомэна никогда не было ничего нового, сплошь древние истории, в которых только графика менялась. Рейзер смотрела предшествовавшие голосованию сегменты исключительно в силу привычки.

Она подумала, не позвонить ли Бейлу, и решила этого не делать, а потом отчего-то вспомнила о Таллене. Рейзер чувствовала себя неловко из-за того, что бросила его ради Бейла, но так уж оно порой складывалось. А Таллен с тех пор не приходил в бар в одно время с ней.

Голомэн откинул с глаз блестящий каштановый локон.

– Часто звучат обвинения, что «ПослеЖизнь» в своем отборе отдает предпочтение богачам. Это не так. И голосование невозможно фальсифицировать. Все программы рандомизации находятся в открытом доступе. У «ПослеЖизни» остается лишь один тщательно охраняемый секрет – и это нейрид. Абсолютная тайна нейрида позволяет всему остальному быть совершенно прозрачным. «ПослеЖизнь» полностью открыта для Системы и строго контролируется.

Голомэн начал идти, и камера последовала за ним сквозь массивы пульсирующей информации, сквозь бормочущие голоса, звучавшие то громче, то тише. Рейзер слышала четкие

согласные Вегасхриста, гортанность Отдохновения, голоса старые и молодые, женские и мужские, а по экрану плыли фрагменты текста:

...единственное, что меня поддерживало...

...она так и не поняла...

...когда он наконец умер...

Когда все стихло, Голомэн сказал:

– Взглянем на факты. Потенциально нейрид может достаться каждому, кто родился в Системе, за исключением – таков был их выбор – жителей Геенны и неназываемой планеты.

Голомэн, как обычно, растягивал «особый выпуск». Рейзер начала прикидывать, как ей уместить Бейла в Правдивый Рассказ. Она всегда получала хорошую статистику, когда вписывала туда себя. И щепотка секса никогда не вредила. И еще людям нравилось думать, что они узнают на «Правдивых Рассказах» что-то новое, как и на «ПослеЖизни», пусть даже они не могли решить исход Правдивого Рассказа. Воспоминания Бейла были полны насилия и техники. Закрутить вокруг него историю будет нетрудно.

Голомэн перешел к внедрению нейрида.

– Конечно же, родители могут отказаться от участия своего ребенка, хотя законодательно предусмотренный налог на «ПослеЖизнь» все равно подлежит уплате. В тех редчайших ситуациях, когда оборудование недоступно сразу по рождению, имплантация нейрида может быть проведена в течение первого года жизни.

Каффэ начал действовать. Она попыталась набросать в уме историю Бейла, но обнаружила, что думает о его проблемах, а не о художественном потенциале. Пакс был его жизнью. Что станет с Бейлом без него?

Она что, о нем беспокоится?

Вероятность этого встряхнула ее сильнее, чем каффэ. Рейзер встречала мужчин интереснее и гораздо привлекательнее Бейла. Его рассказы были хороши, а прямота подкупала, вот и все.

Нет, она беспокоится только о том, что не сможет вытянуть из Бейла все, что он способен поведать, прежде чем «Правдивые Рассказы» отправят ее дальше.

– Нейрид создан на основе полипотенциальных клеток, дешев в изготовлении и имплантируется посредством элементарного проникновения в череп. Его производство субсидируется Системой. Случайное распространение нейридов-плацебо модерируется ИИ, хотя объем использования плацебо ежегодно уменьшается в связи со вводом в эксплуатацию новых банков памяти и сопутствующим расширением базы данных «ПослеЖизни». Во всей участвующей Системе имплантат не может достаться только мне. – Голомэн театральным жестом погрузил руку в собственное тело, демонстрируя свою нереальность, и наконец-то вернулся к Аджинасу Риалобону.

Рейзер не нужно было в очередной раз смотреть на подробности убийств Риалобона и его поимки. Сегодня показали несколько изображений мозга, которых она раньше не видела, какие-то новые сведения о парочке жертв и серию интервью с подозрительно возрастающим списком людей, утверждавших, будто они спаслись из-под ножа Риалобона. Голомэн говорил:

– Помни, что «ПослеЖизнь» соблюдает права граждан и не выдает информацию Паксу или Юстиксу. Неизвестно даже, был ли активный нейрид у самого Риалобона.

Рейзер все еще думала о Бейле. Она тратила на него слишком много времени. Ну и что, что ей нравилась его компания? Все равно это была работа. А может быть, отдых, в котором она сейчас нуждалась, – легкая беседа вместо обычных интервью и записи. Но причина была неважна. Ей и правда пора уже было с ним заканчивать. Она прожила в Форпосте месяц с лишним, куда больше, чем проводила в большинстве других мест.

– Понравилось? Мне – да! А теперь, Рейзер, вторая часть шоу – новое *голосование!*

Она заглотила остатки каффэ, наконец-то ощутив себя полностью в сознании.

– Но для начала еще несколько фактов.

Рейзер ссутулилась. Каждый раз, подумалось ей. Она ничему не учится. Как и все остальные, впрочем. Раз за разом побеждает все та же потребность довериться. Как в большом, так и в малом.

– Лишь в случае медицински подтвержденной неизбежности твоей смерти персоналу «ПослеЖизни» дозволена проверка наличия активного нейрида. Если ты окажешься нейрид-позитивной, тебя введут в *rigor vitae*, уложат в саркофаг, он же сарк, и сбросят в океан Хлада, а твою Жизнь перекачают с нейрида в базу данных «ПослеЖизни».

Грянула музыка.

– А потом, Рейзер, через год, десять лет, возможно даже, что спустя век или больше, когда появится лекарство или новая методика лечения для *твоей* проблемы, решать будет... – Он широко улыбнулся и раскинул руки, а камера отступила, неожиданно превратив его в точку на фоне звездного задника. Триумфальные аккорды нарастали, пока, во внезапной тишине после окончания музыки, Голомэн не прокричал: – ...*каждый из вас!*

Не желая того, Рейзер ощутила, как заколотилось ее сердце.

– В этот момент возможного возвращения, Рейзер, *твоя* находящаяся под угрозой жизнь, и жизни прочих, очутившихся в той же самой ситуации, будут внесены в бюллетень. И кто угодно сможет проголосовать за кого угодно. Только я, Голомэн, лишен права голоса. Голосование не является, повторяю, не является соревнованием. Ты голосуешь *за* второй шанс или *против* него, для такого, большого или малого, количества людей, для какого пожелаешь.

Раздраженная тем, что продолжает смотреть, Рейзер вызвала текущую статистику просмотров Голомэна. Вместе с ней его слушали тридцать семь процентов доступной Системы. Она пробежала взглядом аналитику и экстраполяцию. Предполагалось, что в ближайшие пятьдесят часов восемьдесят девять процентов взрослого населения Системы – за исключением обычных двух планетарных исключений, Геенны и неназываемой планеты, – посмотрят шоу и приступят к голосованию. Она не уставала этому поражаться. Выборы в Администрату привлекали вполтину меньше внимания, да и то со скрипом.

– Как тебе принять решение? Это легко и интересно. Нужно всего лишь просмотреть их жизни. Были ли они – *остались* ли они – в чем-то неприятными, любящими, жестокими? Чувствуешь *ты* себя великодушной или нет? – И реплика в сторону, шепотом: – Но помни, если твой собственный нейрид – это подлинный нейрид, однажды и тебя могут судить по твоим суждениям.

Это все совершенно потрясающе, подумала Рейзер. «ПослеЖизнь», единственное, что объединяло Систему, была чуть ли не до банального проста. Она существовала вне политики и боговерия и была единственным налоговым бременем, которое никого не тяготило.

И она приносила Рейзер средства к существованию. Как сотруднице «ПравдивыхРассказов», одного из своих ПараСайтов, «ПослеЖизнь» платила ей за то, чтобы она путешествовала по Системе, слушала и фантазировала, создавала повествования из хаоса. Возможно, это было самым замечательным – то, что она могла жить за счет «ПослеЖизни», и только потому, что рассказывала истории. «ПослеЖизни» были правдивы, но и грязны. Люди ходили на «ПравдивыеРассказы» за утешением после тревожной правды «ПослеЖизни». А благодаря своим навыкам и еще отбору и указаниям своего ИИ, Синт, Рейзер была одной из лучших рассказчиц.

Голомэн перешел на деловой тон. Его волосы сделались короткими и аккуратными, а лицо – суровым, и он сказал:

– Проверке подлежит каждый отданный голос. Голосование полностью открыто и не подвержено коррупции.

Слушая рассказы о жизни людей и сочиняя истории, Рейзер часто воображала себе жизнь в прошлом, на Земле, когда можно было ожидать, что проживешь дольше пятидесяти лет и большую часть этого времени будешь наслаждаться приличным здоровьем. Какими были исто-

рии тех людей? Могли они догадаться, что у них вот такое будущее? Необратимое лучевое поражение, аутоимунные болезни, вечно изменяющиеся метавирусы, неораки и токсические реакции? Лютая смертность и общий упадок? Банальная невыносимость всего на свете?

Там, на Земле, они воображали, что будущее принесет лекарства от любой болезни, что в конце концов технологии превзойдут природу.

Она зевнула, наконец-то ощутив сонливость. Как глубоко мы всегда заблуждаемся.

Четыре. Алеф

КлючСоб 2: мой отец уплачивает налог

Вскоре после того, как мы вернулись из собора, один из наших соседей, Иосип Фарлоу, получил и открыл случайно доставленное ему налоговое уведомление, предназначавшееся моему отцу. Рассказывали, что Иосип едва не потерял сознание, увидев размеры ошибки. Легенда о налоговом уведомлении Савла стала на Геенне народной сказкой. Даже притчей.

Вот как ее рассказывают.

Иосип был уверен: Савл не сможет принять того, что в администрации Такса способны допустить такую ошибку. Он думал, что Савл зависнет и сломается, как пьютер. Не зная, как быть, он сходил к отцу Благодатному, а отец Благодатный сходил к Марите, которая тоже не представляла, что делать.

В конце концов они собрали церковный комитет, в котором Савл был техническим консультантом. Отец Благодатный затеял разговор об опечатках в переводах Балаболии, а в конце собрания Иосип передал Савлу налоговое уведомление и извинился за то, что по ошибке его открыл. Также Иосип невзначай прокомментировал явную опечатку и предложил стать посредником между Савлом и администрацией Такса, чтобы договориться об исправлении ошибки.

Савл прочитал уведомление и ничего не сказал.

За столом было тихо.

Отец Благодатный шуточно заметил, что Савл в равной степени хорошо знаком с Балаболией и системой налогообложения и что ошибки порой неизбежны и там и там.

– Благодарю тебя, Иосип, – в конце концов пробормотал Савл. Сложил бумажку и убрал ее в карман.

– Что ты будешь делать? – спросил кто-то чуть встревоженным голосом.

– Это налог, – ответил Савл, пожав плечами. – Конечно же, я должен его уплатить.

Такого ответа никто не ожидал. Как только Савл покинул собрание, отец Благодатный позвонил Марите и сказал, чтобы она связалась с ним, если нужна будет помощь, добавив, что он, честно говоря, не знает, как лучше поступить.

Марита старалась вести себя так, словно всё в порядке, что давалось ей легко, поскольку Савл делал то же самое. Через несколько дней она спросила, что он предпринял по поводу налога, а он ответил, что заплатил его.

Весь ИерСалем с волнением ждал обострения ситуации, которого не могло не случиться. В Таксе совершили ошибку, которая не была исправлена, а Савл явно перечислил им деньги, которые уже потому что были уплачены – уж кто-кто, а Савл-то должен был это понимать – необратимо делали ошибку истиной. Но платеж он, конечно же, совершил, не обладая при этом суммой с достаточным количеством нулей.

Весь ИерСалем озабоченно гудел. Савл, похоже, полагал, с его верой в непогрешимость Такса, что отдавать нужно столько, сколько с него просят. И что ошибся, должно быть, он сам.

Все знали, что будет дальше. Пакс придет на Геенну космозак и заберет его.

Но шли месяцы, а за Савлом никто не прилетал. Опасения долго не утихали, но потом все успокоилось, хоть и не было уже таким, как прежде. Савл чинил пьютеры, а их хозяева настаивали на том, чтобы как-то оплатить его работу, чего прежде не делали. Савл денег не брал, поэтому они расплачивались вещами, которые можно было продать. Расплачивались не с ним, а с Маритой. И звали Савла разбираться с простейшими неполадками, просто чтобы отдать Марите что-нибудь, что поможет ей в будущем.

А потом наконец-то прибыло еще одно письмо для Савла с пометкой «ТАКС». Почтальон сразу отнес его отцу Благодатному, который вскрыл конверт.

Это была квитанция о полной уплате налоговой суммы. Отец Благодатный запечатал конверт – без сомнений, вознеся благодарственную молитву, – и передал его моему отцу.

Жители поселка пришли к выводу, что таким изящным и логичным способом налоговая служба исправила свою первоначальную ошибку; свет на идиотизм ее требований пролился лишь тогда, когда не прошла отцовская оплата. Чтобы сохранить лицо, налоговики сделали вид, что и уведомление, и оплата были корректными, и таким образом восстановили порядок. По мнению жителей поселка, Савл продемонстрировал, что в еретической Системе живут именно такие болваны, какими их все считали.

Мой отец, не подозревая об этом, стал кем-то вроде героя. Отец Благодатный прочел проповедь на тему обращения слепой глупости безбожников против них самих – проповедь, истинную суть которой в ИерСалеме уловили все, кроме Савла, – и в поселок вернулся покой.

До появления Пеллонхорка.

КлючСоб 3: мой первый пьютер

После школы я часто проводил время на работе у отца, помогая ему с пьютерией.

Программирование давалось мне очень легко. Это было не как учиться читать, а как учиться говорить. Мой мозг, подобно мозгу отца, был идеально настроен для этой задачи. Все было так просто. Игры, в которые мы с ним играли, были не обычными забавами отцов/сыновей – мы не строили башен из пластмассовых кубиков и не пихали мячи ногами. Мы играли с мониторией и пьютерией. Когда я еще находился в утробе матери, мой отец изобрел систему, которая переводила первые мои звуки в визуальные символы, и окружил мониторией мою кроватку. Я быстро обучился звукам, рисовавшим примитивные лица, и в первые несколько месяцев освоил модуляции, которые заставляли лицо на мониторе улыбаться, или подмигивать, или выдувать пузыри. Чем сложнее становилась речь, тем менее условными делались символы, тем более изощренными – мои способности к программированию. Еще не научившись ходить, я дирижировал простыми реками. Мы с отцом играли с цифровой водой. Он бросал в нее камни, а я предсказывал и вычислял их влияние на поток. Мы оба смеялись.

Вскоре у меня появился свой пьютер, и я создавал для него собственные программы. Отец рассказал мне о секретности и конфиденциальности, и о разнице между ними, и о значимости обеих, и научил меня кодам и шифрованию. Мы играли в игры на запоминание, и он был так же доволен, как и я, когда, лет около шести, я начал его побеждать. Мы создали метод криптографической защиты для моего пьютера. Простые числа, которые я использовал, казались тогда огромными. Отец спросил меня, как я запоминаю, – его собственные визуальные приемы не работали на тех уровнях сложности, которых требовали мои простые числа, – и я рассказал, что вижу их как деревья в листве, высокие деревья, колеблемые ветром. Каждую ветку и веточку нужно было читать в порядке подъема от земли, а каждый лист, от ствола до кончика, был цифрой.

Я привык к непониманию со стороны прочих детей и взрослых, но, когда отец пытался представить себе мои леса, он смеялся, хотя это и был немного странный смех.

После этого мы с отцом заключили соглашение относительно моего пьютера. Я предоставил ему допуск, чтобы устанавливать для меня игры и головоломки, но он не мог свободно пользоваться им или вмешиваться в работу моих программ. У меня же был более высокий уровень допуска, дававший мне полный доступ к возможностям пьютера.

Конечно же, теперь я вижу, что это была попросту молчаливая договоренность, благодаря которой, в обмен на то, что я пользовался исключительно собственным пьютером, отец мог пускать меня к себе на работу. Не было таких правил, которые он смог бы мне навязать. Это

как если бы в нормальной семье отец, неожиданно обнаружив, что его сын сделался больше и сильнее него, решил, что они больше не будут играючи бороться.

Я так и не продемонстрировал ему свои выводы относительно гипотезы Римана и проблемы Гольдбаха. Сейчас мне жаль, что я этого не сделал. Но в том возрасте я думал лишь о том, что он воспользуется ими, чтобы взломать мои коды.

КлючСоб 4: Пеллонхорк

Вскоре после того, как мне исполнилось восемь, Иосип Фарлоу со своей семьей погиб в ужасной аварии – их циклолет угодил в метановый выброс, – и новая семья из списка была избрана для того, чтобы прилететь и поселиться в нашем поселке. Список был длинным. Всегда находились люди, желавшие оставить Верхние Миры ради сурового блаженства Геенны.

Тогда я об этом не думал, но сейчас очевидно, что знаки, указывающие на необычность появления Пеллонхорка, присутствовали сразу. Большинство новых семей прилетали либо бездетными, либо с беременной матерью, и еще мужчина и женщина всегда прибывали вместе. Детей никогда не было, и одиноких взрослых тоже.

Но вот явилась эта странная семья, и, как было заведено, священник принял новоселов в наше сообщество на поминально-приветственной службе, которая начиналась так: «Посреди смерти в жизни пребываем».

Авареш, мать новой семьи, сидела в церкви, одетая в траурное рубище. Она рыдала, словно погубившая семью Иосипа Фарлоу авария унесла ее собственную родню, а не принесла ей пользу. Она всхлипывала и задыхалась, как будто жизнь была не трагедией от рождения из праха до возвращения во прах, как нас учили, а чем-то более сложным.

Супружника с ней не было. Вместо него по бокам от Авареш сидели ее кузены, Гаррел и Трейл. Мы в ИерСалеме никого похожего на них не встречали. Они были в темной нетканой одежде и сидели на жестких скамьях потрясающе неподвижно, словно высеченные из камня. Даже тогда мне подумалось, что они выглядят как солдаты – с их мерцающими во мраке церкви линзами, с их одетыми в истертые на костяшках перчатки руками, что лежали ладонями вниз на широких бедрах, с их плотными куртками, намекавшими на скрытое оружие.

И еще был мальчик, сын Авареш. Пеллонхорк.

Трудно сейчас, столько лет спустя, представить Пеллонхорка мальчиком. Ему было восемь, как и мне, и он носился по церкви, дикий словно ветер.

Никто ничего не делал. Отец Благодатный должен был попросить его мать унять мальчишку, но не попросил. Теперь я думаю, не было ли ему что-то известно, но, возможно, он был точно так же приведен в замешательство необычными пришельцами.

Авареш всхлипывала. Для меня это было непостижимо. Ее кузены безучастно сидели по бокам, и моя мать тихо встала и подошла к ней. Гаррел – тот из кузенов, что был повыше, мочки ушей у которого раздулись от сенсоров, а намазанные гелем волосы были разграфлены на мелкие квадраты, напоминая оболочку гранаты, – не выказывал никакого желания ее пропустить, но она ждала. Авареш подала кузену быстрый знак, и тот позволил маме сесть рядом с ней, хоть и помедлил достаточно долго, чтобы эту паузу заметили все, кто был в церкви. Все, кроме Пеллонхорка, строившего башню из молитвенников в стрелчатом пятне света из высокого окна.

Отец Благодатный продолжал службу:

– Мы оплакиваем Иосипа и Нейшу, и их детей Джони и Джесс, и благодарим за прибытие Авареш и Пеллонхорка, и Гаррела, и Трейла.

Все молчали, и даже Пеллонхорк на мгновение утихомирился, отступив от своей угрожающе высокой постройки из книг и прищурившись на нее. Укрепленная подколенными подуш-

ками, башня была с него высотой. Я видел, как он осторожно поставил на ее вершину серебряную курильницу, блеснувшую в ярком луче.

Священник завершил службу молитвой о неназываемой планете:

– Мы молимся за души тех, чья ужасная вера забрала у них возможность спасения, чтобы однажды они возвратились к нам.

Все слышали рассказы о неназываемой планете – о том, как она отстранилась от Системы, и уничтожала все корабли, отважившиеся приблизиться к ней, и посылала отряды убийц, жестоко расправлявшихся с любым, кто произносил ее название вслух. Это звучало неправдоподобно, однако на Геенне сомнения были редки.

Наконец отец Благодатный вновь указал на новую семью и тихо, но властно произнес:

– Мы надеемся, что к Авареш и ее семье вскоре присоединится и ее супругник...

Бабах. Все вздрогнули и обернулись на шум падения Пеллонхорковой башни из молитвенников и металлический звон ударившейся о камень курильницы. На мгновение мне почудилось, что Гаррел и Трейл вскочили, но нет, они были единственными в церкви, кто остался сидеть. Однако позже я вспомнил, что все было не так. Они *действительно* встали, и в руках у них появились готовые к стрельбе пистолеты; они осмотрелись, расслабились и сели обратно еще до того, как все остальные успели как-то отреагировать.

На этом церемония и закончилась. Мы все потянулись к выходу из церкви, минуя луч света, пахнувший теперь удушающе-сладкими благовониями. Авареш продолжала всхлипывать. Все остальные – кроме Гаррела и Трейла, у которых, должно быть, стояли в носоглотках воздушные фильтры, – кашляли, проходя через арочную дверь. Пеллонхорк размахивал руками и танцевал.

Вот как они появились. Прошло много времени, прежде чем хоть кто-то в поселке узнал имя супругника Авареш. А когда мы узнали, оно нас не удивило. Даже на Геенне слышали об Итане Дрейме.

Но это вскрылось далеко не сразу. Всегда находилась какая-то причина, по которой отец Пеллонхорк не мог к ним присоединиться. Работа, проблемы с транспортом или просто «осложнения». Авареш пожимала плечами, Гаррел и Трейл ничего не говорили.

В первый же день, когда Пеллонхорк пришел в школу, наш одноклассник спросил его об отце. Пеллонхорк избил мальчишку так сильно, что тот не мог учиться целый месяц.

Авареш с моей матерью стали лучшими подругами. Она постоянно в чем-то нуждалась, и мои родители ей помогали. Мне никогда не приходило в голову, что это не просто доброта и случайность.

У них было странное семейство. Они жили впятером: Авареш, Пеллонхорк, два кузена и зеленый щеканчик. Щеканчик был питомцем Пеллонхорка и обитал в вольере. Крылья у него были подрезаны, и он мог только мерить вольер неуклюжими шагами. По словам моей матери, Пеллонхорк плохо за ним присматривал, поэтому бремя ухода легло на Авареш. Пеллонхорк питомец за что-то невзлюбил. Авареш часто держала щеканчика на руках, баюкала и поглаживала его мягкое оперение.

А я сдружился с Пеллонхорком. У него была безумная, невероятная харизма. Когда мальчик, которого он избил, вернулся в школу, Пеллонхорк был первым, кто его поприветствовал, причем с подлинной радостью. Он не вспоминал об избиении. Для Пеллонхорка оно словно и не случилось. Мальчик ответил ему странной благодарностью, но с тех пор всегда был осторожен.

Это стало для меня интересным уроком. Думаю, все мы знали, что перед нами кто-то необычный. Пеллонхорк сразу сделался нашим лидером. Мы рисковали, лазали и плавали в опасных местах. Конечно, никто из нас никогда не говорил ему «нет», а он всегда был первым, кто лез, кто нырял, кто дрался. Он не знал страха. Мы думали, что он был отважен. А он, разумеется, был психопатом.

Как-то контролировать его могли только Гаррел и Трейл. Он постоянно их дразнил, а они не обращали внимания на его подначки.

Но однажды я увидел, как Трейл его побил.

Это случилось так. Днем Пеллонхорк без приглашения пришел к нам домой и сказал, что хочет со мной поиграть. Мы поднялись в мою комнату. Поначалу он был возбужден, потом унялся. Я никогда его таким прежде не видел. Вскоре моя мать ответила на звонок – очевидно, от Авареш. Она ушла, а несколько минут спустя появился Трейл и постучался в нашу дверь.

Я не должен был его впускать. Мне не разрешалось никому открывать дверь, если дома не было взрослых, к тому же Пеллонхорк кричал, чтобы я этого не делал; подобного крика я ни от кого еще не слышал. И он ругался; обещал сделать со мной что-то такое, чего я попросту не понимал.

Можете представить себе, как я был напуган. Я видел, как Пеллонхорк ни за что избил мальчика до потери сознания и все равно продолжал его колотить, невозмутимо и методично, пока не убедился, что все мы усвоили его посыл. Он никогда не терял контроля над собой. И в то же время я слышал за дверью голос Трейла, размеренный и спокойный, и содержащий в себе больше угрозы, чем всё, что я мог себе представить.

Я слышал крики Пеллонхорка, но тихий голос Трейла перекрывал их. Я потянулся и открыл ему дверь. Его темные линзы сверкнули, когда он текучим движением прошел мимо меня и вверх по лестнице. Я последовал за ним. На мгновение я заметил выражение лица Пеллонхорка через приоткрытую дверь моей спальни, прежде чем тот захлопнул ее перед носом у Трейла. Я немедленно подумал, насколько же перепуган должен быть Пеллонхорк, чтобы осмелиться закрыть перед ним дверь.

Но ему ничего не должно было грозить до тех пор, пока Трейл не успокоится. Из-за работавших на удалитиевых болотах заключенных на всех дверях в поселке, как внешних, так и внутренних, стояла защита от проникновения. И дверь в мою спальню исключением не была. Выйти мог любой, кто находился внутри, а вот зайти – лишь человек с зарегистрированными отпечатками пальцев. Даже разбежавшийся с сотни метров кенгурог не смог бы ее выбить.

Однако Трейл взялся за ручку, навалился на нее, и мгновение спустя дверь издала странный скрежещущий звук, прогнулась, треснула, а потом влетела внутрь комнаты. Трейл потерял кулак и оглянулся на меня. Что он хотел сказать мне этим взглядом, я не понял. Блеск его линз был таким же, как и всегда. Я увидел, как он зашел в мою комнату и как поднялась и небрежно упала его рука. Я услышал мертвый, глухой звук, и крик Пеллонхорка оборвался.

После странного мгновения тишины Трейл повернулся боком, не глядя ни на меня, ни на Пеллонхорка, и склонил голову. Я услышал, как он ругается. Он поднял сложенную ладонь и начал в нее шептать. Лицо его было бледным, а рука тряслась. Он продолжал говорить, потом остановился и подождал и заговорил снова, на этот раз спокойнее. Краски вернулись на его лицо. Он глубоко вздохнул и наклонился, чтобы осторожно взять Пеллонхорка на руки, и ушел вместе с ним; мальчик отказывался смотреть мне в глаза.

Пеллонхорка не было в школе неделю, а его щеканчика мы больше не видели. Я спросил у мамы, где он, и она сказала, что лучше будет не заговаривать о нем ни с Пеллонхорком, ни с его матерью. Отец заказал мне новую дверь. Я ждал, что рабочие спросят у меня, как так получилось, что ее выбили, и готовился все им рассказать, но они этим так и не поинтересовались. Хотя были со мной очень вежливы.

КлючСоб 5: порносфера

- Давай сходим на работу к твоему папе, – сказал однажды Пеллонхорк.
- Хорошо, я спрошу у него.
- Нет. Я имею в виду, одни.

– Одним нельзя. И вообще, зачем это тебе? Он не будет против, если мы придем. Я часто туда хожу и помогаю ему.

– Нет. Я хочу тебе кое-что показать.

– Что ты можешь мне показать?

– Увидишь.

Это было одно из его любимых словечек: «Увидишь». Пеллонхорк говорил его и когда угрожал, и когда искушал. Я понимал, что он станет надо мной издеваться, если я не соглашусь, но этого можно было избежать. Я сказал:

– И вообще, там закрыто. Мы не сможем войти.

– Я нас впусти. Об этом не беспокойся.

Мне пришлось согласиться. Я сказал родителям, что схожу поиграть на улице, и встретился с Пеллонхорком у папиного офиса. День кончался, и в окне проступали отражения наших лиц.

– И как мы попадем внутрь? – неохотно спросил я.

Пеллонхорк показал мне маленький приборчик, который, как он сказал, стащил у Трейла. Я не был удивлен. Я давно перестал думать, что Гаррел и Трейл обычны хоть в чем-то. Я даже не был уверен, что они на самом деле кузены Авареш.

Пеллонхорк поднес приборчик к замку двери и прижал руку к устройству распознавания.

– Как он работает? – спросил я.

– Он дает нам разрешение на вход. Смотри. – Он поднес мою руку к замку. – Вот. Мы оба в списке. Теперь сможем войти, когда захотим.

Я замотал головой, пытаюсь найти выход из этого положения.

– Мой папа узнает.

– Только если проверит список, а этого никто никогда не делает. Только не на Геенне.

Я уставился на него.

– Ты не знаешь моего папу.

В ответ он усмехнулся и сказал:

– Ты *сам* не знаешь своего папу.

И прежде, чем я сумел ответить, он добавил:

– Ну что, пойдём? Или кишка тонка?

Мы прошли внутрь и мимо рядов пьютерии и монитории с их мерцающими программами, расчетами, которые никогда не останавливались, анализами вероятностей, вариантами стратегий – экономии топлива, и увеличения скорости, и потребления кислорода – и факторами риска на том или ином межпланетном маршруте. Почти во всем этом я разбирался к десяти годам, а годом позже уже настраивал программы вместе с папой.

Я подошел к своему пьютеру и включил было мониторию, но Пеллонхорка это не интересовало.

– Сюда, – сказал он, встав у двери в задней части комнаты.

– Это просто подсобка. Папа там держит старую пьютерию. Тормозящий хлам. Он в основном и не работает уже.

– Думаешь?

Я пожал плечами. Пеллонхорк открыл дверь, и я неохотно вошел следом за ним. Он уселся за передний монитор.

– Этот совсем накрылся, – сказал я ему.

Пеллонхорк меня проигнорировал. Он поправил перекосившийся монитор, устроился поудобнее и попробовал его включить.

– Видишь? – сказал я.

Он снова попытался включить монитор, потом сыграл несколько кодовых риффов на клавиатуре. Никакой реакции, конечно же, не было – бессмысленно что-то вводить в мертвую

пьютерию – но Пеллонхорк сосредоточился, набрал коды снова, и внезапно монитор засветился, а голос его проворковал:

– Идет подключение.

– Ха, – сказал Пеллонхорк.

В том, что пьютер вообще работал, не было никакой логики, но еще меньше ее было в том, что Пеллонхорк смог его включить. Там не стояло какой-то серьезной защиты, что было непохоже на моего отца, а Пеллонхорк знал код, и это было попросту безумием.

– Что ты делаешь? – только и смог сказать я.

Он откинулся на стул.

– Проверяю, как дела у папы.

До этого Пеллонхорк никогда не упоминал о своем отце, а с тех пор, как он избил задавшего неосторожный вопрос мальчишку, и другие эту тему не поднимали. Я не знал, что сказать, поэтому не сказал ничего. Как большинство ребят, я пришел к мысли, что его отец мертв. Но теперь начал гадать, какой он. Как он выглядит? Сколько ему лет? *Где он?*

Я едва не спросил об этом, но сдержался. Я боялся, что нашей хрупкой дружбе настанет конец. Возможно, он развернулся бы и ударил меня. С Пеллонхорком такое всегда было возможно.

На мониторе было помещение, серая безликая стена, и больше ничего.

– Его тут нет, – сказал разочарованно Пеллонхорк. – Давай попробуем кое-что еще.

Он снова что-то набрал, и изображение сменилось на закрытые рисованные ворота, черные и высокие.

– Нельзя этого делать, – сказал я.

Над воротами повисли серебристые слова:

Пожалуйста, зарегистрируйтесь для входа в Песнь. Вы идентифицированы как житель Геенны. Для продолжения, пожалуйста, введите персональный регистрационный код.

Пеллонхорк что-то набрал, слишком быстро, чтобы я мог уследить.

Пожалуйста, подтвердите регистрацию своим обычным голосом.

Подтвердить? Неужели он на самом деле успешно вошел в Песнь? Я не мог понять, как у него это получилось. Но теперь он не знал, что делать. Его пальцы зависли в воздухе. Я был уверен, что Пеллонхорк не клюнет на приманку голосового подтверждения. Стоит только использовать свой необработанный голос – и тебя сразу могут идентифицировать и выследить. Это была одна из причин того, что все до сих пор по возможности пользовались текстом. Даже на Геенне, в ее миниатюрной версии Песни, Балабол-канале, никто никогда не голосил, а мы с Пеллонхорком уже вышли – каким-то образом – далеко за пределы Балабол-канала. И смогли добиться этого на пьютере, который и работать-то не должен был, не то что подключаться к Песни. К Песни!

Я потянулся мимо Пеллонхорка и набрал аудиокод.

– Теперь напиши, что у нас помехи. Атмосферное электричество. Мой папа всю свою пьютерию настраивает, чтобы это имитировать.

Пеллонхорк набрал то, что я ему сказал, и секунду спустя ворота медленно открылись и растаяли, оставив монитор ярко-синим и пестрящим опциями. Это была Песнь. Я о ней слышал, но никогда не видел и никогда не ожидал увидеть.

Когда я ахнул, Пеллонхорк торжествующе улыбнулся. Он высоко поднял руку, и я взвизгнул и с силой ударил по ней. Громкий шлепок и боль в ладонях словно закрепили связь между нами.

Мы провели там около часа, разглядывая все секс-сайты, на которые смогли пробраться. Я был впечатлен его умением ориентироваться, а он явно был впечатлен моей способностью обманывать сайты, чтобы они нас пропустили.

Мониторией управлял Пеллонхорк. Он задерживался на изображениях определенного типа, спрашивая, что я думаю о них и об участниках. Многие, похоже, были примерно нашего возраста, хотя опыта у них было куда больше, чем у меня, или – как я предполагал – у Пеллонхорка. По-видимому, он был доволен моими комментариями, как одобрительными, так и гадливыми, и домой я вернулся возбужденным – не столько большим количеством плоти и фрикций, сколько открывшейся нам свободой перемещений. И еще неожиданной переменной в отношениях, связывавших нас с Пеллонхорком.

Пять. Рейзер

Рейзер клевала носом и размышляла. Исход с Земли был хаотичным. Он начался с отчаяния, а закончился почти полной безнадежностью. Рейзер подозревала, что никто на Земле на самом деле не верил, будто пригодное для жизни место отыщется и что средства, которые вбухивались в терраформирование и транспорт, предназначались исключительно для того, чтобы дать людям цель в последние десятилетия. Те, кто улетал, не ожидали, что достигнут места назначения, а те, кто достиг, вынуждены были немедленно озаботиться выживанием. Так, беспорядочно, и начала зарождаться Система, где у каждого мира были свои проблемы. Первое столетие все планеты провели, держась наособицу, как до сих пор поступали Геенна и неназываемая. Геенна обратилась в одну веру, неназываемая планета в другую; последняя также ушла в изоляцию, которую поддерживала столь тщательно, что могла бы с тем же успехом не существовать. Каждое необъясненное бедствие рождало слухи и подозрения, что за ним стоит неназываемая планета.

На протяжении десятилетий в Системе не было никакой структуры, помимо той, которая была необходима, чтобы поддерживать механизмы торговли; тем временем земной Интернет переродился в Песнь. Процветали беззаконие и коррупция. Система разрослась так, как Земле и не снилось.

У Рейзер разболелась голова, и она, усевшись на край постели, выпила воды, представляя себе, насколько хуже сейчас, должно быть, приходилось Бейлу.

Голомэн вдохновенно жестикулировал и что-то говорил. Кто угодно в системе, за исключением жителей двух очевидных планет, узнал бы это лицо.

В такой вот хаос около века назад неожиданно ворвалась «ПослеЖизнь», сформировавшись почти в одночасье, и за несколько лет изменила Систему полностью. Рейзер подумалось, что календарь должен это как-то отображать, что годы нужно разделить на те, что до «ПослеЖизни» и те, что...

А может, и не нужно. Еще воды. И каффэ.

Несмотря ни на что, жизнь оставалась тяжелой. Ею теперь руководил безжалостный прагматизм. Землянин, может, и поразился бы кое-каким проявлениям современной технологии, но и увидел бы в повседневном использовании такие вещи, от которых отказались задолго до гибели Земли. В Системе надежность ценилась больше инновации.

Голомэн перешел к «ПравдивымРассказам», «ЗвезднымСердцам» и другим ПараСайтам.

Какие-то черты земной жизни ушли в прошлое. Одной из главных жертв конца Земли стало боговерие – если не считать Геенну и неназываемую планету. Для этих двух миров боговерие работало, как и прежде, – по крайней мере, для Геенны, поскольку никто понятия не имел, какова жизнь на той, другой.

И вот, как раз тогда, когда Система начала распадаться, одолеваемая болезнями, отчаянием и внутренними конфликтами (именно об этом сейчас снова рассказывал Голомэн), был открыт нейрид. Побочный эффект неудачного эксперимента с полипотенциальными клетками, для которых некий безымянный лаборант обнаружил применение, граничившее с чудом.

А из нейрида произошла «ПослеЖизнь».

Голомэн отбросил со лба непокорный локон.

– Считанные мгновения остались до голосования! Но сперва – о современных медицинских технологиях. Значительное продвижение в геноспецифической регенеративной терапии сердца и легких означает, что «ПослеЖизнь» способна предложить второй шанс примерно тысяче своих генетически совместимых спящих подписчиков, ставших жертвами метаприона N23XN.

Рейзер все еще размышляла о том, какой увидел бы Систему землянин. Ее собственной жизнью правили клавиши и каффэ, а они не сильно изменились с тех пор, как человечество переселилось в Систему. У него были другие приоритеты.

А людей всегда тянуло к чтению. Это дешево, это быстрее, чем слушать, да еще и акценты не мешают. Даже теперь письменные языки Системы оставались почти такими же, как на Земле. Что до каффэ, то всем хотелось бодрствовать подольше с помощью теплого напитка.

Она прикончила холодную бурду, отнесла тас обратно на кухню и пальцами отмыла под краном. Сколько каффэ она выпила за эти годы? Сколько историй рассказала?

Когда Рейзер вернулась к монитории, ее встретили вид бурлящего моря, пятнистые спины платформ, неподвижных в водоворотах пены, и саркофаги, разбросанные вокруг них, точно блестя.

Ее догнало осознание, что она на самом деле находится здесь, на планете сарков. Мало денег, никакого уюта, ни секунды покоя – и все же Хлад был самым важным местом в Системе.

– Среди них есть и сегодняшние потенциальные счастливчики, – сказал ей Голомэн. – Взглянем на одного из них. Его зовут Ларрен Гэмлиэл.

Заиграла тема «ПослеЖизни», и волны Хлада ударились в монитор. Рейзер начала уделять передаче больше внимания. Вот оно, наконец-то. Биографии. Вещество «ПослеЖизни».

Кишащее сарками море засветилось, один из симулированных саркофагов поднялся в воздух и приоткрылся, истекая словами:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Ларрена Гэмлиэла

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: воспоминания об определенных событиях могут быть травматичными. Особенно травматичные переживания отмечены в изложении звуком {грргргр} или значком «**», если вы предпочитаете текстовый вариант.

Рейзер выбрала звук, снова плюхнулась на кровать и закрыла глаза. Голос был низким и гнусавым. Рейзер представились лицо в оспинах и тощие руки. Ларрен начал пересказывать свою жизнь:

Меня зовут Ларрен Гэмлиэл. Лар. Я не помню, где родился, потому что надолго там не задержался. Родителей тоже совсем не помню. Вырос в орбитальном приюте, помню в основном звезды – я смотрел в свое окошко, а звезд было полно, будто вшей в постели.

В приюте нашел друга, мальчика, звали его Бьюд – рыжий, лохматый, выше меня ростом и постоянно моргал. Мы играли в искалки, было нам, помню, девять, и он прятался все утро. Я его не нашел, заскучал, а была уже серединная кормежка. Я пошел на кормежку; давали мясные лепешки. Я съел его порцию. Он опоздал. Точнее, он вообще не пришел.

А после кормежки сработала тревога. В общем, нашли его в шлюзе, он там вроде как парил. {грргргр} Выглядел, как будто из него всё высосали. Как рыба вяленая. И глаза как шелки.

Вот, наверное, и все про мое детство. Я о нем нечасто вспоминаю.

Дожил до пятнадцати, ушел из приюта, спустился на планету. {грргргр} Не помню, на какую, я на ней все равно долго не задержался. {грргргр} Вообще ни на какой долго не задержался.

Больше всего любил перелеты с одной на другую. На транспортах мне было спокойнее. Наверное, они мне приют напоминали. Однажды поработал

стюардом, только недолго. Пялился на звезды, схлопотал слишком много выговоров.

На планетах обычно влипал в неприятности – вот, по сути, и вся моя жизнь. {грргргр} Воровал и бродяжничал. Паксеры говорят – «закоренелый». Это про меня. Ничего своего не нажил, ни за кого не зацепился.

Но никогда себя не жалел, не сильно, по крайней мере. Наверное, мне лучше всего было в тюрьме – болтаться, как будто я снова ребенок, в маленькой камере, в окружении звезд. Я просил, чтобы они меня не выпускали, в тот последний раз. Может, если б они послушались, у меня была бы история подлиннее. {грргргр} Убийство той женщины было ошибкой, а может, несчастным случаем. Мне в Юстиксе объясняли разницу, да я так и не понял. Знаю только, что я этого не хотел, и очень об этом жалел. Я был не виноват. Наркота была виновата.

Странно это, и, может, вы лучше меня разберетесь, потому что мне прям до слез жалко, что я не могу. Почему все говорили, что с Бьюдом я не виноват, а я всю жизнь себя за это грыз, и до сих пор грызу, а с женщиной все говорили, что я виноват, а я знаю, что нет? Может, вы мне объясните?

В общем, я за нее отсидел. Два дня как вышел – и тут эта болячка. Разве это справедливо?

Я знаю, что говорить больше не о чем, но мне очень хотелось бы разик повстречаться с родителями, хотя бы с мамой. И хорошо бы было снова увидеться с Бьюдом. А вдруг он тоже где-нибудь здесь. Эта болячка, которая меня сожрала, – может быть, она не навсегда.

Мне кажется, у меня пока что была не очень хорошая жизнь.

КОНЕЦ КРАТКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

Рейзер запаузила монитор.

Странно, подумалось ей. Может, она знала этого человека? Имя, конечно, было выдуманное, все люди в базе были анонимами, и голос, конечно, был пьютерный, но однажды она выслушала мужчину, рассказывавшего почти о том же – детство в орбитальном приюте, искалки и смерть в шлюзе, – и сделала из этого ПравдивыйРассказ. Один из своих первых, давным-давно. Может, это был он, хотя это чертовски странное совпадение.

Нет. Скорее, это просто обычная для ребенка гибель. И все равно странно.

Она сняла монитор с паузы. В углу пульсировал сигнал СрочныхНовостей, но Рейзер занялась голосованием.

ВЫБОР «ПОСЛЕЖИЗНИ»

Коснитесь монитора или отдайте голосовую команду.

Открыть полную Жизнь Ларрена Гэмлиэла?

Проголосовать за Жизнь Ларрена Гэмлиэла?

Для получения подробной информации коснитесь монитора или отдайте голосовую команду.

Рейзер задумалась, не открыть ли полную жизнь, но достаточно хорошо себя знала, чтобы понять, что потратит на нее целый день. Она подумала еще немного, а потом проголосовала «за». Ее беспокоило, что она не может вспомнить имя того источника ПравдивогоРассказа. Хотя лицо его Рейзер представить могла – высокий лоб и глубоко посаженные карие глаза, вечно прищуренные. Инженер – вот кто он был такой. И не криминал, хотя и на самой грани.

Голомэн снова вещал:

– Все прочие кандидаты доступны на твоей странице голосования. В течение ближайших недель я пройду по каждому из них. Решение, однако, всегда за тобой. Ты можешь просмотреть дальнейшие сюжеты или пересмотреть эти на «ПослеЖизни».

Экран сделался пепельно-серым, и голос Голомэна торжественно произнес, отдавшись эхом:

– И помни – «ПослеЖизнь» начинается с рождения!

Рейзер обнулила дисплей, но сигнал новостей продолжал мигать. Она сказала ему: «Позже», – и мигание потускнело и замедлилось, пока не стало почти неразличимым. Рейзер не могла заснуть. Она зашла на «ПравдивыеРассказы», залогинилась и сказала:

– Привет, Синт.

ПРИВЕТСТВИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО, ПУСТЕЛЬГА ПРАХ. ДАННАЯ ПРОГРАММА НАХОДИТСЯ В РЕЖИМЕ ОЖИДАНИЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРИСТУПАЙТЕ.

Зевая, Рейзер начала пересылку сегодняшних заметок и содержимого своего памятника. Всегда было странно сознавать, что ее опыт записывается на устройство хранения, хотя сама она этого не чувствует и не имеет доступа к этим данным. Хотя на самом деле разницы с нейридом почти не было, за исключением того, что у памятника был меньший объем и что он относился к пьютерии.

ДАННАЯ ПРОГРАММА ФИКСИРУЕТ, ЧТО ПУСТЕЛЬГА ПРАХ ПРОИЗВЕЛА ДОСТУП К СЕГОДНЯШНЕМУ ГОЛОСОВАНИЮ. БУДЕТ ЛИ ПУСТЕЛЬГА ПРАХ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЛАРРЕНА ГЭМЛИЭЛА?

– Эй, это что такое? Ты беседу заводишь?

ДАННАЯ ПРОГРАММА НАХОДИТСЯ В ПРОЦЕССЕ ЗАГРУЗКИ ДАННЫХ С ВАШЕГО ПАМЯТНИКА. ПРОЦЕДУРА ПОЧТИ ЗАВЕРШЕНА. БОЛТОТРЕП ПОДТВЕРЖДАЕТ НАЛИЧИЕ УСТОЙЧИВОГО ДВУСТОРОННЕГО СОЕДИНЕНИЯ, ОДНАКО ДАННАЯ ПРОГРАММА МОЖЕТ СОХРАНЯТЬ МОЛЧАНИЕ, ЕСЛИ ТАК ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ ДЛЯ ПУСТЕЛЬГИ ПРАХ.

– Нет, молчание для меня не предпочтительнее. Не сегодня. Может, будешь ради меня называть себя Синт? Или даже «я»? Используй первое лицо хоть разик?

ВЫ МОЖЕТЕ ОБРАЩАТЬСЯ К ДАННОЙ ПРОГРАММЕ ТАК, КАК ВАМ УГОДНО, ПУСТЕЛЬГА ПРАХ. СМ. ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ БОЛТОТРЕП.

Рейзер задумалась, может ли программа определить, что она немного пьяна. Да, наверное, может.

– Хотя бы называй меня Рейзер.

ВАШ КОНТРАКТ ПОЗВОЛЯЕТ ВАМ МЫСЛЕННО НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ТАК, КАК ВАМ УГОДНО.

Рейзер попыталась навести порядок в мыслях.

– Пустельга Прах не может голосовать, Синт. Тут я тебя поймала, да?

ДАННАЯ ПРОГРАММА ПОНИМАЕТ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕН. ДАННАЯ ПРОГРАММА ЦЕНИТ ПРИСУЩЕЕ ПУСТЕЛЬГЕ ПРАХ ЧУВСТВО ЮМОРА И ПРИЗНАЕТ ЕЕ ПОТРЕБНОСТЬ В ЛЕГКОМЫСЛЕННОМ ПОВЕДЕНИИ. ДАННАЯ ПРОГРАММА ВЫРАЖАЕТСЯ ЛАКОНИЧНО В ЦЕЛЯХ ЯСНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ. «ПУСТЕЛЬГА

ПРАХ» – ЭТО ОГОВОРЕННЫЙ КОНТРАКТОМ РАБОЧИЙ ПСЕВДОНИМ РЕЙЗЕР. ПУСТЕЛЬГА ПРАХ ВЫРАЗИЛА ЮРИДИЧЕСКИ ДОКАЗУЕМОЕ ПОНИМАНИЕ ЭТОГО ФАКТА.

– Мне еще ни разу не говорили, что я юридически доказуема. А вот что я выражаюсь – случалось.

ДАННАЯ ПРОГРАММА ПОНИМАЕТ, ЧТО ПУСТЕЛЬГА ПРАХ ПОЛУЧАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ, ОБРАЩАЯСЬ С ДАННОЙ ПРОГРАММОЙ ТАК, СЛОВНО ДАННАЯ ПРОГРАММА ЯВЛЯЕТСЯ СОБЕСЕДНИКОМ-ЧЕЛОВЕКОМ, НЕ СПОСОБНЫМ К РЕФЛЕКСИИ И ПОНИМАНИЮ ЮМОРА. ДАННЫЕ ЗАГРУЖЕНЫ, ПАМЯТНИК ОЧИЩЕН И ПЕРЕЗАПУЩЕН. ПРОЦЕДУРА ЗАВЕРШЕНА. БОЛТОТРЕП ОКОНЧЕН. КОНТАКТ ПРЕКРАЩЕН.

Рейзер ощутила мимолетное головокружение от перезагрузки памятника.

– Я тоже тебя люблю, – пробормотала она. На дисплее снова были врата «Правдивых Рассказов». Рейзер с помощью кода миновала смех/плач/вздохи/крики центрального входа и вошла во врата для рассказчиков.

Спасибо. Пожалуйста, введите имя рассказчика.

Спасибо. На данный момент Пустельга Прах занимает 12-е место среди 2578 лучших рассказчиков.

Она провела несколько минут, изучая просмотры рассказов и все сопутствующие параданные: откуда читатели переходили и куда уходили, на чем задерживались, что пропускали и где скучали, и все это вызвало у нее такую же тоску, как и обычно. Однажды ее параданные перестанут быть приемлемы для Синт, и что тогда станет делать Рейзер?

Она запрокинула голову и вздохнула; вздох перешел в зевок. Как звали мужчину, о котором она писала, – того, что провел детство в орбитальном приюте? Нужно было создать такую функцию поиска, которая связывала бы «ПослеЖизни» с похожими Правдивыми Рассказами. Такая очевидная идея. Может, предложить ее Синт? *«ОКАЗЫВАЕТСЯ, ДАННАЯ ПРОГРАММА ВСЕ-ТАКИ НЕ ИДЕАЛЬНА».*

Она почти уснула, когда ей начал вспоминаться тот, о ком напомнил ей Гэмлиэл. Он занимался обратной логистикой. Рассказ получился хороший, и Рейзер уже не в первый раз задалась вопросом, как Синт подбирает ей персонажей.

Как же его звали? Она довольно хорошо помнила, чем он занимался. Когда продавцам возвращали бракованную технику по гарантии, он перекупал ее по цене запчастей и чинил. Потом перепродавал, под слоганом «Три моих обещания – высокое качество, низкая цена, никакой гарантии». Рейзер выпрямилась; его имя вертелось у нее на языке. Не «обещания». Это его имя начиналось с буквы «М». «Три обещания Мордла», или что-то в этом роде.

В Правдивом Рассказе Рейзер затронула только обратную логистику. Другую часть его бизнеса она утаила. Он к тому же занимался дефективной военной техникой, не просто чинил, а разбирал «железо» и налаживал пьютерию, а потом адаптировал ее и улучшал. В этом он был гением. В остальной жизни, благодаря такому вот детству, бездарен.

Но как же его звали? Рейзер упала на постель и закрыла глаза. Когда он думал, то играл с обломком металла, блестящим на свету.

По крайней мере, у нее теперь было достаточно подробностей, чтобы отыскать этот Правдивый Рассказ. Тот обязательно вызовет из глубин памяти Рейзер его настоящее имя.

Но не сегодня. Она наконец-то заснула – думая о Ларрене Гэмлиэле (Мардл? Мардли?), под неутихающее мигание новостного сигнала на мониторе и почему-то с Талленом на уме. Ей снился кусок сверкающего металла, который подбрасывали в воздух и ловили, и подбрасывали снова и снова.

Шесть. Алеф

КлючСоб 6: Итан Дрейм

«Ты *сам* не знаешь своего папу».

Захваченный порносферой, я и забыл об этой фразе, но позже вспомнил. Она была словно загадка. Пеллонхорку было известно, что у моего папы есть пьютерия, позволяющая выйти за пределы Балабол-канала – но откуда ему это было известно?

А еще он знал, как именно использовать приборчик Трейла, чтобы пробраться в папин офис. Неожиданно я понял, что Пеллонхорк *уже* был зарегистрирован в памяти замка; в список пришлось добавлять только меня. Он просто не хотел, чтобы я узнал, что у него есть доступ. И теперь, когда я об этом задумался, очень неправдоподобным казалось, что Трейл позволил Пеллонхорку стащить подобное устройство. Трейл был слишком осторожен.

К тому же Пеллонхорк знал, где в офисе найти пьютерию, способную установить связь с его папой. Это значило, что он не просто был в курсе того, где стоит тормозная железяка и что на самом деле она работает быстро. Он был и в курсе того, что она свяжет его с отцом.

Мне не нравилось, что Пеллонхорк больше меня знает о пьютерии моего папы, но гораздо сильнее мне не нравилось, что он больше меня знает о моем папе. И я решил это исправить.

По возгрешеньям все ходили в церковь. Даже Пеллонхорка туда водили. Это оказывало на него необычайное воздействие. То, что нам, геенцам, казалось обыденным, тревожило Пеллонхорка. В жизни он не боялся ничего (если забыть о том случае с Трейлом), но до сих пор не задумывался о смерти. А здесь, на Геенне, вдобавок к размышлениям о смерти, перед ним немедленно встала перспектива Мук, Вечных и Адских.

Итак, я знал, что он будет в церкви, впитывая со своей незаурядной сосредоточенностью знания о грядущих ужасах. В плетницу я притворился, что маюсь животом, и столько раз вызвал у себя рвоту, что в возгрешенье мне разрешили остаться дома, когда все остальные пойдут в церковь.

Я отправился в офис и проник внутрь. Прошел через главное помещение в комнату с медленным хламом и закрыл за собой дверь. Я попробовал взломать портал отца Пеллонхорка и обнаружил, что он заблокирован, чему совсем не удивился. Я взглянул на паттерн блокировки, а затем вошел в портал своего отца. Его коды я знал.

Там должен был найтись код, которого я раньше не видел. Пеллонхорк вошел в отцовский портал, а я знал пьютерию своего папы достаточно хорошо, чтобы понять, что Пеллонхорк это сделал не сам. У моего папы должен был быть тот же самый код. Чего я не знал – так это каким образом мой отец связан с отцом Пеллонхорка.

Я запомнил паттерн блокировки, несколько сотен цифр с кое-какими изящными ловушками и обманками – моей кратковременной памяти вполне хватало, чтобы удержать такой росток, и я уж точно не собирался его пересылать или распечатывать – и отправился в основную часть офиса, к быстрой пьютерии. Там был один пьютер, который отец никогда ни к чему не подключал. Простое хранилище. Туда все переписывалось на случай непредвиденных обстоятельств. Я набрал пароль, ввел паттерн блокировки и стал ждать.

ОШИБКА. НЕВЕРНАЯ КОМАНДА. ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ЗАНОВО.

Я ждал.

Сообщение повторилось, пульсируя красным и лиловым. Я ждал. Извещение об ошибке снова мигнуло и исчезло. Я все еще ждал.

Мелькнула короткая последовательность цифр, без комментария или каких-то инструкций. Она исчезла почти мгновенно, но я был уверен, что запомнил ее. Десять цифр.

Я закрыл глаза и увидел пальцы Пеллонхорка, пляшущие по клавиатуре – одиннадцать движений. Он прятал кончики пальцев, но я сосчитал удары.

Я обнулil монитор, вернулся в заднюю комнату и набрал код, все его десять цифр. Долго смотрел на серый экран, прежде чем нажать одиннадцатую клавишу, зная, что у меня есть лишь один шанс. Не «ввод»; это точно ловушка. И не какая-то из вспомогательных клавиш, не знак препинания, не цифра и не стрелка.

Я затаил дыхание и нажал «стереть».

На мониторе появилась та же комната, которую я видел, когда за клавиатурой был Пеллонхорк. Только в этот раз на меня смотрел его отец.

Конечно, на самом деле это был не совсем он, и в то же время он. Я мог это понять по форме рта, по невыразительному взгляду. Изображение транслировалось зашифрованным, а якобы никчемный медленный пьютер моего отца декодировал его и воссоздавал. Между тем местом (где бы оно ни находилось) и этим оно было лишь сумятицей белого шума в черном космосе.

Думая об этом, я понял, насколько глупо поступил. Отец Пеллонхорка сидел в своем кресле, явно осведомленный о моем присутствии. Он нахмурился. Его губы начали разжиматься.

Я вырубил пьютер, оборвав его до того, как он заговорил.

Но изображение пропало лишь на секунду, после чего комната вновь появилась на мониторе.

– Надо же, – протянул отец Пеллонхорка. Голос у него был такой же невыразительный, как и взгляд. – Мальчишка.

Он отвернулся и сказал кому-то невидимому:

– Умный у Савла детеныш, а, Сол? – Он снова посмотрел на меня. – Сам по себе, да?

Я замотал головой. Я уже снова отдавал пьютеру команды, пытался оборвать связь с помощью другого защитного протокола, но и он не произвел ни малейшего эффекта. Я оттолкнул кресло от стола и бросился к двери в главное помещение. Я тщетно дергал за ручку, когда он позвал меня:

– Сядь обратно, парень. Дверь откроется, когда *мы* закончим, и я буду готов. Так что сядь и ничего не трогай. Ты только будешь меня раздражать, а это неразумно. У тебя там ничего не заработает, пока я этого не захочу.

Я вернулся к монитору и снова сел.

– Хорошо. Ты боишься, Алеф?

– Да. – Я боялся, но не сильно. Пока что.

– И снова хорошо. Тебе было любопытно. Ты рискнул. Твой риск не оправдался.

Я не отвечал. Он запугивал меня, но не знал, насколько я привычен к страху. Я вырос на Геенне, и по-настоящему боялся куда более серьезных вещей. До того момента, по крайней мере.

Он склонился ближе ко мне. Его подбородок был шершавым из-за щетины, но под ней я видел тонкий шрам. Отец Пеллонхорка смотрел на меня. Глаза у него оказались такими же восхитительно-голубыми, как у сына, но зрачки их были угольно-черными точками. Он сказал:

– Я тебя вижу, Алеф. Я знаю, как ты выглядишь. Понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Это значит, что я могу до тебя дотянуться. Это значит, что я когда угодно могу до тебя дотянуться.

Он пристально смотрел на меня, голос его был сух и тих, взгляд устрашающ. Я почувствовал, что трясусь. Слово «дотянуться» обрело новый смысл, когда его произнес этот человек. У отца Благодатного проявлялся похожий тон, когда он читал проповеди об адском пламени, но отец Пеллонхорка обещал *дотянуться* до меня так, что угроза адского пламени моментально выцвела. Настоящий страх был здесь.

– Твой отец рассказывал мне про тебя, Алеф. Знаешь, что он говорил?

– А ваш сын о вас совсем не рассказывает, – ляпнул я, не подумав. Не знаю, зачем я это сказал, но, сказав, немедленно понял, что это была ошибка.

Пауза. Он ничего не ответил. Я подумал, что монитор завис, – настолько был неподвижен отец Пеллонхорка и так долго это продлилось.

– Мой сын... – сказал он тихо.

Его грудь поднималась и опускалась. Стена позади него оказалась не такой гладкой, как мне почудилось. Она была вся в бороздах и оспинах, покрыта чем-то вроде штукатурки и небрежно выкрашена, словно в бункере. Где он находился?

– Вы будете друг за другом присматривать, я знаю. Твоему отцу я доверяю, и теперь вижу, что у него есть достойный наследник. – Он расслабился, или, по крайней мере, устроился поудобнее в своем кресле. – Семья важнее всего, Алеф. Мой сын этого не понимает, но знает, что неприкосновенно. И знает, что ты неприкосновенен. Знает, что, если он когда-нибудь причинит тебе вред, это будет как убить собственного брата. И даже хуже. Тебе не нужно его бояться. Итан Дрейм дает тебе слово.

Я слышал об Итане Дрейме, но мы с Пеллонхорком были на Геенне, а Итан Дрейм – нет. Его слова ничего для меня не значили.

Неожиданно он показался мне усталым. Подстегнутый этим, я спросил:

– Где вы?

Его взгляд снова сделался острым.

– Я всегда рядом. – Он посмотрел вбок, потом опять на меня. – Итак. Твой отец услышит, что этот разговор состоялся, но большего ему знать необязательно. Он в курсе, что не стоит расспрашивать ни меня, ни тебя. Не обсуждай ничего со своей матерью, и это не причинит ей никакого вреда. – Он помедлил и добавил: – Матери Пеллонхорка рассказывать нельзя. Но ему передай, что мы побеседовали. Больше ничего. Этого будет достаточно.

Все это он высказал, не дожидаясь ответа. Отдавать приказы ему было привычнее. Я подумал о своем папе, о том, в чем мы были похожи, связанные числами и кодами, глубокими абстракциями, и попытался представить, что объединяло Пеллонхорка с его отцом.

– Не связывайся со мной больше. Обращайся к Гаррелу или Трейлу, если возникнут проблемы.

На этом все и закончилось. В следующее мгновение он исчез. Когда монитор очистился, а дверь открылась, я задался вопросом, какие вообще могут возникнуть проблемы.

КлючСоб 7: ад

В тот день, когда мы впервые совместно исследовали порносферу, Пеллонхорк меня вербовал. До тех пор он был одинок, но теперь я разделял его вину.

Однако я не чувствовал себя особенно виноватым. Я знал, что грешен в глазах церкви, но у меня было представление о том, каково должно приходиться грешнику – пламя во снах, осуждающий голос Бога в голове, телесные страдания, – и ничего этого со мной не случилось. Я анализировал свою веру и делал первые шаги к тому, чтобы ее отбросить.

Но, с точки зрения Пеллонхорка, я был теперь так же виновен, как и он, и это укрепило нашу дружбу. Я стал единственным, с кем он мог поговорить о своей вине и об адских мучениях. А адские мучения, как я скоро понял, занимали его очень сильно.

Но мы, конечно, говорили не только о грехе. Когда Пеллонхорк был в особенно хорошем настроении, я рискнул спросить, чем занимается его отец.

– Он ничем не занимается. За него всем занимаются другие. Он просто говорит им, что делать.

– Как священник, – сказал я. Мы удалялись от поселка. Было возгрешенье, и в голове у меня вертелась утренняя проповедь, обычная смесь набожности и угроз, которые переставали меня пугать. Мы с Пеллонхорком направлялись к пустоши за пурпурными холмами, где можно было найти муравейники, чтобы тыкать в них палками, и поселковые отстойники, чтобы кидаться в них чем попало.

– Не совсем. Он криминал. Он иногда приказывает убивать людей. Он лучший криминал в Системе. Порносферу видел? Он ей управляет. – Пеллонхорк ускорился, размахивая руками, высоко подпрыгивая и притворяясь птицей.

Я догнал его.

– Он ей *управляет*?

– Может, не всей порносферой, – сказал он, – но и другими штуками тоже. Твой папа на него работает.

– Мой папа людей не убивает.

– А мой папа говорит, что твой слишком глубоко завяз, чтобы уйти, что бы там ни думала твоя мама. Я сам слышал. Смотри, вон он. – Он подобрал палку, подошел к высокому муравейнику и достал из кармана ножик, чтобы ее заточить. Ему потребовалось три стремительных движения ножа. Даже в том возрасте он был силен и сосредоточен. – Вот, держи.

– Что значит «слишком глубоко завяз»?

– Не знаю. Я просто это слышал. Держи палку, Алеф.

Я взял ее. Он подобрал вторую и тоже ее заострил.

– Еще он говорит, что твой папа полезный. И он ему доверяет. Это хорошо. Он почти никому не доверяет. Наверное, поэтому мы сюда и прилетели. В других местах сейчас не безопасно. Здесь мне безопаснее, хотя я и люблю папу. И мама тоже. – Он посмотрел на меня так, словно я собирался в этом усомниться.

Мы умолкли, чтобы сберечь дыхание. Муравейник был выше наших голов. Мы принялись раскапывать этот твердый конус из слюны и земли. Вскоре он начал гудеть – муравьи подавали дрожащий сигнал тревоги. Пеллонхорк работал над заметным бугром в боку муравейника, а я тянулся вверх и чертил окружность, намереваясь сшибить верхушку. Труд поглотил меня с головой.

– Алеф! – взвизгнул Пеллонхорк.

Я остановился и увидел, что его палка внезапно провалилась в бугор, и Пеллонхорк, потеряв равновесие, упал на муравейник. Потом, спотыкаясь и размахивая палкой, отшатнулся прочь. На его руку забрались муравьи, они кусали и жалили. Я бросился стряхивать их с него, и они переползли на меня. Боль была немедленной и ужасной, и я закричал. Не знаю, сколько времени мы скребли и колотили друг друга, но в конце концов с муравьями было покончено.

Пеллонхорк уселся и громко захохотал.

– Над чем смеешься? – спросил я.

– Над тобой. – Он передразнил мой крик.

– Боль была адская, – сказал я.

Его лицо утратило выражение. Он воткнул свою палку в землю.

– Не адская, – сказал Пеллонхорк тихо. – Ты разве отца Благодатного не слушаешь? *Не бывает* такой боли, как в аду.

– Может, и не бывает, но смеяться надо мной не надо. Мне было больно. Это не смешно.

– А по-моему, смешно. Мне так кажется. И вообще, ты о боли ничего не знаешь.

– А ты знаешь?

Он скрестил ноги, вытащил палку и уперся острием в ладонь, в мягкий ее центр, так что оно продавало кожу.

– Посмотрим. – Он покачал палку и стал на нее налегать, втянув голову в плечи. – Давай узнаем о боли. Мне с тобой это сделать, Алеф, или с собой? С кем из нас?

В голосе его прорезалась глубинная угроза. Я отошел назад и сказал, пытаюсь отшутиться: – Не дури.

Он немедленно вскочил, опрокинул меня и уткнул лицом в землю. Я пытался его оттолкнуть и подняться, но он выбил из-под меня локоть и вывернул мне правую руку, заломив ее так, что чуть не вырвал из сустава. Я закричал.

– Заткнись, это ерунда. – Он меня не отпустил, но уселся поровнее и поудобнее, удерживая мою руку в захвате. Вместе с болью я ощущал его спокойствие. Оно пугало. – Разожми кулак, Алеф. Разожми, а то я тебе пальцы сломаю. Правда сломаю.

Он оседлал мои лопатки и прижимал мою руку к земле, уперев ботинок в локоть. Я едва дышал. Голова у меня была повернута вбок, так что я видел лишь свою левую руку, которая была вполне свободна, вот только делать ей я ничего не мог – разве что царапать землю.

– Разожми его, Алеф.

Я разжал. Не говоря ни слова. И почувствовал, как острая палка коснулась ладони, вызывая чесотку.

– Ты или я, Алеф. Думаешь, ты знаешь что-то про боль? Тогда кому она достанется? Выбирай.

Пока я пытался глотнуть воздуха, чтобы заговорить, вес Пеллонхорка сместился, и он вжал палку мне в руку. Боль стала невыносимой сразу же. Я закричал:

– Тебе. Тебе!

Он отпустил меня и вскочил. Я перекатился и принялся баюкать свою руку. Плечо у меня ломило. Пеллонхорк уселся, скрестив ноги, положил левую руку на землю, ладонью вверх, и снова уперся в ее мякоть палкой, как будто мы попросту стерли все, что происходило несколько секунд назад. Он был абсолютно спокоен. Просто посмотрел на меня и сказал:

– Мне, наверное, одной рукой ее не проткнуть. Я подержу палку. А ты возьми камень и стучи по ней.

– Это очень глупо, – сказал я. – Нет.

Меня трясло. Я не знал, что делать.

– Тогда ты держи палку, а я найду камень и буду стучать. Ты ведь решил, помнишь? Или хочешь, чтобы я тебе руку проткнул?

Я замотал головой. У меня родилась мысль, и я немедленно ее выпалил:

– И вообще, нам нельзя. Это богохульство. Так Господа распяли.

Я уже забыл, с чего все началось, как мы до этого дошли.

Пеллонхорк нахмурился и, помолчав, сказал:

– Ты прав.

Он внимательно оглядел меня, как будто подозревал, что я пытаюсь его обмануть, и продолжил смотреть с каким-то уважением в глазах. Внезапно его лицо просветлело:

– Да, – воскликнул он, – правильно!

А потом Пеллонхорк вскочил, ударил воздух кулаком и прокричал:

– Прошло!

Я не мог его понять. Я не представлял себе, что именно прошло, но в голове у Пеллонхорка что-то явно изменилось. Нечто жуткое всплыло на поверхность и погрузилось обратно, и почему-то я чувствовал, что и то и другое случилось из-за меня.

– Пойдем! – крикнул Пеллонхорк.

Он уже снова был у муравейника и яростно орудовал палкой в дыре, которую выкопал. Я сидел, обняв колени, и наблюдал за ним. Он был полностью сосредоточен, словно бы ничего

и не случилось. Может, и не случилось, подумал я. Но руку у меня жгло, а когда я сжимал и разжимал кулак, в линиях на ладони появлялись ниточки крови.

Он долбил и скреб долго, изо всех сил. Я к нему не присоединился. Обычно нас хватало только на то, чтобы отломать с края кусок в несколько сантиметров – этого было достаточно, чтобы наружу показалась шипящая колонна муравьев. Мы выманивали их и, когда могли, приводили к ручью, перепрыгивали его и смотрели, как они бессмысленно топчутся у края воды. А потом отправлялись к отстойникам.

– Эй, Алеф! Сюда!

Пеллонхорк пробился вглубь бугра на муравейнике и проделал в нем широкую дыру. Изнутри бугор был пуст, и в бурой полости лежала неподвижная маленькая птичка. Она была в идеальном состоянии. Крылья у нее были насыщенного красно-желтого цвета, клюв ярко-оранжевый, а глаза блестели на внезапном свете.

– Откуда она тут взялась? – спросил Пеллонхорк.

– Муравьи всеядные. Может, они забрались в гнездо, утащили ее и замуровали здесь.

Птица – это необычно, но они могут одолеть мышарька размером с твой кулак.

Он уставился на меня.

– Как они это делают?

Я часто поражался тому, сколько он не знает. А он не мог поверить, что я настолько же не разбираюсь во всем, что находится за пределами Геенны.

– Муравьи-разведчики находят для колонии добычу, – рассказал я. – Если мышарек в норе, они вызывают армию жалящих муравьев, которые забираются друг на друга и закрывают проход своими телами. Потом они заползают внутрь, заполняют нору как бам-пена, сверху донизу, от стены до стены. Мышарек не может сбежать. Муравьи парализуют его жалами, тысячами жал, и приносят к муравейнику, где рабочие поднимают его по стене и замуровывают.

– Но это птица. Она же могла улететь из гнезда.

– Может, птенцов защищала.

– Тупая птица. – Он все не отрывал от нее взгляда, а потом сказал: – Ладно, все равно она мертвая.

– Не мертвая. Смотри.

Ее клюв был открыт, он едва заметно дрожал, и каждые несколько секунд во рту у нее скрывался муравей.

Пеллонхорк наклонился поближе.

– Что они делают?

– Кормят собой птицу. Она не может есть сама, поэтому они забираются к ней в желудок и там перевариваются.

– Дураки. Зачем?

– Когда они ее сюда принесли, ей внутрь отложили яйцо, глубоко под грудную клетку. Там будет расти и развиваться личинка новой королевы. Живая птица дает ей тепло, еду и защиту.

– Как мать.

Я посмотрел на Пеллонхорка, не понимая, пошутил он или нет. Похоже, не пошутил.

– Не совсем, – сказал я. Склонился и поднес палку к голове птички. Ее блестящий глаз следил за острием. Голова мелко дрожала. Я сказал:

– Личинка поедает птицу изнутри. Вырастая, она прогрызает для себя место. Сердце птицы еще бьется, а мозг функционирует. Ниже головы двигательных реакций нет, но сенсорные системы продолжают работать. Она все еще в этом мире.

Школьные уроки. Биология и теология. Пеллонхорк обучался на Геенне и тому и другому.

– Она все чувствует и понимает, насколько птица вообще на это способна, – сказал я ему. Отодвинулся и добавил: – Ужасная смерть. Ты думаешь, ад хуже этого?

Пеллонхорк навис над птицей и прищурился.

– Должен быть. Он ведь хуже всего, так? Отец Благодатный говорит: что бы ты ни увидел, что бы ты себе ни вообразил, Господь сделает ад в тысячу раз хуже этого. Так что лучше ничего не воображать, верно? – Он взял свою палку и с силой воткнул в тело птицы, нанизав ее и выдернув из муравейника. Страхнул парализованное создание на землю. Несколько муравьев, выпавших из муравейника, заторопились обратно, но Пеллонхорк втоптал их в грязь. Он встал на колени и взглянул на птицу поближе. Я знал, что он ее убьет. Его зачаровывали смерти мелких тварей.

Но он просто смотрел. Мне хотелось, чтобы он покончил с птичкой быстро. Обычно я чувствовал лишь облегчение, когда он заканчивал свои маленькие эксперименты. Мне было тяжело на них смотреть. В них не было системы, и я не понимал смысла. Я хотел, чтобы птица умерла. Ее крылья дрожали, хотя, возможно, их тревожил ветерок.

Пеллонхорк перевернул ее и проговорил:

– Как думаешь, животные попадают в ад? Птицы? Муравьи?

– Нет... – Я немного подумал. – Не знаю. Они ведь невинны, да? Они делают только то, что созданы делать. Они не могут выбирать. Не могут быть плохими.

– А мы можем, так?

– Конечно.

Он потыкал птицу палкой.

– Мы попадем в ад, если убьем ее или если не убьем?

– Это просто птица. Из-за птицы в ад не попадают.

Я хотел, чтобы она умерла немедленно. Ее голова тряслась, перья ворошил ветер. От муравейника двигалась спасательная экспедиция, вызванная рабочими, ухаживавшими за птицей.

Пеллонхорк снова потыкал ее, переворачивая с одного бока на другой.

– Мой папа говорит, что некоторые люди не заслуживают смерти во сне. А что, если убить того, кто все равно попадет в ад?

– Забудь об этом, – посоветовал я ему. – Кто знает, что случится? Когда мы умираем, Бог нас прощает.

– Это кто тебе такое рассказал?

Никто мне этого не рассказывал. Я говорил наугад. Я уже сомневался в Боге. В церкви все было нормально, там мне не давали думать пение и красивая музыка, но, когда я все-таки думал, идея боговерия выглядела попросту нелогичной. Стоило заметить первую ложную посылку, как все распадалось, точно плохой пьютерный код. Но об этом нельзя было говорить даже с родителями. Только не на Геенне. Поэтому на словах я всегда следовал законам, даже наедине с Пеллонхорком. Так было безопаснее. Хоть я теперь и не вполне верил в ад или рай, но зато верил в смерть, потому что сам ее прежде видел. И был почти уверен, что и Пеллонхорк тоже, до того, как прилетел на Геенну.

Пеллонхорк склонился к дрожащей птице и прошептал:

– Куда ты попадешь, малышка?

Он взгляделся в ее открытый глаз и приставил к нему палку, едва не оцарапав блестящую поверхность. Зрачок птицы метался между острием палки и прищуренным глазом Пеллонхорка.

– Куда ты попадешь? – шептал Пеллонхорк. – И куда попаду я?

Мне захотелось отвернуться, но я не успел – Пеллонхорк навалился на палку, проткнув сначала глаз, а потом и хрупкий череп птицы.

Он выпрямился. Все было кончено, однако птица еще двигалась. Я сообразил, что это значит, быстрее Пеллонхорка. Сорвал нож с его пояса, вскрыл птичью грудь, и на землю выпала дергающаяся, толстая, беложвாலая молодая королева. Пока она расправляла и вытягивала свои влажные усики, я раздавил ее брюшко уложенным плашмя ножом, забрызгав землю тонким слоем внутренностей.

Я посмотрел на Пеллонхорка. Он согнулся в приступе рвоты. Это меня удивило.

– Вот видишь, – сказал я, когда его закончило тошнить и он вытер рот. – Птица все равно бы умерла. Ты прекратил ее страдания. А я убил наследницу королевы, может, даже всю колонию. Так что это я попаду в ад, а не ты.

Я шутил, но он ответил вполне серьезно:

– Нет. Это так не работает.

Семь. Бейл

Бейл проснулся в три утра с головной болью, освещавшей череп изнутри, как топка. Дохромал до туалета, выблевал все, что было в желудке, протолкнул в горло пригоршню таблеток, залив их стаканом воды, – и немедленно изверг все это обратно. Он переменял тактику и запил остаток таблеток виски, а когда рвота вновь начала подниматься к горлу, проглотил ее. И сидел в темноте, созерцая полыхающие сверхновые, примерно до четырех часов, когда его наконец-то затянула черная дыра сна.

В пять его разбудил срочный вызов. Бейл подумал, что это все еще мигрень, и попытался не обращать внимания, но визг сделался слишком громким. Лишь отчасти придя в сознание, Бейл включил мониторию и едва не поперхнулся при виде изображения, заполнившего всю стену.

Проекция была разбита на восемь цветочкодирированных кадров, и в каждом присутствовал труп, распротертый или скорчившийся на улице. Бейл вскрыл водкаффеинер и залил его в свою глотку. Желчь забивала вкус. Зубы казались липкими.

Он сосредоточился на монитории, где над изображениями трупов, словно грязная пена, плавала прозрачная плоскарта Форпоста, на которой теми же цветами, что и трупы, были обозначены места происшествий.

Все погибшие – мужчины. Кадры неподвижные, снятые в основном с камер Пакса, хотя на некоторых – там, где на место первыми прибыли медики, – отмечены ранения. На этих снимках поверх трупов было написано «В МОРГ ПОСЛЕ ЭКСПЕРТИЗЫ». Каждые несколько секунд по монитору пробегали слова: «ЭТО НЕ УЧЕБНАЯ повторяем НЕ УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА. ВСЕ УБИЙСТВА НЕДАВНИЕ. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ».

Появилось девятое тело, в рамке цвета индиго, и соответствующий маркер загорелся на карте. Бейл натянул штаны, споткнулся и выругался.

– Хронология! – заорал он, и на мониторе высветился цветовой ряд: красный, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, коричневый, оранжевый, черный, индиго. Потом розовый, и монитор отобразил новый, обрамленный розовым, труп и новое местоположение.

Все еще ругаясь, Бейл накинул длинную куртку. Тяжесть пистолета чуть протрезвила его. Он нахлобучил на голову визор, но не стал пока что включать визуал. Наушник встал на место, и слышалось завывание Вокса:

– ...**НЕМЕДЛЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ. ЗАМЕЧЕН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ МУЖСКОГО ПОЛА, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО С РУЧНЫМ ХОЛОДНЫМ ОРУЖИЕМ, НА ЧЕРНО-ЗОЛОТОМ СТРЕМГЛАВЕ «ДЗИГУМИ». ПОДРОБНОСТИ ОТСУТСТВУЮТ. НЕОПОЗНАННЫЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ СПЕШИВАЕТСЯ И СОВЕРШАЕТ БЕССИСТЕМНЫЕ НАПАДЕНИЯ. ВСЕМ, ПОВТОРЯЮ, ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ НЕМЕДЛЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ. ЭТО ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ. ЭТО НЕ УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА. ВСЕМ, ПОВТОРЯЮ, ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ НЕМЕ...**

Бейл уже вываливался из двери; карта была выжжена у него в мозгу. Пакс попросту выгнал всех сотрудников на улицы, а это значило, что четкого сценария не выявлено.

Выйдя из дома, он остановился. Не было смысла куда-то нестись. Бейл прислонился к стене и подождал, собираясь с мыслями. До сих пор полупьяный, он не мог сесть за руль. Не стоило пить водкафф, но заметят это не скоро, а Бейлу была нужна встряска. Да и не важно – его снимут раньше, чем зарегистрируют алкоголь в крови. Черт, да он все равно уже отстранен.

Чувствуя себя получше теперь, когда водкафф чуть разогнал туман в голове, Бейл задумался над последовательностью убийств. Возможно, они и не были продуманы заранее, но в

нападениях должна была отыскаться закономерность. Только по плоскарте ее было не отследить. Стремглав мог отвезти У куда угодно. Односторонки и заторы не стали бы ему помехой.

Бейл коснулся горла и пробормотал:

– Диспетчерская? Кто в деле? Есть какие связи? Что-нибудь?

– Ничего, Бейл. У останавливается, убивает, движется дальше. Просто смотри в оба.

Кому-то должно повезти.

– Дельта? – спросил Бейл. – Это ты?

– Да, это офицер Керлью, – ответила она с нажимом. – Больше у нас ничего нет. Сплошной бардак. Все, что нам известно, транслирует Вокс, только нам ничего не известно. Первого мужчину нашли полчаса назад, у него как минимум двадцать ножевых.

Даже на дежурстве Дельта никогда не использовала свою фамилию в разговоре с Бейлом. Должно быть, кто-то торчал у нее за спиной – или она заранее подстилала соломку на случай разбора полетов, на случай выговоров и взысканий. В этом они отличались. Но она была хороша.

Дельта все еще говорила:

– Прибывший на место преступления сотрудник предположил, что это пошедшее наперекосяк ограбление. Потом были найдены еще двое, точно такие же, через десять и двадцать минут, и каждый раз свидетели говорили, что видели стремглав. Следующие начали появляться с промежутком примерно в пять минут. И...

Голос Дельты оборвался, и связь переключилась на пьютерное занудство Вокса.

– ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ У, ВОЗМОЖНО, УПРАВЛЯЕТ СТРЕМГЛАВОМ «ДЗИГУМИ», РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР 264FRR4586, ЗАЯВЛЕННЫМ В УГОН ДВА ЧАСА НАЗАД. – Пауза. – НОВАЯ ЖЕРТВА МИНУТУ НАЗАД. ПЕРЕКРЕСТОК МИСТРАЛЬНОЙ И ГРАНАТОВОЙ. КОД КАШТАНОВЫЙ. ВСЕМ ПАКСЕРАМ, НАХОДЯЩИМСЯ ПОБЛИЗОСТИ, ПРИБЛИЖАТЬСЯ С ОРУЖИЕМ НАГОТОВЕ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ.

Потом – тишина.

– Дельта?

Короткий вздох – и:

– Слушаю, Бейл.

– Я рядом с Гранатовой, на своих двоих. Может, мне отправиться туда и начать разбираться?

– Хорошо. Туда пока никого не отправили. – Она осеклась и строгим тоном сказала: – Подожди. Ты разве не отстранен?

– Общая тревога, Дельта. Ты же знаешь.

– Да, но...

На мгновение ее голос пропал, а когда вернулся, тон его снова изменился и был теперь почти неестественным. Она говорила:

– ...денег ты не получишь, вот что я имею в виду.

Бейл надел визор как следует, наконец-то запустил визуал и поморщился от предвкушения. Закрыв глаза. С похмелья от внезапной строгости паксеровского мировосприятия ему делалось плохо.

Включилось наложение. Звуки умолкли и возвратились, отфильтрованные и переменившиеся. Бейл осторожно разжмурился, глубоко вдохнул и выругался.

Визор полностью активизировался. Теперь Бейл был на службе. Уличные детали по большей части стерлись, мир превратился в мультик из сплошных контуров; края зданий и тротуаров, очертания стоящих машин стали всего лишь серыми линиями, истончавшимися и бледневшими с расстоянием. В этом городе-наброске внимание Бейла привлекалось лишь к тому,

что считала интересным система. Движущиеся машины окрашивались в цвета, которые делались ярче в зависимости от скорости и близости, а схематичные пешеходы обретали плотность, лишь когда подходили к Бейлу или когда он задерживал на них взгляд дольше, чем на секунду.

Эту настройку он уменьшил до полусекунды.

В черепе все еще пульсировала боль. Визуал и на трезвую-то голову был отвратителен. Бейл вызвал программу распознавания визора и обнулil большую часть списка. Не было смысла отмечать обычных отморожков и воров. Он зашел в раздел «Транспорт» и выделил «Стремглав, «Дзигуми», цвет черный и/или золотой». Из каталога «Оружие» он выбрал «нож», а из «Криминалистики» – «видимые следы крови». В «походке» отметил «бег», «хромота» и «другое». Покончив с этим, Бейл зашагал сквозь мультяшный город. Звуки улицы были далекими и нереальными, а ритмичный топот его ног по твердой земле подпитывал остаточный ритм головной боли.

Бейл немного ускорился, думая, что так, возможно, получится притупить похмелье. Слишком резко свернув за угол, он споткнулся, оцарапал плечо о невидимый кирпич и обругал визор.

– Бейл, ты там в порядке?

– Все нормально, – пробормотал он. – Не надо со мной нянчиться, офицер Керлью.

– Я с тобой не нянжусь, Бейл. У тебя зафиксирован всплеск адреналина. – Дельта опять осеклась.

– Я споткнулся.

Бейл не мог понять, что с ней такое. Он восстановил равновесие и повернул за следующий угол, на этот раз более успешно. Неподалеку завопила сирена скорой помощи – «увы-увы» – кажется, на соседней улице. Он услышал, что Дельта снова заговорила, но связь тут же прервалась. Странно, она же всегда такая собранная, подумал Бейл. Он никогда раньше не слышал, чтобы Дельта ошибалась каналом. Впрочем, ситуация была чрезвычайная и делалась все еще более чрезвычайной.

На визоре вспыхнул приближающийся стремглав, черный с красным. Бейл потянулся было за пистолетом, но это был не «Дзигуми», управляла им девушка, и никакой крови на ней не было. Он побежал дальше, по направлению к сирене, которая перестала удаляться, – скорая остановилась где-то неподалеку.

– Бейл, ты не спотыкаешься, когда трезвый. Мы и так справимся. – Теперь Дельта шептала, ее голос дрожал. Это было на нее совсем не похоже. Она, в точности как Бейл, была льдом во время кризиса и расцветала в моменты риска. – Хочешь, дам тебе отбой?

Он не обратил на это внимания, предпочтя Дельте стрелкарту; программа провела его за мультяшный угол и мимо кучки условных прохожих. Визор выхватил из их разговора ключевые слова. «Убили», «зарезали», «нож» и «кровь». Но это была всего лишь болтовня.

Вновь послышался голос Дельты, все еще приглушенный, но на этот раз жесткий, чисто деловой:

– Бейл...

– Всё под контролем.

Он уже подошел к тупику. Здесь была кровь, которую программа делала изумрудно-зеленой, однако визор перегружал Бейла информацией – все, что он видел и слышал, воспринималось на максимальной мощности. После упрощенного вида незатронутых улиц выкрученные до упора звук и цвет тупика ошеломляли. Помимо темно-зеленого озера с расходящимися от него каплями и брызгами, здесь была еще и толстошинная желтая медицинская теловозка с распахнутыми задними дверцами. Ее датчики пищали и голосили, отовсюду торчали трубки и провода, а крики мужчины на земле перекрывали все, кроме стремительного ритмичного обмена репликами работавших над ним медиков. «Зажми здесь, дай мне вон то, блин, я потерял...»

Бейл настроил визор так, чтобы можно было это выносить, и сосредоточился на том из медиков, который казался главным. Он склонился над раненым и невозмутимо тараторил:

– ... ноневы, сэр, уж не беспокойтесь, с вами все будет в порядке, как вас зовут, я – Лимми, а это вот Харкет, вот так больно? Нет? А так? Не бойтесь. Руку мою видите? А лицо? Я тот, который покрасивше. Ага, вот так лучше. Держитесь, все будет хорошо.

Бейл встал так, чтобы медики его заметили, ожидая, пока кто-то из них отвлечется от потерпевшего и заговорит с ним. Ни тот, ни другой этого не сделали, и он спросил:

– Вы видели У?

– Он пока не У, – проворчал Лимми. – Пациент еще жив.

– Чем бы у вас тут все ни кончилось, моя добыча – уже У. Заметили что-нибудь?

Харкет махнул туда, где кончался тупик:

– Там. Высокий, тощий, в коричневом комбинезоне и синих хирургических перчатках, как у нас. Ножа не видел, но... – он указал на жертву, – ...он острый, зазубренный, длиной около десяти сэмэ.

Бейл оглядел конец тупика.

– Перелез?

Там была куча мусора, а над мусором – стена высотой метров десять, с остриями наверху.

– Не перелез, – буркнул Харкет, вернувшийся к работе. – Прошел сквозь.

Бейл посмотрел снова через визор и ругнулся. Дыра была узкой. Он мог ее и не заметить. Ему не хватало сосредоточенности. Похмелье.

– Он туда протиснулся?

Крики перешли в измученный, клокочущий в легких стон. Медики не ответили Бейлу.

– Он должен был быть на стремглаве, – снова попытался он.

– Стремглава не видели. Правду сказать, рады были, что он ушел.

Медики потеряли к Бейлу интерес. Он никогда не понимал, как они сохраняют спокойствие. Даже он видел, что жертва умрет, а они со смертью сталкивались еще чаще. В чем смысл? Бейлу все было ясно по расплывающейся зелени. Но они не отступали.

– Харкет, сходи до машины и принеси мне эфа и морфа, – сказал Лимми. – Сэр, вы меня слышите? Мы вам сейчас дадим кое-что от боли.

Бейл хотел бы быть как врачи скорой помощи, спокойным и собранным. Рейзер говорила, что ему, видимо, без адреналина было не обойтись.

Лимми чуть повысил голос:

– Харкет? У нас там физраствор еще есть?

– Не хватит. И целого моря не хватило бы, так из него хлещет.

Пока Харкет возвращался, затянутая в синюю перчатку рука Лимми соскользнула, и умопомрачительно-яркий зеленый фонтан вырвался из тела и хлестнул по его визору. Лимми навалился на жертву, надавил, выругался, потом задергался вверх и вниз, как будто на чем-то скакал. Бейл увидел, что это бьется в бесконтрольных конвульсиях тело, а врач только пытается его удержать. Подбежал Харкет, вколол что-то в выгибающуюся грудь. Тело на мгновение замерло, а потом обмякло.

Харкет выпрямился и тихо сказал:

– Лимми?

Лимми спокойно и неторопливо положил руку на шею пациента, нащупывая сонную артерию. Бейл понял, что касается собственной шеи, проверяя разогнавшийся пульс.

– Лимми? – повторил Харкет.

Тот что-то пробормотал в ответ, но атмосфера в тупике переменилась, и то, что он сказал, не прошло через фильтр визора Бейла. Слишком тихо. Но Бейл смог прочитать это негромкое слово по губам:

– Дерьмо.

Бейл поднял визор. Тупик выглядел убого и грязно, кровь – как кровь, труп – столь же бессмысленным, как все прочие виденные им трупы. В голове у Бейла трещало, похмелье снова бралось за свое. Лимми посмотрел на него, размазывая кровь по своей маске. Впервые в его голос прокралась эмоция. Раздражение.

– Ну? – сказал он Бейлу. – Ты пойдешь за этим У или позволишь ему весь день нам испортить?

Бейл направился в конец тупика и увидел, что мусор частично раздвинут. Проход был размером хорошо если с ширину его плеч. Он был почти целиком завален металлической тарой, пленкой и мотками проволоки. Бейл отошел, тяжело дыша; в черепе у него грохотало.

Он снова надвинул визор на глаза. Карта подсказывала, что Бейл смотрит на шахту мусорного лифта, который делили между собой дремotelь, оказавшийся у него за спиной, и закусочная. Больше она ему ничего не говорила.

– Дельта, куда выходит шахта? У меня это, похоже, не загружено.

– Подожди.

Бейл попробовал оттащить тару и проволоку в сторону, чтобы расширить проход, но вся эта груда угрожала рухнуть и перекрыть его окончательно. На проволоке были ниточки ярко-зеленой крови. У порезался.

Дельта быстро заговорила:

– Она ведет в канализацию, Бейл. Спустишься туда – и связи не будет. Я могу перекинуть тебе карту, но это потребует времени. Тоннель идет до самой станции переработки, а оттуда уходит в море. Я рассылаю людей по точкам доступа, но все нам не накрыть. Можешь пойти за ним следом? Рядом больше никого, а У не должен тебя опережать больше чем на несколько минут. Подожди, сейчас перекачаю карту.

– Забудь, я пойду сразу. Он идет пешком и ранен, так что должен оставлять заметный след. – Бейл потянул за проволоку, придерживая ее ногой, и сказал: – Проход узкий. Я едва пролезу. – Он начал стягивать толстую куртку. – Придется оставить здесь куртку и визор. Я буду без связи, с одним пистолетом. Смотри, чтобы меня кто-то из наших не подстрелил, Дельта.

– Бейл...

– Это была не шутка.

– Это было не смешно. Бейл, послушай, пистолет...

– Я его предупрежу, не бойся.

– Нет, Бейл...

Она говорила что-то еще, но он уже снял визор. Бейл понятия не имел, какая муха укусила Дельту, но та, черт возьми, была на взводе. Впрочем, он пообещал, что будет действовать по уставу, чего должно было хватить, и нашел оправдание тому, что бросает визор. Что бы там, внизу, ни случилось, он не оставит улики, из-за которых влипнет в неприятности. Никакого У Бейл отсюда выводить живым не собирался.

Набросив куртку на визор и оставив себе лишь небольшой фонарик и пистолет, он оглянулся на врачей. Немного подумав, достал из куртки очки ночного видения и надел их. Когда он убрал ногу, проволока распрямилась как пружина.

Лимми поднялся над телом, потянулся, посмотрел прямо на Бейла и сказал:

– Не хотел бы я такой работенки, как у тебя.

Сердце Бейла колотилось все быстрее. Он не сказал Лимми того, о чем внезапно подумал, – что не захотел бы какой угодно другой работенки. Странная мысль. Надо было запомнить ее и рассказать Рейзер. Такие странности зажигали ее улыбку.

Ага, подумал Бейл. Может, это из-за его дружбы с Рейзер Дельта так бесится.

Похмелье еще не прошло, но, когда он оттолкнул жесткую путаницу проволоки и протиснулся в неожиданно темный проход, по венам его бежал адреналин. Бейл остановился, обер-

нулся к иззубренной кромке света и потянул мотки на себя, чтобы они опрокинулись. Проход загородила непроницаемая баррикада, и темнота стала абсолютной. Бейл потолкал завал и удостоверился, что выход перекрыт полностью. Ни ему, ни У здесь не выбраться, и никто не сможет пролезть следом и вмешаться.

До него снова донесся голос Лимми:

– И надеюсь, что мы с тобой сегодня больше не увидимся.

В шахте воняло, и Бейл почти пожалел, что не взял с собой визор – хотя бы чтобы обнулить запах. Он встал на платформу лифта, задержал дыхание и нажал кнопку. Пять секунд плавного спуска, полсекунды замедления – и грязный шлепок, когда платформа коснулась пола. Бейл сошел с нее и отправил назад.

Ему хотелось бы, чтобы Лимми не говорил этих последних слов. Они были словно то пожелание удачи, которое навлекает неудачу. Бейл настроил очки ночного видения на распознавание свежей крови и стал следовать их шелкающим указаниям.

Поверхность под ногами была неровная, в тоннеле пахло блевотиной и плесенью, застарелой мочой и морем. Бейл перешел на легкий бег. Ему казалось, что издалека слышен грохот и рев моря. Как будто что-то дышало, что-то доисторическое. Воздух облизывал и обдувал его лицо, камни под ним дрожали. Щит Форпоста работал только над землей, а вот под городом – нет. Утилизационные тоннели были полны шумом и запахом моря.

Крысы пищали, завидев Бейла, очки высматривали капли крови убийцы, шелкая при виде каждого пятна.

У него все еще болела голова. На первой развилке, где можно было выбраться наружу, убийца останавливался, судя по шелк-шелк-шелканью в ушах.

– Что ты сделал, У? – пробормотал себе под нос Бейл. Встал на колени и коснулся крови, потом посмотрел на выход. – Нет. Тут ты не выбрался. Но остановился. Значит, ты об этом думал. – Он посмотрел в другую сторону, в темноту. – Но и не просто продолжил бежать. Почему ты колебался?

Он пошел дальше, замедлившись. Тоннели изгибались, а потом начали сужаться, и вскоре Бейл уже пробирался, согнувшись, по трубе высотой с него самого, поросшей скоплениями ракушек и с сочащимися водой сварными швами. Под ногами текли нечистоты, похожие на комковатое желе. Бейл пытался расставлять ноги пошире, двигаться боком, но, дважды нагнувшись в едкую дрянь, сдался и побежал прямо по ней. Щелчки ему были уже не нужны. Ботинки У расплескали дерьмо по стенам трубы. Не заметить этого было невозможно.

Почему же У остановился в том месте? Непонятно. Он был явно из тех, кто бежит, а не прячется. Он оставил стремглав где-то неподалеку от тупика, хотя в этом не было нужды. Когда прибыла скорая, он запаниковал, бросившись к мусорному лифту, хотя почти все знали, что медики никого останавливать не станут, что они обучены избегать стычек.

Но у Бейла снова раскалывалась голова. Он терял время. И вообще, У не был особо умен; он убил человека в месте, которое должно было казаться ему тупиком. Ему просто везло как дураку.

А вот и он, сам У. В синих перчатках, как и говорили врачи.

Бейл остановился, у его ног плескалась лужа нечистот. Сквозь зернь очков он различил У на уныло-сером фоне трубы, к которой тот прижимался, и поморщился от яркого блеска ножа у него в руке. Харкет был прав насчет лезвия. Даже без подсказки визора Бейл узнал солдатский, предназначенный для убийства нож. Он не мог понять, прилагаются ли к нему еще и должные навыки, до тех пор, пока У плавно не двинулся вперед, вращая нож в руке. Навыки прилагались.

Что-то во всем этом было неправильное. Но что?

Бейл вытащил пистолет и сказал:

– Брось нож сейчас же. Это было твое предупреждение.

У аккуратно поднял руку, высоко и в сторону от себя, чтобы не закрывала обзор, потом разжал кулак и отбросил нож.

Такой блестящий клинок, подумал Бейл. У, должно быть, вытирал его после каждого убийства, однако при недостаточном освещении военная керамика темнеет, чтобы не выдать хозяина. А это значит, что он меня приманивает.

И все же нож падал, и Бейл инстинктивно расслабился.

Нет. Что-то в этом падении было таким же неправильным, как и в ноже.

Бейл резко втянул воздух, начиная движение. Нож не вращался. Его бросили, чтобы поймать.

Он снова поднял пистолет, а У кинулся вбок, выхватил нож из воздуха и бросил его в Бейла единым слитным движением, которому и сам Бейл учился когда-то давно. Но никогда не был в этом настолько хорош.

Бейл отступил, чувствуя, как обожгло щеку, и выстрелил, осознавая замедленность своей реакции, понимая, что виновато похмелье. Но целился он хорошо, а противник не ожидал, что у паксера будет армейская выучка. Стреляя, Бейл видел, что ствол нацелен точно в грудь У.

Только отдачи не было, и выстрела тоже, а У не останавливался, он перекатился, вскочил и пустился бежать; его шаги отдавались эхом. Бейл выругался, и ругательство загрохотало по трубе: он немедленно – но слишком поздно – понял, почему пистолет отказался стрелять. Вот о чем его пыталась предупредить Дельта. Оружие не позволило Бейлу себя использовать. Он все еще был слишком пьян.

Бейл отбросил пистолет. По крайней мере, У теперь был безоружен. Бейл подобрал его нож, настроил очки на улавливание звука и побежал.

У преступника был прибор ночного видения. Наверняка тоже военный. Он нашел тупик неслучайно. Он все спланировал, бросил стремглав неподалеку, но не слишком близко. Ему не повезло, что в тупике кто-то оказался, а то бы он просто исчез. Он не ожидал там с кем-то столкнуться. Он знал, как работает Пакс.

Еще Бейл был убежден, что пистолета у него нет, иначе У воспользовался бы им.

Очки размеренно щелкали, все еще регистрируя капли крови. Бейл держался позади У, не сбавляя скорости. Пусть тот был моложе, но Бейл оставался таким же крепким. А похмелье на бегу проходило.

Еще через несколько минут до Бейла дошло, что У до сих пор не свернул ни к одному из выходов. Он уходил глубже, уходил к морю. Зачем? Наверное, знает, что Пакс перекрыл выходы. Или дело не в этом?

Нет. Ему нужен был Бейл. Он собирался застать его врасплох. Бейл – единственный, кто сможет опознать У.

Они были уже глубоко под Форпостом, миновали «ПЕРЕРАБОТКУ» и достигли «УТИЛИЗАЦИИ». Запах стал другим – более едкая аммиачная вонь с океанским оттенком. Все, что нельзя было переработать, измельчалось здесь, чтобы потом его выбросили в море ряды волновых насосов. Бейл слышал, как они гудят далеко впереди. Ржавый знак на стене трубы сообщал: «ВНИМАНИЕ. ВПЕРЕДИ ТРИДЦАТИМИНУТНАЯ ЗОНА БЕЗОПАСНОГО ДЫХАНИЯ. ПРОВЕРЬТЕ КОСТЮМ И ЗАПУСТИТЕ ТАЙМЕР НЕМЕДЛЕННО!»

Бейл не остановился. Десяти минут ему хватит. И вообще, если написано «тридцать минут» – читай «час». Очки затрещали, и Бейл остановился в месте, где труба разделялась надвое. Левый проход был темным и узким – тупиковый придаток основной трубы. Недолгое молчание очков, а затем: *щелк-щелк-щелк*.

Бейл нагнулся и поднял за хвост дохлую крысу. У него закружилась голова, и ему пришлось на секунду привалиться к стене. У, должно быть, где-то за углом, скорчился в боковой трубе, ожидая его. Крыса была уже, по сути, кожаным мешком с бактериальным месивом, но оставалась достаточно тяжела для того, что задумал Бейл. Он сделал глубокий режущий горло

вдох, бросил тушку в пасть боковой трубы и замахнулся в следующее мгновение после того, как крыса упала и расплескалась. У пришлось бы неловко распрямиться, выходя из узкой трубы, но Бейл не дал ему на это времени. Со всей оставшейся силой он ударил У в горло и посмотрел, как он падает; вот и все.

Бейл положил руки на колени, уставший и задыхающийся. Очередной щелчок заставил его вскинуть голову. Он уставился на труп, не понимая, что происходит.

Щелк-щелк.

Обмякшее тело было одето в костюм для работы в канализации. Перчатки и сапоги на нем были толстые и зеленые. Бейл положил совсем не У. Это был рабочий. Его вытолкнули из трубы навстречу Бейлу. Он убил всего лишь обманку.

– Классный приемчик, – прошептал тощий, выпрямляясь, разминая синие кулаки. – Но этого мало.

Для Бейла все было кончено. Он видел это в глазах У. Тот знал, что внизу будет не только Бейл, что здесь окажутся и канализационные рабочие. На бегу он высматривал одного из них. Бейл купился на древнейший трюк, и теперь, какой бы маневр он ни предпринял, результат будет один. У только ждал, пока он сделает выбор.

– Почему? – спросил Бейл, хотя его это не заботило. Он просто хотел выиграть время.

– Хороший вопрос, – сказал У и поднял руку. – Этого ты тоже никогда не узнаешь. Делай последний ход. Хотя бы попытайся меня удивить.

Бейл швырнул в него нож. У легко увернулся и отследил падение и кувырок Бейла, словно это было оговоренное упражнение. Бейл поискал глазами упавший нож, но не смог его разглядеть. Лишь очки отреагировали на его взгляд в сторону У последним *щелк-щелк-щелк*.

У встал над Бейлом и сказал:

– И это всё? Скучно. – И он замахнулся для последнего удара.

Бейл заблокировал его руку предплечьем, почувствовал, как треснула кость. Краем глаза он заметил, что нога У приближается к его нижней челюсти, чтобы сломать ее и вогнать в череп. «Плохо», – подумал он недовольно, и на этом все закончилось.

Восемь. Алеф

КлючСоб 8: начало моего последнего дня

Возможно, по моим словам у вас сложилось впечатление, что Геенна почти полностью изолировалась от остальной Системы, однако у нее все-таки была регулярная связь с Верхними мирами. У нее были удалитиевые болота. Огонь в душе Геенны поддерживала вера, но тело ее питала стоимость удалития, посеянного Господом в нашем Раю.

Удалитий – это радиоактивное вещество, которое используется как усилитель ядерного топлива. Его можно синтезировать, но процесс этот не безопасен и не экономичен. Во всей Системе месторождения удалития есть только на Геенне. Он нестабилен в контакте с воздухом, его добыча на болотах опасна, а строгие ограничения на использование машинерии на Геенне означают, что для его сбора приходится использовать рабочую силу.

Такую профессию никто не выберет добровольно, однако криминалы из Верхних миров часто соглашались работать на удалитиевых болотах Геенны, чтобы скостить тюремный срок. Но какими бы крепкими ни считали себя убийцы, воры и пираты, они и представить не могли, какой кошмар ожидает их на болотах. Местные же криминалы это знали и предпочитали искупление, которое, как они верили, даровала им казнь через сожжение.

Работа на болотах была невообразимо ужасна – от жары закипала кровь, кости пожирала радиация, а само болото, сверху напоминавшее жидкую грязь, в глубине было густым словно патока.

К тому же с берега к болотам было не подойти из-за клубившихся над ними ядовитых газов, так что рабочих облачали в скафандры и подвозили к топи на длинных кранах, прежде чем опустить на дно, на глубину больше сотни метров.

Внизу, с твердой почвой под ногами, они оказывались, по сути, слепыми. Единственной надеждой на возвращение была сбруя, соединявшая их с лебедкой наверху.

Поскольку законы Геенны запрещали практически все приспособления, которые помогли бы рабочим легче двигаться, или видеть, или находить выходы удалития, они были вынуждены бродить, спотыкаясь и сталкиваясь, по дну болота, отыскивая неярко светящиеся ниточки удалитиевых пузырьков, поднимающиеся сквозь тяжелую сернистую жижу. Найдя такую, рабочие останавливались и подавали сигнал через лебедку, после чего сверху опускали вытяжную трубу. Им, все еще незрячим, приходилось закреплять толстую экранированную трубу на отверстиях, чтобы поймать удалитиевый поток.

Это была убийственная работа. Добытчики проводили в болотной жиже не больше часа ежедневно – если только не находили источник удалития. Если же находили – а в среднем один источник обнаруживался каждые три часа сорок восемь минут поисков – их не поднимали до тех пор, пока не начиналась подача вещества. А это могло занять до трех часов.

Многие рабочие умирали на дне, или вскоре после выхода на поверхность из-за перегрева, или обезвоживания, или отказа скафандра, или острого лучевого поражения. Рабочих с низким процентом обнаружений подозревали в намеренном сокрытии источников удалития. Такие рабочие порой не поднимались на поверхность в конце смены или срывались обратно в болото, когда их вытягивали. Подобные случаи регистрировали как самоубийства – и, возможно, так порой и было.

Средняя продолжительность заключения криминалов на болотах составляла год, средняя продолжительность жизни – пять месяцев. Не нужна была пьютерия, чтобы высчитать шансы

дотянуть до конца срока. И все равно они продолжали прибывать на болота Геенны. Гибли и продолжали прибывать.

А причиной было то, что многие из рабочих, навечно канувших в болота и не объявленных самоубийцами, считались без вести пропавшими, а криминалы читли их как беглецов. Тем временем возможность сбежать из герметичной высокоорбитальной тюрьмы, отбывая там срок в восемь десятков лет, была нулевой. Поэтому многим приговоренным болота Геенны давали своего рода безумную надежду.

Нас постоянно предупреждали, что нужно беречься беглых криминалов. Были даже сообщения о том, что их видели. Беглые криминалы были одним из самых мощных орудий Господа в борьбе с грешниками. Эти сообщения о беглецах, охотно разносимые по всей Системе, только поощряли прочих криминалов выбирать болота. А еще они очень эффективно подталкивали геенцев к соблюдению Господних заповедей. Сплошная выгода, куда ни посмотри.

В мой последний день, когда мы завтракали, из кухонного комм донеслось предупреждение о беглых рабочих. Родители обменялись взглядами, когда новостной проповедник сообщил: «Группа из пяти вооруженных и крайне опасных криминалов сбежала с удалитивных болот и, предположительно, направляется к ИерСалему. До сих пор попытки их задержать не увенчались успехом. Всем иерсалемам рекомендуется быть бдительными и испытывать свою совесть до тех пор, пока криминалы не будут пойманы».

Что-то в голосе новостника было более резким, чем обычно, и особенно странным казалось то, что он четко обозначил место происшествия. Я не понимал, зачем криминалам направляться сюда. Космодром, с которого они могли покинуть Геенну, был далеко от ИерСалема и в совершенно другом направлении. Неужели кто-то из нашей общины согрешил так страшно, что Господу пришлось обрушить на нас такое возмездие?

Я отмел эту мысль, поскольку в ней не было логики: если это были орудия Господа, почему нас предупреждали, а не говорили отдаться на их волю?

Учитывая минимальнейшую статистическую вероятность нашего столкновения с беглецами, мои родители были несообразно возбуждены. Отец включил мониторинг, которую держал в большой комнате, и сгорбился перед ней. Выругался, что было для него нехарактерно, снова ее выключил и посмотрел на маму, качая головой.

Мама заметно дрожала. Она сказала:

– Что, Савл?

Я помню ее интонации. Это было не смятение, не удивление, даже не шок. Это было чистое отчаяние. Она немедленно поняла, что случилось и что произойдет дальше, как будто была грешницей, ожидавшей Божьего воздаяния. От ее беспомощности меня затошнило. Я никогда ее такой не видел.

Отец ответил:

– Нас нашли. Я иду в офис.

– Может, обойдется.

Он помедлил, потом сказал: «Прости меня», – вскочил и ушел.

Мама поцеловала меня, прижала к себе – тесно и надолго. Мы притворились, что она не плачет. Я не знал, что делать, поэтому помахал ей рукой на прощание и отправился в школу. Перед глазами у меня был образ распахивающейся под оркестром ямы и выражения лиц музыкантов, из-под ног которых уходила земля.

Учебный день начался, как обычно, с молитв и исповедей. О криминалах не заговаривали. Вскоре после утренней перемены в наш класс проскользнул Гаррел и прошептал что-то учителю, который раздраженно взглянул на Пеллонхорка. Гаррел поманил Пеллонхорка, а потом, к моему удивлению, и меня. Пеллонхорк сразу пошел на выход, а я принялся выключать мониторинг. Гаррел сказал:

– Это неважно, Алеф. Брось и пошевеливайся.

Я хотел что-то ответить, но его спокойный тон меня остановил. Мы втроем ушли из школы. Нам с Пеллонхорком пришлось бежать, чтобы поспевать за широкими шагами Гаррела.

Помнить такое тяжело. С того дня мне довелось быть свидетелем ужасных событий. Я был к ним причастен. Вот одна из вещей, которые я заметил с тех пор, как покинул Геенну: ухаживая за тем, кто, несомненно, вскоре умрет, и поделаться с этим ничего нельзя, мы всегда говорим одно и то же. Мы уверенно произносим: «С тобой все будет в порядке», и просим не беспокоиться.

И в тот день, когда мы с Пеллонхорком и Гаррелом уходили из школы, я понимал умом и сердцем, что происходит что-то невообразимо страшное. Выйдя из школьных дверей, я переломил хрупкое молчание и спросил у Гаррела:

– А где мои мама и папа?

Гаррел посмотрел на меня, отвел взгляд и ответил:

– Не беспокойся, Алеф. С ними все будет в порядке.

Больше я ничего не говорил, а Пеллонхорк не спросил его о своей матери. Гаррел оставил у школьных ворот циклолет, которого я раньше не видел. Он был изящный, и темный, и гладкий, не похожий ни на что гееннское. Ясное утреннее небо, отражаясь в нем, походило на грозное. Я напомнил себе, что Гаррел не такой, как жители Геенны, и Трейл тоже, и Пеллонхорк. Мне вспомнились взгляды, которыми обменялись утром мои родители, и я попытался сложить все это воедино, но у меня не получилось. Я решил о них не думать.

Гаррел затолкнул нас в циклолет и поднял его в воздух. Как только мы взлетели, он немного расслабился.

– Куда мы теперь летим? – спросил его Пеллонхорк. По его тону я предположил, что такое – чем бы это *такое* ни было – с ним раньше случалось. Я добавил эту вероятность к своим данным, в скобочках.

Посмотрев вниз, я увидел школу, и церковь, и ряды улиц. Я никогда не смотрел на Иерусалем с высоты, но мне было легко сопоставить свои знания о нем с этой новой точкой обзора, и я немедленно нашел свой дом. Он горел, и дом Пеллонхорка напротив – тоже. Гаррел резко развернул циклолет. Мы были на высоте церковного шпиля.

На пожар начали собираться люди, и я видел, как стоявший на улице мужчина поднял на плечо что-то длинное и тяжелое. Оно не было похоже на баллон огнедушителя и к тому же целилось в нас, а не в огонь, и мужчина смотрел поверх мощного ствола прямо на циклолет. Глаза у него были как черные овалы. Я задумался, где сейчас Трейл.

Из задней части устройства вырвался завиток дыма, и сразу же на мониторе перед Гаррелом вспыхнул красный огонек; Гаррел выругался и заложил головокружительный вираж, в то время как ракета (я сделал вывод, что это была именно она) выпрямила траекторию полета и приближалась к нам. Когда она пронеслась мимо, я услышал свист и визг, а циклолет завил в воздухе и пугающе ускорился. Мы уже были далеко от того места, где я прожил всю свою жизнь.

– Моя мама умерла? – спросил Пеллонхорк странным ровным тоном, как будто говорил о чем-то случившемся очень давно.

– Если мне не сообщат обратного – да, – ответил Гаррел.

– Куда мы летим? – спросил я, хотя неожиданно понял куда. Вычислить это было несложно. Циклолет нырнул вниз, словно следуя за направлением моих мысли и взгляда, и тихо замер на земле неподалеку от офиса моего отца.

Гаррел заблокировал движок циклолета и притушил огни, оставив ярко светиться одну лишь консоль. Он вывел на монитор тридэ-сетку и склонился над ней, пока контуры сетки принимали вид папиного офиса. Я смотрел из-за его плеча. Я видел такое в играх – поиск уязвимых мест, перебор вариантов для быстрого или тайного нападения. Гаррел последовательно

и быстро отобразил и отметл множество видов. Большую часть данных я мог сообщить ему и так. Входы/выходы – только две двери, и еще одна внутренняя, окон нет. Гаррел проверил толщину стен, их состав, и я увидел, как он заметил и отбросил слабый участок на плоской крыше в передней части здания. Она протекала во время ливня. Он проверил источники тепла и нашел два неподвижных; один был приглушенного цвета, скорее оранжевого, чем красного. Оба человека, подумал я, скорее всего, сидят. Были и другие, они двигались, сливались и расходились, сбивая с толку. Гаррел какое-то время смотрел на это, пытаясь сосчитать людей, не смог и сдался. Все они были в маленьком помещении в задней части офиса, там, где мы с Пеллонхорком исследовали Песнь и где я познакомился с его отцом.

Смотреть, как Гаррел собирает информацию, было захватывающе. Я как будто разделял ход его мысли, хотя тому, что для него было автоматической привычкой, я научился из игр, обрабатывая информацию и перескакивая от факта к факту. Я знал, что будет дальше, знал, что все это значило. Я знал все, кроме самого финала. Однако мне было известно, чем всегда заканчиваются игры.

– Алеф, вылезай, – сказал Гаррел, решительно выключая монитор. – Ты мне нужен. Пеллонхорк, оставайся здесь.

– Я пойду с вами, – сказал Пеллонхорк.

Но я уже вылез наружу, и Гаррел тоже, и Пеллонхорк тщетно толкал дверь, а его рот беззвучно открывался и закрывался по ту сторону черного неба, отраженного в стекле кокпита циклолета.

У двери офиса Гаррел меня остановил.

– Жди здесь. Когда нужно будет, я за тобой вернусь. Понимаешь? Жди. От этого зависят жизни твоих родителей. Все наши жизни. Ты должен мне довериться.

Я кивнул.

Подойдя к двери, он взглянул на меня и отключил замок.

Значит, он знал, что я внесен в список. Я заметил, что его грудь и бедра несколько раздуты. Гаррел закрыл за собой дверь, но я остановил ее ногой как раз перед тем, как она захлопнулась. Я думал, что он заметит, но Гаррел был полностью сосредоточен на том, что находилось впереди. Было слышно, как он быстро идет мимо полок с пьютерией к двери в дальнюю комнату, туда, где находились все источники тепла. По пути он не замедлялся, а я ничего не слышал и сделал вывод, что в главном помещении действительно пусто, как и подсказал ему монитор. Гаррел просто постучался в дальнюю дверь, словно приглашенный гость. Я затаил дыхание. В следующее мгновение дверь открылась и закрылась. Странно, подумал я.

Я мог убежать. Нет, это неверно. Я хотел, но не мог. Как будто стоял на высокой, как утес, вышке для прыжков в воду и не способен был выбрать между длинной и хлипкой лестницей позади и стремительным и неостановимым падением впереди.

Я не мог ждать. Только не когда передо мной стоял такой выбор. Неясно было, можно ли доверять Гаррелу. Я набрал в грудь воздуха. Значит – вперед.

КлючСоб 9: Спеткин Лигат

Я проскользнул в офис как можно тише, оставив дверь чуть приоткрытой. Меня била странная дрожь и немного подташнивало.

В дальней комнате у отца, конечно же, были камеры, и к ним можно было получить доступ из офиса. Я спрятался за столом и включил небольшой монитор, чтобы видеть, что происходит.

От того, что я увидел в дальней комнате сквозь рыбий глаз камеры, у меня остановилось дыхание. В двух креслах напротив друг друга сидели мои родители. Мама уронила голову,

уткнулась подбородком в грудь и не шевелилась. Значит, это она была тем более слабым источником тепла. Ее уже серьезно ранили.

Исходя из этого, я начал производить расчеты – точнее, попытался. Не знаю, как далеко я в них зашел, прежде чем внутри у меня все развалилось и я попросту бросился с воплями в дальнюю комнату, с грохотом распахнул дверь и подбежал к маме. Может, если бы я был больше похож на отца, то не стал бы этого делать.

Кто-то, вероятно Гаррел, выкрикнул: «*Стой!*» – и все замерли. Я стоял на коленях и обнимал маму. Ее щека, к которой я прижался, была теплой, и я подумал, что она плачет, но слезы были липкими и совсем не слезами, а кровью.

– Он ребенок, – хрипло сказал мой отец из другого кресла. Я услышал скрип древесины.

Кто-то взял меня за плечи и поставил на ноги. Я огляделся. Кроме Гаррела и моих родителей, в комнате было еще трое мужчин. Один был ранен, рука у него висела на груди, на покрасневшей марлевой паутине. Трейла не было, и матери Пеллонхорка тоже.

– Ну, – сказал кто-то, – вот и мальчишка.

Я узнал голос и, обернувшись, увидел на одном из мониторов отца Пеллонхорка. Сначала он склонялся вперед, но потом откинулся обратно. Лицо у него было немного усталое, как будто он плохо выспался, но не более того. Говорил он непринужденно.

– Плевать на мальчишку, – медленно сказал раненый. – Как мы всё это разрешим? Ты отдашь мне Савла?

– Мне кажется, он и так уже у тебя.

– Ты знаешь, о чем я, Дрейм. Мне нужно то, что он знает. То, что он может сделать.

– Не думаю, что это мне решать, Лигат, – спокойно ответил отец Пеллонхорка. – Почему ты не спросишь у самого Савла?

Названный Лигатом мужчина повернулся. Говорил он трудно, и я предположил, что рана мешает ему сосредоточиться. Двигался он тоже медленно.

– У Савла? – переспросил он. – Савл знает, что ты с ним сделаешь, если он тебя кинет. Нет, Дрейм, ты должен на это согласиться. Я получу Савла, а к тебе вернутся жена и сын.

Мой отец взглянул на меня. Я видел, как напрягались мускулы его шеи. Мне показалось, что ему хочется что-то сказать, но отец промолчал. Я хотел, чтобы он меня обнял, хотел расплакаться у него на груди. Он выглядел таким беспомощным, с руками, связанными за спиной. Но ран у него не было, и это сказало мне, насколько он важен. Я снова посмотрел на маму. От падения на пол ее удерживали только заведенные назад руки. Голова у нее свешивалась на грудь. Она была без сознания.

Отец Пеллонхорка сказал:

– наших семей это не касается, Лигат. Соглашение было таким.

– Я тоже так думал. – Лицо Лигата оставалось непроницаемым. – Ты нарушил правила.

– Правда, Лигат? Ты действительно в это веришь? У тебя есть доказательства?

– Тогда скажи мне, почему ты их сюда отослал.

– Я знал, что ты поторопишься с выводами. Я хотел, чтобы у тебя было время подумать, прежде чем совершать глупые поступки.

– Время у меня было. Я подумал. Я предлагаю тебе твою семью. Мне нужен только Савл. По-моему, это щедрое предложение. Моей семьи, – он резко втянул воздух, – больше нет.

– Оставим это за скобками, – сказал Дрейм. – Могу ли я тебе верить, Лигат?

– Верить *мне*? – Лигат вяло повернулся к Савлу и спросил его: – Ты веришь своему боссу? Если он скажет тебе пойти со мной, ты пойдешь? Он не отправит за тобой своих бойцов, чтобы убить тебя?

Его голос и движения производили странное впечатление. Слова были резки и точны, но сам Лигат, казалось, находился под воздействием наркотиков. Возможно, рана была хуже, чем выглядела.

Мой отец не ответил. Он не мог дать никакого ответа, кроме неверного. Теперь я это понимаю. В этом разговоре не было логики, лишь угрозы и увертки. Грядущего было не избежать, и мне ясно, что Дрейм и Лигат уже понимали, чем все закончится. В тот момент все это казалось притчей из Балаболии, с роковым, неизбежным финалом.

Гаррел молчал. Еще двое мужчин стояли по бокам от него, словно боевые товарищи.

– Отдай мне Савла, Итан, – заговорил Лигат. – Отдай мне Савла, и можешь забирать жену и сына.

– Савлу известно все, Лигат. Если я отдам его, тебе достанется все.

– Значит, нужно было лучше о нем заботиться.

Отец Пеллонхорка ничего не ответил.

– Ты знаешь, Итан, – продолжал Лигат, – если бы ты не убил мою семью, я никогда бы не нашел Савла. Я искал и искал. А он, оказывается, был на Геенне, из всех-то возможных мест. На Геенне! Как можно по своей воле поселиться на этом куске говна? Да еще и такому человеку, как Савл, который мог столького добиться. – Лигат медленно покачал головой, но выражение его лица не совпадало со словами. – И я бы никогда, никогда и не подумал искать здесь твоих жену и ребенка. Как ты мог отправить *их* в такое место?

Гаррел был агентом Лигата. Иначе все это не сходилась. У Лигата был шпион в организации Дрейма, и этот шпион обнаружил Савла. Дрейм, отослав жену и сына на Геенну, выдал местоположение моего отца. Единственными кандидатами были Гаррел и Трейл.

Это совпадало с данными. Один из них все это время работал на Лигата. Он рассказал Лигату, что семья Дрейма здесь, и обнаружил, что и Савл тоже здесь. Гаррел и Трейл схлестнулись, и один из них погиб. Тот, кто был агентом Лигата, обладал преимуществом. И агент Лигата привел бы к нему Пеллонхорка. Человек, стрелявший в циклолет, просто не понимал, кто находится внутри.

Гаррел загоптался на месте и посмотрел на меня с открытым презрением. Этой реакции мне хватило, чтобы отбросить вероятность того, что предателем был Трейл.

– Савлу известно все, – повторил Дрейм.

– Разумеется, – сказал Лигат, потирая раненое предплечье. – Савл – твоя правая рука.

– Откуда мне знать, что мои жена и сын еще живы?

– Да, – кивнул Лигат. – Давай установим доверие.

Он приложил к уху ладонь, что-то прошептал, и открылась задняя дверь. Я увидел на фоне света дрожащую мать Пеллонхорка, которую ухватил за плечо еще один незнакомый мужчина, вынуждая склониться и сделать несколько неверных шагов вперед. Она держала руки за спиной, а лицо ее было абсолютно пустым; на светлых волосах толстой коркой запеклась кровь.

– Она жива, – сказал Лигат. – Видишь ее?

– Если ты ей навредил... – начал Дрейм.

– Я сказал, она жива. Жива. Не стоит угрожать, ты не в том положении. – Лигат кивнул Гаррелу, который бросил на монитор короткий взгляд, прежде чем сообщить:

– Пеллонхорк заперт в циклолете снаружи.

– Так давайте с ним поговорим, – сказал Лигат.

Гаррел медленно извлек из кармана комм для связи с циклолетом. Другие люди Лигата внимательно за ним наблюдали, как будто Дрейм мог не догадаться, что шпион – это Гаррел. Но, может быть, он и не догадался. Лигат неловко выхватил комм у Гаррела и перекинул мне. Он упал на пол, и я поднял его.

– Ты с ним говори, парень, – велел Лигат.

Я поднес комм к губам и сказал, заметив, что у меня дрожит голос:

– Пеллонхорк?

– Что происходит? – немедленно ответил он.

– Мы говорим с твоим отцом, по монитору, как раньше. Он хочет убедиться, что ты в порядке.

– Алеф? – голос Пеллонхорка сорвался. – Что с моей мамой?

– Быстрее, парень, – невнятно сказал Лигат. – Скажи, чтобы подтвердил, что с ним все в порядке. Больше ничего.

Я стискивал комм так, что кнопки впивались мне в ладонь.

– Связь доступна только ненадолго, – сказал я как можно четче. – Ты должен рассказать ему, что с тобой все в порядке. Понимаешь? Она сейчас снова оборвется. – Я сдавил комм, проговаривая слова так спокойно, как мог. – А пока она открыта. У тебя есть совсем немного времени, прежде чем я ее закрою. Ты понимаешь меня? Ты должен подтвердить то, что я прошу.

Наступила тишина, и я не был уверен, что он меня понял. Но потом Пеллонхорк твердо сказал:

– Да, Алеф, я понял. Я в порядке.

– Достаточно. – Лигат подал мне знак. – Отключай.

Я закрыл комм и перекинул Лигату. Тот даже не попытался его поймать, и комм отскочил от его руки на пол. Лигат поднял ногу, едва не утратив равновесие, и с силой обрушил на передатчик, разнеся его на куски.

– Алеф, – пробормотал папа. Он поднял голову. Я видел, как тяжело это ему далось.

– Ты же понимаешь, Лигат, что, если я скажу «да», – начал Дрейм неожиданно напряженным тоном, – Савл никогда не поверит, что я честен. Ты никогда не сможешь ему довериться. Он не такой, как ты и я. Это не я отправил его на Геенну. Это он хочет там быть. Увези его в любое другое место – и он будет потерян для меня и бесполезен для тебя. Ты это знаешь. – Он понизил голос: – И настанет день, Лигат, когда я до тебя дотянусь.

Лигат только улыбнулся.

Мой отец неотрывно смотрел на меня. Он едва мог держать голову прямо.

– Алеф, я... – начал он, и я отвернулся.

Я отвернулся.

Даже сейчас у меня перехватывает горло при мысли о том, что я отобрал у него этот последний шанс поговорить со мной и в то же время отбросил последнюю возможность услышать его.

Итак, я в последний раз отвернулся от своего отца. Вместо этого я посмотрел на Дрейма, который продолжал говорить:

– ...А если я откажу тебе, ты всех их убьешь. – Дрейм на мониторе посуровел. – Но если ты это сделаешь, Лигат, меня ничто не сможет остановить. – Он заговорил медленнее: – Выбора не будет. Ты понимаешь? Ты полностью осознаешь последствия, Лигат? У меня не останется ничего.

Потом, неожиданно, впервые за все это время, голос Дрейма дрогнул, и лицо его лишилось всякого выражения. Наконец-то он понял то, что понимал я и понимал мой отец. Для Лигата это никогда не было переговорами. Все должно было закончиться здесь и сейчас, и Дрейму предстояло увидеть, как все они умрут. Лигат всего лишь хотел посмотреть, как в его глазах загорится и погаснет надежда.

Дрейм снова выпрямился, хотя было ясно, что он прилагает огромные усилия, чтобы просто заговорить. Голос его был слаб.

– Я приду за тобой, Лигат, – сказал он. Сглотнул и добавил: – Я до тебя *дотянусь*.

Лигат пожал плечами. И ответил медленно и отчетливо, словно был утомлен:

– У меня уже ничего не осталось. Все прочее для меня не важно. Видишь наконец, что ты натворил? Мы могли бы сосуществовать, но ты положил этому конец. Убив мою семью, ты положил конец всему. Ты внимательно смотришь? Всему...

Девять. Рейзер

– Просто делай свою работу, – сказала себе Рейзер, но думать у нее получалось только об одном: «ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, УБИТЫ ДЕСЯТЬ ГРАЖДАН И ОДИН СОТРУДНИК ПАКСА».

Она знала, что это окажется Бейл. Но не собиралась следить за развитием событий. Только когда закончит рассказ. Она начала писать:

– Расскажи мне о Поточе, – попросила я Бейла во время послесексия. Моя голова удобно устроилась на сгибе его руки. Кровать у него была немногим больше койки, и Бейл [надо поменять ему имя на что-нибудь активное, намекающее на опасность. Риск?] занимал ее почти целиком, но мне было все равно.

– Его открыли случайно. Представь себе огромную подземную систему пещер, похожую на кротермитник, только высеченную ветром. Пятьсот км тоннелей, расходящихся и сливающихся, извилистых и петляющих, сужающихся и расширяющихся. Представь, что ветер в нем – как бесконечный поток воды, только это ветер Хлада, и похоже это на ураган, втиснутый в соломинку для питья.

Сначала там проводили исследования, – сказал он. – Форпост был научным городком. Уже потом здесь обнаружили ядро. Но Поток был раньше.

Я была удивлена тем, как оживился, говоря о Поточе, этот яростный мужчина, но это случилось. Синева его глаз казалась электрической. В нем не было ничего скрытого, и, может быть, на это я и купилась здесь, на планете Хлад. За те годы календарные и годы световые, что я веду эти записи, блуждая по Системе и знакомясь с человечеством во множестве его масок, у меня случались более захватывающие приключения и более глубокие чувства, но Бейл затронул меня как мало кто еще. Бейл был редчайшей находкой – хорошим человеком.

– Его использовали для испытаний, – говорил он, – вместо аэродинамической трубы. Все, что ты видишь здесь, на Хладе, было испытано в Поточе. Если оно не способно уцелеть в Поточе – то и на Хладе не уцелеет.

Я спросила:

– Но ведь большая часть Хлада под щитами, да?

– У платформ нет щитов. У рокотов нет щитов. И за пределами щита бывают стационарные штуки. Погодные датчики, шлюзы, рельсы...

Снаружи его комнаты заканчивался день, сквозь окно просачивался фиолетовый вечер. Я откинулась на простыню. Мы были вместе уже две недели, и мне все еще нравилось рядом с ним, говорить или молчать. Просто смотреть на него. Бейл был особенным [Его имя – Крад? Может быть. Сердцекрад. И еще «град», и намек на криминала. Очень может быть.] Хлад ему подходил и не подходил одновременно. Он был пылким и сложным, неприкаянной душой.

А в тот момент он был мужчиной с детским светом в глазах, рассказывавшим мне о своих играх.

– Так вот, они бросали в Поток какую-нибудь фиговину, смотрели, как далеко она залетит, прежде чем развалится. Редизайнили ее, переделывали, снова смотрели, как ее рвет на куски, но каждый раз она держалась на несколько секунд дольше. Машины, здания, куски платформ – Поток принимал всё. Здесь даже корабли для глубокого космоса проверяли на ударопрочность. Если находился изъян – Поток разносил корпус стоимостью миллиарды бедолларов в наноклобья за ноль целых хрен десятых секунды.

Его энтузиазм был неисчерпаем. В послесексии он всегда был так похож на мальчишку – мальчишку, который безнаказанно натворил что-то недозволенное. Но спальня у него была совсем не мальчишеской. Она была чистой и безжизненной. Металлическая мебель, стенная

монитория напротив узкой кровати. Единственным беспорядком – единственным, что придавало комнате характер, – была груда нашей одежды на полу.

Я гладила волосы на его руке, а он продолжал.

– Каналы разные, а вот ветер постоянный, так что там есть быстрые и медленные повороты, высокая и низкая же, и еще обломки, и... – Он вздохнул едва ли не скорбно. – Мне не объяснить.

Дело было не в том, что ему не хватало слов. Он просто хотел сказать их все разом. Как будто я ничего не знала. Он понятия не имел, что я повидала, где побывала, хотя я, как обычно, не делала из этого тайны. Невозможно рассказывать истории женщин и мужчин, живущих на грани, пока не проживешь там с ними сама. Ты учишься чинить что угодно и драться с кем угодно, стрелять во что угодно и управлять чем угодно. И я всему этому научилась.

Поначалу его незнание обо мне казалось странным, но потом я поняла, почему Бейл не отыскал меня в Песни. Это было не из-за того, что я его не интересовала, а потому, что его работа в Паксе и так сплошь состояла из запросов и проверок. Со мной он мог просто быть. Незнание рождалось из доверия.

Я переплела свои пальцы с его и спросила:

– А почему Поток не разрушает стены?

– А он разрушает. Как река подтачивает свои берега.

– И ты сознательно в это ныряешь?

– Люди, которые работают на Хладе... у них особый характер, – ответил он.

Я улыбнулась и сказала:

– Это я заметила. Но кто первый придумал сделать из него аттракцион? Или кто-то упал туда и выжил? Обычно всякие необычные открытия делаются так.

Он потянулся надо мной, чтобы взять стоявший у постели стакан. Я наслаждалась давлением его тела, дополнительной тяжестью.

– Не в этот раз, – ответил Бейл. – Кому-то стало любопытно, он придумал особый костюм и нырнул туда. Просто причуда одного человека.

Он протянул мне стакан. У виски был его вкус. Мы выпили полбутылки, прежде чем рхнуть, раздеваясь, на кровать, и теперь оставалось прикончить только мутную осадочную взвесь.

– И что стало с первооткрывателем? – спросила я, облизнув губы от твердых частичек.

– Его хватило на пятьдесят метров. Следующий продержался дольше, а где-то год спустя кто-то завершил круг и, полуживой, выбрался наружу. Теперь все дело только в технике и новых рекордах. Спорт. Видела экзо, которые мы надеваем? Они специально для Потока.

– Нет, не видела. Что от них требуется?

– Ну, ты летишь, так что нужна защита, плюс карабины и срезачи, плавники и тросы. Они все так или иначе влияют на твою скорость и траекторию. Некоторые летуны пользуются лентами. Одним нравится мягко, другим жестко.

Я потянулась и положила руку ему между ног, потому что снова захотела его.

– Вот так?

– Совсем не так. – Он ухмыльнулся.

Она перестала писать. Тогда на его лице была не ухмылка. К тому времени с сексом у них было уже не очень. Но стирать эти слова Рейзер не стала. Отчасти для этого она и писала – чтобы история, которую она сплетала вокруг правды, могла укорениться. Пусть настоящее мимолетно, но память о нем, хорошо приготовленная, может служить утешением. Рейзер была мастерицей таких вот поправок.

Да, она была добра к Бейлу, и была добра к читателям, но важнее всего было, в конечном итоге, быть доброй к себе самой. Создать хорошее прошлое из сурового настоящего.

Она продолжила писать, пытаясь не представлять его мертвым.

Потом, когда его дыхание снова успокоилось, он продолжил беседу, словно ее ничто и не прерывало:

– «Мягко» – значит лететь осторожно и посередине, с меньшим риском. «Жестко» – значит, ты берешь на себя чуть больше контроля. Усваиваешь?

– Зачем плавники – я, в общем, понимаю, – ответила я. – И, может, ленты. Остальное – нет. Объяснишь?

– Это нельзя объяснить. Я не могу, по крайней мере. – Он отодвинулся и посмотрел на меня. Волосы у Бейла были растрепаны, и я убрала их от его глаз. Синева этих глаз побледнела, и я вспомнила небо того же цвета над Вегасхристом и стоящую рядом со мной черно-волосую девочку, которая смеялась, пока ее желтый воздушный змей исчезал в небесах. [тут ссылка]

– Тогда расскажи еще что-нибудь.

Я задумалась, много ли знаю о Бейле на самом деле. Об историях, записанных на его теле. О созвездии маленьких шрамов, изрывших его правую щеку, о темном бугорке на кое-как залеченной ключице. Да, эти истории я знала, и знала, что они говорят о нем. Но помимо этого – что мне было известно?

– Ладно, – сказал он. – Вот, например. Слышала когда-нибудь про скорость тьмы?

Я попыталась вспомнить. «Скоростью тьмы» назывался корабль, на котором я однажды летала. И еще на некоторых планетах это было жаргонное название примитивного очистителя памяти. Неумелые похитители накачивали им жертв, прежде чем вернуть их беспмятными. Точнее, не просто беспмятными. Родные обнаруживали, что отдали деньги за возвращение двадцатилетних хнычущих младенцев. Однажды я об этом писала [тут ссылка] после долгого дня на Дали, проведенного за разговором с женщиной, чьи глаза не переставали метаться, и никогда уже не перестанут.

Но я была уверена, что Бейл говорит о чем-то другом. У термина было еще несколько значений, и все менее интересные. «Скорость тьмы» – броское словосочетание, но это довольно очевидная инверсия «скорости света», ярлык, только и ждущий, чтобы его куда-нибудь налепили. Меня всегда больше интересовало применение.

– Нет, – ответила я. – Никогда не слышала.

– Ясно, – сказал Бейл. – Так еще стимулятор для траха называют, но не на Хладе. Слушай.

Он пошевелился, и я ощутила, как его сердце забилось быстрее. Он провел по вчерашней щетине тыльной стороной ладони и начал рассказывать:

– Ты быстро летишь по Поток, «же» растет, так что ты становишься тяжелее. – Его всегда заводило действие. Хватало даже слов или мыслей о нем. Вот что между нами было общего – эти пропитанные адреналином разговоры и неусидчивость, и поэтому же нашим отношениям не суждено было продлиться. Мы постоянно куда-то бежали, но это была лишь прелюдия к тому, чтобы разбежаться.

– Это не та постоянная перегрузка, которая бывает у ракетчиков. Простые ракетные скафы тут не годятся. Если хочешь маневрировать на скорости Потока – придется надеть специальный экзо. Этому костюму нужна самая большая амортизация перегрузки, какая только бывает, но ты ведь не в кабине сидишь. Экономичная амортизация, как в ракетном скафе, не поможет. Носила такой?

– Да.

– Так вот, это как будто у тебя спереди и сзади по матрасу привязано. – Он осекся, уставился на меня и переспросил: – Правда носила?

Я улыбнулась при виде его удивления.

– Я много чего делала, Бейл. Кое-что даже в реале.

Сколько всего он обо мне не знал. Мы оба были заблудшими душами, недолгими спутниками в темной-темной ночи.

– Если не в реале – значит, не было, – сказал он, помолчал и добавил: – Ты полна сюрпризов, Пуст, ты знаешь об этом?

Это было почти что признание в любви. Достаточно близко, но не ближе. Как раз. Этот парень.

Он с хрустом прожевал осадок виски, а потом продолжил:

– В общем, суть ты уловила. Плавники нужны, чтобы лучше вписываться в повороты, но они тебя тормозят. Срезаки, ленты и прочее – все это добавляет немножко изящества, убирает часть риска. Еще нужна хорошая мониторинг для визора, чтобы читать Поток вверх по течению ветра и следить, что происходит по бокам, но большинство летунов считает, что это мучлеж, им нравится пользоваться только реальными ориентирами...

– А ты?

– Я? – Бейл усмехнулся. – Я пользуюсь всем, что есть. Я бесстыжий. Если есть техника – да, я ее возьму.

Он поднял стакан и поднес его к окну, щурясь на преломляющийся в стекле тусклый вечерний свет.

– Ты рассказывал про скорость тьмы, – напомнила я.

– Я к ней подбираюсь. Что я хотел донести: это все компромиссы. Скорость и контроль. Как жить и выживать. Первое – скорость, второе – контроль.

Я отметила это на будущее. Такого я раньше не слышала. Он чуть нахмурился, прежде чем это сказать, и я была уверена, что это его собственные слова. Да, Бейл был особенным.

– И вот наступает момент, когда костюм перестает справляться с «же». Обычно ты не совсем вырубашься, потому что, как я говорил, перегрузки не постоянные. Ты опухаешь, у тебя судороги, но ты можешь это терпеть, поэтому летить быстрее. Потом... – Его синие глаза сверкали. – Еще быстрее. На виражах все смазывается, теряется периферический фокус, но стоит выйти на прямую, как голова снова начинает работать, четко и ясно.

Он закрыл глаза и снова открыл их, и я заметила, что он на грани слез.

– Она работает лучше обычного. Невероятная сосредоточенность. Это – край. – Бейл сказал это дважды, с нажимом, чтобы я поняла, что это важно.

– Край, – повторила я, теперь заинтересованная почти так же, как он. Мое сердце колотилось. – Продолжай.

– Ага. – Он толкнул меня с себя и сел прямо; мне было ясно, что этот человек сейчас находится в каком-то другом месте, и он там один.

Мечтательно, словно неожиданно подействовал виски, он сказал:

– Все хорошо, но теперь ты летить еще быстрее, а впереди очередной поворот. – Он покачнулся. – Плавники в порядке, траектория в порядке, ты слышишь вокруг себя Поток, и ты – часть его. Ты наблюдаешь за тем, как твое тело производит мельчайшие и точные корректировки. Это идеально. Ты не можешь представить, чтобы было иначе. Больше нет ничего, только ты, и Поток, и приближающийся сладкий, великолепный поворот. И тебе нужно сделать выбор.

Он замолчал и откинулся, слегка зарумянившись.

– И? – Мое сердце вырывалось из груди.

– И выбор у тебя такой. Можно лететь вдоль внешней стены, чтобы на такой скорости перегрузка была поменьше, вернуться с края, или...

– Да?

– Или можно лететь посередине и попытаться удержать это состояние, остаться на краю...

Он моргнул, и от этого непримечательного движения у меня перехватило дух.

– Или можно рвануть.

– Да. – Я сказала это чересчур резко. В конце концов, он просто рассказывал историю. Я снова вжалась в его тепло, дрожа, ожидая продолжения. Бейл всегда говорил, что истории ему не интересны, но он был природным рассказчиком.

– И ты решаешь рвануть, потому что на выходе из поворота будет полсекунды прямого и широкого пути, и этого хватит, чтобы восстановиться. – Он клонился вбок, а я прижималась к нему, и простыня вокруг нас туго натягивалась. – Ты круто поворачиваешь, и немедленно оказываешься на середине прямой по ту сторону поворота.

Внезапно Бейл обнял меня. Казалось, будто он поймал меня в падении. Я задохнулась.

– Понимаешь, Пуст? Ощутимого провала не было. Просто сначала было одно, а потом сразу другое. И все. Ты смотришь вперед и продолжаешь лететь. – Он взглянул на меня и спросил: – Усекла? Скорость была такая, что поворота просто не случилось.

Я попыталась успокоиться.

– Но это же не так. Этого не могло быть.

– Конечно. Да. Вот что случилось на самом деле: ты вырубилась в начале поворота и пришла в себя в конце. Это и есть скорость тьмы. Ты летела на скорости тьмы.

– Рискованно, – заметила я. Во рту у меня пересохло.

– Да. К этому обычно прибавляется другое выражение: провалиться в черную дыру.

– Погибнуть. Тут я могу догадаться.

– Летуны говорят, что на самом деле никто не видит края, потому что никто на нем не задерживается. Либо возвращается, либо ступает за него.

– И сколько раз ты ступал за край, Бейл?

Он хитро посмотрел на меня:

– О каком крае мы говорим?

– Обо всех, Бейл, – рассмеялась я. – Ты ведь прыгаешь с любого края, который тебе попадается?

– Я об этом не думал. – Он помолчал, потом сказал: – А как насчет тебя, Пуст?

– Перестань, Бейл. Насчет меня? А ты как думаешь? По-твоему, я бы прыгнула?

– Нет. – Он выглядел серьезным. – Ты стала бы той самой.

– Той самой? – я снова попыталась засмеяться, но не смогла. – Ты о чем?

– Ты стала бы той, кто подойдет к краю и задержится на нем. Той, кто остановится, посмотрит вниз и оглянется. А потом пройдет вдоль края в обе стороны. Ты хочешь увидеть все. Вот кто ты такая. Рассказчица историй.

Я чувствовала себя более обнаженной и открытой, чем раньше, когда он был во мне, и каким-то образом почувствовала Бейла даже глубже внутри себя, когда он добавил:

– Но навечно на краю не останешься.

Я хотела отвернуться, но он обхватил мое лицо руками, повернул к себе и сказал:

– Давай я отведу тебя туда, когда будет время. Покажу тебе, что кроется за этими словами. Не скорость тьмы, конечно. Мы даже близко к краю не подойдем. Но я покажу тебе Поток.

– Мне бы этого очень хотелось, Бейл.

И я подобралась еще ближе и поцеловала этого безбашенного, чудесного, безумного мужчину.

Вот. Она осталась верна сути истории, как оставалась всегда, поскольку лишь истории имели значение. Но все остальное... Секс был совсем не таким, и, честно говоря, спусковым крючком для рассказа о Потоке и скорости тьмы стало желание Бейла отвлечься от своей неудачи в постели. Но теперь, когда Рейзер вот так это записала, оно уже казалось ей достаточно правдивым.

Нет. Она обманывала себя.

Рейзер закрыла глаза и стала вспоминать. Разговор о скорости тьмы – вот *он-то* и был сексом, близостью, не только для Бейла, но и для нее тоже. Конечно, не один Бейл был виноват в том, что секса не получилось. Она точно так же не могла расслабиться. Не могла и не сможет. Для Бейла настоящим сексом была скорость тьмы, а для Рейзер – рассказ о ней... нет, *рассказывание* рассказа о ней.

И разве это так плохо? Она встречала людей и побезумнее. И секс у нее бывал похуже. И каждый раз Рейзер записывала воспоминания и двигалась дальше.

И теперь она тоже пойдет дальше, как бывало уже не раз. Может, расскажет историю второго мужчины из красного бара. Таллена. Так странно, что Синт не могла решить и предложила ей два рассказа, прежде чем выбрать один из них. А потом еще спросила о голосовании за Гэмлиэла – Рейзер до сих пор не могла вспомнить то имя. Мэдрю, Мэнлер? Тот кусок металла, взлетающий и падающий в ладонь, не шел у нее из головы. Монкрелл?

Рейзер взглянула на мониторию. Да, она пойдет дальше.

«ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, УБИТЫ ДЕСЯТЬ ГРАЖДАН И ОДИН СОТРУДНИК ПАКСА».

Так почему она плачет?

Десять. Алеф

КлючСоб 10: первые смерти

В глазах Лигата что-то изменилось, как будто сквозь него прошел электрический разряд, и впервые он стал двигаться быстро и решительно.

Если вы ищете в этом рассказе объяснение, то, полагаю, его сердце именно здесь. Быть может, в тот момент какая-то часть меня это даже понимала. Я смотрел, как умирали мои родители, и видел, как это на меня повлияет. Наблюдал, как мой рассудок анализирует опыт созерцания смерти родителей. И еще я наблюдал, как исследую этот феномен, а с более далекого расстояния наблюдал и *за этим*. Я рассматривал каждый этап самонаблюдения и анализа, словно разбирался в логическом каскаде.

При этом тело мое застыло. Я не мог дышать. Последующие события разворачивались словно серия стоп-снимков с размытыми, едва стыкующимися сценами. Я почувствовал странный озноб, когда Лигат скользнул за спину моего отца и медленно, но изящно провел рукой в воздухе круг, как будто нарисовал нимб у него над головой. Отец дернулся, застонал и умолк. На его шее возникла полоска крови, сначала тонкая, но потом расширившаяся – как будто вода перелилась за край чашки. У него вывалился язык. Глаза выпучились – и остались выпученными.

В подобном пересказе смерть кажется драматичной, но в реальности она такой не была, потому что и звуков, и движений было очень мало. Чтобы воспринять трагедию во всей полноте, нам нужны крики и конвульсии.

Лигат отпустил отца. Подошел к моей маме и сделал то же самое: нимб, а потом набухающая красная линия. Проволока была тонкой и, по сути, невидимой; я сделал вывод о ее существовании благодаря кровавым полосам и расчету углов.

Вот оно. Сейчас эта сцена кажется мне разбитой голограммой, в каждом осколке – среди них есть большие и маленькие, но они бессчетны, и все зазубрены – скрывается целое, куски разлетелись не в пространстве, но во времени, так что краем глаза я вижу один из них везде, куда ни посмотрю, в любое мгновение жизни. И они проникли не только в будущее, но и в прошлое, в мои воспоминания.

Вот, вот основа моего существа – этот момент разрушения; и все, что случилось до него или после, никогда уже не было таким, каким могло бы стать. Это очень странно.

События продолжали разворачиваться, и вот теперь действительно начались крики и конвульсии. Стоявший у задней двери мужчина, который держал мать Пеллонхорка, перерезал ей горло ножом, когда она завопила; кровь алым занавесом укрыла ее тело, вопль перетек в плач, а потом утих, когда ее тело скорчилось на полу.

Гаррел и те двое, что стояли по бокам от него, тоже пришли в движение, но, когда Лигат – в здоровой руке у него был пистолет – прицелился в меня, от второй двери, той, что вела в главное помещение офиса, послышался резкий, пронзительный визг.

Там стоял Пеллонхорк, сжимая неверными руками каплевик, посылая через комнату неслышный поток капель. Гаррел и стоявшие рядом двое успели броситься на пол, чтобы увернуться от них, но того, что убил мать Пеллонхорка, зацепило, и он мертвым упал на ее тело. Пеллонхорк на мгновение опустил оружие и уставился на нее. Потом снова вскинул каплевик.

Лигат уже наводил на Пеллонхорка свой пистолет, но каплевик оказался быстрее, и иглы Лигата прошили только мониторию на стене; стекло со скрежетом обвалилось. Лигат рухнул на пол.

Гаррел со всей силы заехал локтем в подбородок человека слева; у того хрустнула челюсть, а наглазник слетел и, вращаясь и сверкая, пересек комнату. Мужчина упал, схватившись за лицо. У второго был нож, но каплевик Пеллонхорка отстрелил сжимающую его руку.

– Наружу! – крикнул Гаррел, вытащил нас в соседнюю комнату и закрыл дверь. Одна линза у него треснула. Он сказал:

– Ждите там. Не двигайтесь. На этот раз слушайте меня. Поняли? *Поняли?* Дождитесь меня. Мне нужно понять, что делать дальше. Верьте мне. Я пытаюсь нас спасти. Хорошо?

Пеллонхорка трясло. Меня рвало. Оба мы никуда не собирались идти.

Гаррел вернулся в офис и снова закрыл дверь.

– Мне кажется, нам нельзя верить Гаррелу, – сказал я Пеллонхорку, выкашливая желчь. Он не ответил.

– Кто такой Лигат? – спросил я.

Пеллонхорк не двигался. Я вытер губы тыльной стороной ладони и подошел к столу. Включил мониторинг и стал наблюдать за Гаррелом в дальней комнате. Он кивал, стоя перед монитором, но изображения мне было не видно, а звук не работал, поэтому я ничего не слышал. Потом Гаррел вернулся к телам и методично их обыскал. Он снял кольцо с пальца матери Пеллонхорка и поднес его к монитору, а потом убрал в карман. Если он говорил не с Дреймом, то с кем?

Когда Гаррел снова прошел через дверь, я вернулся к Пеллонхорку. Что делать, я не знал.

– Нужно действовать быстро, – сказал Гаррел. Посмотрел на Пеллонхорка, по которому было не понять, слышал ли он хоть что-нибудь, а потом на меня: – Алеф, тебе придется добыть информацию.

Я ждал, что он объяснит мне, о какой информации идет речь, но и Гаррел тоже ждал, и я понял, что он уверен, будто я знаю.

– Пойдем, парень, – сказал он. – Быстрее. Нужно забрать то, над чем работал твой отец.

– Лигат умер, – ответил я, как будто верил, что Гаррел не предал Дрейма. – Нам ничего не грозит.

– Лигат? – Он был поражен. – Это был не Лигат. Это была кукла. Лигат никогда бы не рискнул показаться здесь лично, так же, как и Дрейм.

Он оборвал себя и сказал уже мягче:

– Ты ведь никогда не видел Лигата, да? Он выглядит совсем не так. Это был только его голос. Его, как и Дрейма, в той комнате не было.

Я чувствовал себя дураком. Конечно. Замедленная реакция. Он окуклил одного из своих людей и отдал ему управление только в самом конце, предоставив своему солдату, своей марионетке, заняться убийством. Но Лигат оставался там, в глубине его глаз. До самой смерти солдата он видел все.

Я прикрыл рот ладонью, как будто меня снова тошнило, но на самом деле я думал. Гаррел пытался меня запутать. Слова его были разумны, но все равно он почти наверняка был шпионом Лигата.

И еще: кому бы ни подчинялся Гаррел, если бы я оказался для него бесполезен, он, скорее всего, убил бы меня. Сотрудничать с ним было логично.

Но почему все-таки он думал, будто я знаю, что мой отец работал на Дрейма?

– Ну же, парень. – Гаррел посмотрел на меня, потом встал на колени и сжал мои руки своими плотными бронированными перчатками. Они были липкими от крови, но все равно теплыми, и от этого обволакивающего и неожиданного тепла я расплакался. Не зная, что делать дальше, он выругался.

– Ты разве *ничего* не знал о том, чем занимался твой отец? Хотя что-то тебе должно быть известно.

Я замотал головой, утирая глаза.

Гаррел глубоко вздохнул, и его лоб покрылся морщинами. Треснувшая линза упала, точно черная слеза, и звякнула о каменный пол. Я никогда не задумывался, что скрывается за этим стеклом. На месте глаза у него был розовый морщинистый шар рубцовой ткани, сплошь утыканной сенсорами.

Я оглянулся на Пеллонхорка, чтобы увидеть его реакцию. Подобное зрелище его бы зачаровало. Но он сидел, как Тронутый Богом Хенро, покачиваясь в своем забвении. Хенро таким был уже двадцать лет. Я понадеялся, что Пеллонхорка Бог потрогал не так сильно.

Гаррел поковырялся в глазу, убирая остатки стекла. Я уставился на него, а он уставился на меня; сенсоры втягивались и вытягивались, перенастраиваясь. В конце концов Гаррел сказал:

– Твой отец управлял всем, Алеф. Все должно быть здесь, и нам нужно это забрать. Если не заберем, он убьет и меня, и тебя. Понимаешь?

– Кто? – спросил я.

Гаррел нахмурился.

– Итан Дрейм. Кто же еще? – Он умолк, и выражение его переменилось. – Ты думаешь?..

Я понял, что нужно было держать язык за зубами, но Гаррел только вздохнул.

– Объяснять придется быстро, и ты должен мне поверить. Вот что случилось. Они нашли дом. Слышал про беглецов с удалитиевых приисков? Это были люди Лигата. Прилетели на планету с партией заключенных. Мы с Трейлом отправились их перехватить, но оказалось, что Трейл – тоже человек Лигата. Он хотел меня вырубить. А меня надо было прикончить, пока был шанс. Я его убил. Пришел за вами, но команда Лигата оказалась быстрее, чем я ожидал. Они добрались до твоих родителей и матери Пеллонхорка еще до того, как мы вернулись из школы. Ну, это ты уже видел.

Пеллонхорк застонал и стал раскачиваться быстрее, но потом вернулся к прежнему ритму.

– Почему вы пошли туда один?

– Алеф, у нас нет времени.

– Скажите мне.

– Лигат убил бы меня, только если бы пришлось. Живым я стою больше. Мой приказ – защищать тех, кто принадлежит Дрейму. Если я не могу гарантировать его безопасность, сохраняя им жизнь...

– То делаете это, убивая их, – продолжил я. – Вы убили бы моих родителей.

– Я постарался бы этого не делать – и в конечном итоге не сделал. Парень, у нас правда нет на это времени.

Гаррел посмотрел на Пеллонхорка, потом снова на меня. Я видел, что он проверяет свою историю на наличие слабых мест.

– Ты ведь никак не можешь в этом убедиться? – спросил он. – Придется тебе поверить мне на слово.

Это было похоже на выбор, перед которым Лигат поставил Дрейма. На самом деле никакого выбора не было. И я ответил:

– Да.

– Хорошо. – Он подождал. – Информация, Алеф.

Я улыбнулся и пожал плечами. Все это было безумием.

– Ох. Ох, черт, – протянул Гаррел. – Ты вообще ничего не знаешь, да?

– Ничего.

Гаррел тяжело уселся на пол.

– Тогда мы все – трупы. Дрейм доверял Савлу, потому что Савл не доверял никому. Но он полагал, что ты...

– Подождите.

Я понял, что кое-что все-таки знаю. Должен знать. Отец ничего мне не рассказывал – полагаю, в попытке защищать меня от своей жизни так долго, как мог, – но если информация была настолько важной, он все равно должен был каким-то образом ее мне передать. В его характере было продумывать каждую вероятность, и это была одна из них: вероятность, что обладание этими данными может однажды сохранить мне жизнь.

– В офисе, – сказал я. И направился было к двери, но Гаррел меня остановил:

– Нет. Ты достаточно на это насмотрелся. Я ее заберу. Где она?

Я сказал ему, где ее найти: в моем собственном пьютере. Информация хранилась там, где до нее мог добраться только я, в программах, которые установил туда отец. Даже мертвый, он меня защищал.

Гаррел вышел с пьютером в руках – маленькой, серой, как море, тяжелой ребристой коробкой с округлой мониторийей.

– Это все?

– Все, что мне понадобится.

Он взвесил ее и спросил:

– А облегчить его не получится?

Я положил пьютер на стол, снял мониторийю и отсоединил все ненужные примочки. Пьютер теперь был на две трети меньше в длину и высоту, но вес его остался почти таким же.

Гаррел покрутил его в руках. То, что осталось, размером было меньше, чем томик Балаболии, лежавший у нас дома.

– Это все, что можно снять? – спросил он. – Больше ничего не выбросить?

– Кроме оболочки, которую я снял, остался только информационный диск и его кокон.

– А кокон зачем?

– Защита. От внедрения и порчи данных, от молотка и ножа, человеческих или природных сил. – Я постучал по нему ногтем. – Большая его часть – это кокон. Я могу его снять, а то, что останется, самое важное, кое-как получится проглотить, если запить водой. Мне это сделать?

Впервые Гаррел выглядел неуверенно.

– А ты как думаешь?

Я мимоходом подумал, достаточно ли он умен, чтобы понять, что мне предлагает: если бы я проглотил диск, то смог бы ускользнуть и сбежать. Вот только куда? Честный это был вопрос или он тряс у меня перед носом приманкой?

– Оставим кокон, – сказал я. – Так безопаснее.

В уцелевшей линзе Гаррела моргнула потолочная лампочка. Он подобрал пьютер и сказал:

– Хорошо. Пеллонхорк? Ты меня слышишь? Нам надо уходить.

Пеллонхорк содрогнулся и встал. Посмотрел на Гаррела, потом на меня. Адресованный мне взгляд ужасал. Пеллонхорк перестал трястись и сделался удивительно неподвижным, а глаза его стали жесткими, так что прочесть по ним что-нибудь было так же невозможно, как и у Гаррела. Он был совсем не такой, как Тронутый Богом Хенро, понял я. Он не был ошеломлен богобоязнью, не был до краев переполнен тайной. Что-то покинуло Пеллонхорка навсегда. Я гадал, почему не стал таким же, в чем разница между нами.

Не знаю, заметил ли Гаррел, что случилось с Пеллонхорком. Возможно, было достаточно его необычной покорности. Гаррел подтолкнул нас к двери, убедившись, что я не попытался подобрать какую-нибудь из выброшенных деталей моего пьютера. Разумно, подумал я; а еще разумнее было то, что, заметив, как я это отследил, он одобрительно кивнул. Почти как будто мы прикрывали друг друга вместо того, чтобы быть каждый сам за себя.

Мы покинули офис. В резком солнечном свете я неожиданно осознал, что прошло не так уж и много времени с тех пор, как мы с Гаррелом зашли внутрь.

Впрочем, на улице успели собраться люди, и среди них – отец Благодатный. Он поднял руку, но Гаррел попросту сказал ему: «Мы уходим», – и протолкнулся через толпу к циклолету. Я услышал, как отец Благодатный пробормотал что-то про пожертвования и возмещения. Гаррел ответил через плечо:

– С ними покончено, отче. Возвращайтесь к своему Богу.

Закрывшись в циклолете от толпы и усевшись за консоль, он прошептал мне:

– Это было очень умно – выпустить Пеллонхорка из циклолета.

Я подумал, догадался он об этом сразу или только тогда, когда Пеллонхорк появился в дверях, стреляя каплями. Ответ мог помочь мне определить, работает он на Лигата или нет. Если он догадался сразу, но промолчал, чтобы позволить Пеллонхорку войти, – он человек Дрейма.

А когда мы улетали от ИерСалема, направляясь то ли к отцу Пеллонхорка, то ли в логово Лигата, меня настигла мысль, что если мне в обоих местах будет грозить примерно равная опасность, то для Пеллонхорка это вопрос жизни и смерти.

Пеллонхорк сидел рядом со мной, не говоря и не шевелясь. Он спас мне жизнь. С моего позволения Гаррел вел нас навстречу неясной судьбе – либо к Лигату, либо к Дрейму, – из циклолета в шаттл, затем на корабль, к звездам, а потом к Верхним Мирам, а я сидел, обнимал свой пьютер и не мог ничего сделать, только вглядываться в хаос будущего.

КлючСоб 11: путешествие

Я не слышал голоса Пеллонхорка много дней. Для него переход с судна на судно, наверное, был привычен, но меня он поразил. Я никогда раньше не видел даже транспортной станции с ярусами и ярусами грузовых кораблей, не говоря уже о пестревшей серебром космической черноте.

Путешествие началось довольно просто – мы без всяких проблем долетели от офиса до станции, не превышая скорости на циклолетных трассах. В маленьком замкнутом ангаре нас посадили в карт с затемненными окнами и отвезли прямо на паром – мы трое могли выбрать себе место из тысячи пустых сидений, но решили держаться вместе, так что наши тощие плечи были по обе стороны от твердых, будто кости, предплечий Гаррела – который перевез нас на среднеорбитальную платформу. Платформа казалась заброшенной, но я заметил, что все попадавшиеся на пути рольставни были опущены, все окна-хамелеоны – затемнены, а все двери, через которые нам не нужно было проходить, – заперты.

С платформы наш путь лежал в ангар для шаттлов; мы едва поспевали за Гаррелом, задыхаясь и грохоча ботинками, по извилистым и гулким металлическим коридорам. Повсюду висели медицинские предупреждения. Каждый раз, когда мы миновали одно из них, я читал по несколько строчек и к прибытию в ангар запомнил требования по вакцинации для каждой планеты в Системе, за исключением неназываемой.

Геенну я прежде не покидал и поэтому думал, что мы следуем стандартной процедуре, что кто угодно может за несколько часов добраться от земли до старт-пространства, без всякой регистрации, досмотра – без единой задержки, разве что на открывание шлюзов.

За время, прошедшее с момента, когда Гаррел приземлил циклолет на станции, до посадки в шаттл для стремительного вознесения к быстроходу, нам встретилось всего около дюжины человек. (Точнее, тринадцать. Семь из них были женщинами. Я пытаюсь рассказывать просто, но я таков, каков есть.) Эти редкие встречные существовали, казалось, только для того, чтобы направить нас дальше, к нужной двери, по нужной дороге. Скорость и беспрепятственность одновременно успокаивали и оупляли. До того, как мы сели в шаттл, времени на размышления не было, и даже там, хотя мы сидели без дела больше часа (семьдесят восемь минут), свист и рев и медленные толчки ускорения и торможения – все это не давало возмож-

ности для рефлексии. Не то чтобы на том этапе жизни у меня было хоть какое-то представление о рефлексии.

Но я заметил, что из чертовой дюжины людей, которые нам встретились, ни один на нас не взглянул. Они смотрели мимо, или вперед, или в сторону.

Позже я привык к такой реакции. Меня к ней приучили. С определенного момента страх сделался настолько ожидаем, что от редких обыденных взглядов или невинной секундной встречи глазами я тревожно подбирался. Это был патологический логический пат.

Шаттл пристыковался к быстроходу, мы вышли в огромное пространство транзитной палубы, и вот там снова были люди. Они не обращали на нас внимания, но на этот раз потому, что занимались подготовкой к отлету. На палубе царили суета и болтовня, и пусть не богатство красок, но хотя бы свет и тени, пятна смазки на машинерии и базовые цвета готовности и тревоги. Я посмотрел на Пеллонхорка и коснулся его руки. Он был напряжен, но дышал почти ровно и ответил на мой взгляд тусклой, немедленно исчезнувшей улыбкой. Я изобразил губами слова «Ты в порядке?» – и он покачал головой.

– Капитан, – сказал Гаррел. – Спасибо, что подобрали нас. Меня зовут Гаррел.

До этого я не замечал капитана, но он, должно быть, уже стоял там, когда мы покидали шаттл. Он быстро оглядел нас. Должно быть, пытался понять, что сказать. Чего он ожидал? Мы стояли перед капитаном; солдат с одной треснувшей линзой и обнаженным глазным имплантатом, а по бокам от него – ребенок, близкий к состоянию кататонии, и заморыш, так стискивавший трупик пьютера, как будто внутри хранилась его жизнь.

Офицер собрался с мыслями довольно быстро.

– Да, – сказал он. – Я – капитан Жанкиль.

Этот человек повидал многое, кожа у него на лице была вся в шрамах и почернела, а глаза были посажены так, что казалось, будто все на свете его удивляло – но не более чем на секунду. Чьим бы перевозчиком он ни был, Дрейма или Лигата, я подозревал, что если ему доверили транспортировку сына Дрейма, значит, он – один из лучших.

– У нас пять минут до отлета, – сообщил Жанкиль. – На время пути я вас всех застопорю. Лететь нам две недели, так почему бы вам их не сберечь.

Люди вокруг нас были в постоянном движении, словно река, обтекающая камень. Некоторые поглядывали на нас, но только если Жанкиль их не видел. Гаррел начал что-то говорить, но капитан продолжил, даже не повышая голоса:

– Побереги дыхание, солдат. Слушайся меня, иначе я никуда тебя не повезу.

– Я не могу выпускать парня из виду, – сказал Гаррел.

Жанкиль указал на Пеллонхорка:

– Что с ним?

– Не беспокойтесь о нем.

– Я не беспокоюсь. Мне просто нужно знать, готов ли он к *rv*.

– Готов. Никаких наркотиков или «подсадок». – Гаррел положил руку на плечо Пеллонхорка. – У него просто шок. Он полностью закрылся – если не оставлять его наедине с собственными мыслями, с ним все будет в порядке. Может, это ему даже на пользу пойдет. – Он мельком взглянул на меня и добавил: – Этого можно уложить так, как он захочет. Я должен бодрствовать, капитан. Я не стану путаться у вас под ногами, но спать не буду. Ни за что.

Лицо Жанкиля не изменило выражения.

– Ты отправишься в *rv*. Мне был дан непосредственный приказ.

В течение короткого наэлектризованного мгновения они смотрели друг на друга, а потом Гаррел внезапно усмехнулся, как будто все это было шуткой, и уставился на пыль, прозрачной пленкой укрывавшую прозрачный потолок палубы.

– Он мне не доверяет! Даже после всего этого он мне не доверяет?

Он снова посмотрел на Жанкиля и стал ждать, и я осознал, что Гаррел, хладнокровный и безжалостный в бою, оказался не в своей тарелке и был близок к панике.

Интересно, кто ему не доверяет, подумал я. Чье имя они избегают называть? Лигата или Дрейма?

Капитан не ответил. Я переводил взгляд с одного на другого, пытаюсь вычислить соотношение их сил.

К капитану подошел офицер и что-то прошептал ему на ухо. Жанкиль ответил:

– Подтвердите и больше на связь не выходите. Буду через восемь.

Офицер ушел, и Жанкиль снова повернулся к Гаррелу.

– Откуда мне знать, что я вообще проснусь? – Гаррел снова усмехнулся, уже не так убедительно, и было видно, что он сдался.

Капитан развернулся на каблуках. Гаррел колебался лишь секунду, а потом последовал за ним; мы с Пеллонхорком шли рядом. Жанкиль остановился, дожидаясь нас в низком овальном проходе, и жестом приказал идти вперед. Коридор был узким, и только двое могли пройти там бок о бок. Мы с Пеллонхорком первыми ступили в нутро корабля. Позади разговаривал с Гаррелом капитан.

– Кто в нашем деле, – говорил Жанкиль, – может быть уверен, закрывая глаза, что снова их откроет? Просто для тебя это стало очевиднее, Гаррел.

Какое-то время был слышен только звук наших шагов, а потом капитан добавил:

– Мне сказали, что вероятность твоего прибытия не стопроцентная. Мне сказали, что с тобой должен быть мальчик. Что, если его не будет... – Снова звуки шагов. Я вычислял разницу ритмов и длины наших шагов, подсчитывая, сколько пройдет времени, прежде чем все наши левые ноги будут двигаться в такт, – один час двенадцать минут. Немногие члены экипажа, встретившиеся по пути, прижимались к стенам и отдавали честь капитану.

Наконец Жанкиль замедлился и громко сказал:

– Здесь налево.

Он постучал по плечу Пеллонхорка. Мы свернули в следующий коридор. Здесь грохочущие, свистящие и тикающие звуки корабля были приглушены.

Мы продолжали идти. Капитан понизил голос и впервые обратился к Гаррелу мягко:

– Ты добрался досюда, солдат, так что, может быть, шансы у тебя все еще неплохие.

– Не слишком-то обнадеживающе, – ответил Гаррел.

– Это потому, что я не хочу тебя оскорблять. Правда в том, что мне приказано довести вас туда в целостности – всех вас. У меня впереди прокладка нелегкого курса и возможность столкновений, и мне не нужно лишнее дерьмо, поэтому я хочу, чтобы ты спал, как того требует мой приказ.

Еще одно прикосновение к плечу Пеллонхорка, и громкий голос Жанкиля:

– Остановитесь здесь, ребята.

Дверь открылась, а за ней были капсулы *rv* с их крышками и обтекаемыми корпусами, с инструментами и индикаторами по бокам. Они были больше гробов и меньше шаттлов, но походили и на те, и на другие. Мы могли проснуться в каком-то новом месте, а могли не проснуться вообще.

Капитан остановился в дверях и сказал:

– Ты доставил парня в сохранности, Гаррел. Если бы ты годился лишь на это, то не ушел бы с палубы, на которую прилетел. Ты хороший солдат, но ты один, а у меня на борту есть оружие. Я сообщаю тебе это из уважения. Пока что у меня нет приказа тебя убить. Я не могу выразиться прямее. Я хочу, чтобы ты спал, потому что мне так приказали и потому что мне так удобнее. Вот и все, и ничего больше. – Голос у него был совершенно невыразительный. По нему невозможно было что-то понять.

Я посмотрел на Гаррела и на Жанкиля; у одного глаза были механические и поврежденные, у другого – мертвые и холодные. Я посмотрел на Пеллонхорка, чьи глаза были полны ужаса, а теперь совершенно опустели.

А в моих глазах оставалось все, что я когда-либо видел; ничто не терялось и не забывалось. Это был вечно нарастающий прилив.

Мы стояли там, и каждый из нас был одинок, и каждый не похож на других, но все мы были прокляты своим зрением.

Жанкиль все еще ждал, когда Гаррел займет открытую кровать. Он быстрым жестом показал, что время утекает, а ничего не происходит, а потом резко сообщил Гаррелу:

– Через две минуты я должен быть на мостике. Я сказал все, что мог сказать. Можешь мне верить или не верить – как хочешь, солдат, но спать ты ляжешь, и на этом разговор окончен.

Гаррел прошел вперед и коснулся холодного металла капсулы пальцем.

– Тогда и башку мне отключите. Не хочу об этом думать.

Капитан кивнул.

– Да. Я бы тоже так сделал, – сказал он тихо и с неожиданной добротой.

Он повернулся ко мне и спросил:

– А тебе, парень?

Я забрался в мягкий кокон и ответил:

– Я хочу знать обо всем.

Саркофаг закрылся надо мной.

Темнота.

КлючСоб 12: гиперсомния

А в темноте был свет. На Геенне меня никогда не стопорили. Технология *rigor vitae* считалась еретической. Но мне было так интересно. Не зная, куда мы летим, я провел эти миллионы кэмэ в собственном странствии, подключенный к тому, что на Геенне звалось порносферой, а в остальной Системе – Песнью.

Несколько дней я просто плавал в ней, в потоках бесед, истин, предположений и фактов, в туманах и дымках надежд и желаний, и начал понимать, как устроена Песнь.

А потом я стал искать. Я ловил и выпускал нити подсказок, разбирал по кусочкам отдельные сплетни и обманы, распутывал коды; я исследовал и отбрасывал, и в конечном итоге начал идентифицировать самые надежные информационные потоки.

Вот так, в своей первой гиперсомнии, я начал искать Дрейма и Лигата.

И еще узнавать о своем отце.

Принять то, что я о нем услышал, было тяжело. Все же это был мой отец. Я говорил себе, что он никого не убивал, и по-своему это было правдой. Но меня воспитали на Геенне, и вдобавок к этому я сам по себе мыслил очень прямо, и сочетание этих качеств делало правду еще горше. Мои родители умерли. Я остался один. А навлекли это на нас действия отца.

На корабле Жанкиля, прокладывавшем путь через Систему, с телом, охваченным физиологическим стазисом, и разумом, кружившим в Песни, я не мог плакать или кричать. Конечно, можно было погрузиться в сон, но я был с Геенны и научен самобичеванию.

К тому же нужно было подготовиться к любой участи, уготованной мне Лигатом или Дреймом, и я должен был выяснить, какая из них наиболее вероятна.

Поиск информации о Лигате и Дрейме был непростым, но я не сдавался. Песнь бурлила сплетнями и контрсплетнями. Несомненными были только расследования деятельности этих двух людей, однако никаких обвинений им никогда не предъявляли. Их фотографии существовали, но настолько разнообразные, что я понял: изображениям верить нельзя.

Однако то, что я узнал о Дрейме и Лигате, обретало смысл в сочетании с тем, что я узнал о Системе. Это Система их создала.

На Геенне нам мало рассказывали о происхождении Системы. Земля упоминалась исключительно в сравнении со Злодомом и Гомордором из Балаболии. Говорили, что Бог уничтожил Землю во время Последней Редактуры, что Он избрал нас, чтобы сохранить нам жизнь, а остальным было позволено спастись вместе с нами по двум причинам: для нас это было вечным напоминанием о том, что, хоть мы и избранны, это не более чем временное решение, а для самих этих еретиков – знаком, что они еще могут раскаяться. Поэтому, говорили нам, Геенна, в отличие от неназываемой планеты, и поддерживает некоторый контакт с Системой.

Теперь, купаясь в Песни, я узнал больше.

Мне тяжело рассказывать об этом с точки зрения себя-мальчика. Ребенок и взрослый – я одновременно они оба, и никто из них. Те безночные дни, которые я впервые провел в *rv*, узнавая о Системе и еще о столь многом, изменили меня навсегда, так же сильно, как события предшествовавших этому часов. Смерть родителей изменила мою эмоциональную сторону. Гиперсомния же – интеллектуальную.

КлючСоб 13: Система

Когда Земля обнаружила Систему, терраформирование здешних планет нуждалось в финансировании, а планеты Системы следовало распределить между государствами и акционерными обществами, которые могли это себе позволить или собрать нужную сумму путем сделок и обещаний. Этот проект не слишком отличался – разве что масштабами – от тех, которыми правительства, корпорации и акционерные общества занимались все время: от подводных тоннелей, добычи ископаемых в океане, исследования и использования космоса.

После того как закончились все переговоры и были составлены финансовые планы, остались лишь два преимущественно религиозных фонда: тот, что купил права на Геенну, и другой, название которого содержалось в строгой тайне, купивший неназываемую планету. Прочие государства и организации были светскими. Они признали право Геенны поддерживать связь на собственных условиях и быть свободной от всех налогов, за исключением оговоренных, и признали право неназываемой планеты устраниваться от всех контактов, за исключением тех, которые она считала необходимыми для юридической защиты своих названия и верований.

Пребывая в *rv*, я коротал часы, читая протоколы договоров и обсуждения их пунктов и подпунктов.

Я узнал, что исход с Земли был довольно рискованным, но риск был относителен. Земля, как экологически, так и финансово, пребывала в безысходном, патологическом упадке, и одной из причин его была неспособность населения планеты, невзирая на знания о катастрофических последствиях для экологии, заглядывать в будущее дальше конца банковского дня.

Это было невероятно. Я читал и перечитывал исторические записи и поначалу не мог им поверить. Меня учили, что Господь обрек Землю на погибель, потому что создал для богобоязненных Геенну, но реальность оказалась почти настолько же нелепой. Если то, что я читал, было правдой, значит, Землю уничтожило совсем не какое-то непредвиденное бедствие, не какая-то внезапная и неостановимая катастрофа. Нет. Все было предсказано, и подкреплено фактами, и доказано, а потом попросту замечено под ковер по коммерческим причинам.

Конечно, я понимал, что это порносфера – потом я научился использовать ее настоящее название, Песнь, однако до конца к нему так и не привык, – и что ничему и никому там нельзя доверять полностью.

В конце концов, когда банки лопнули и людям пришлось признать, что Земле конец, они начали действовать. Собрали вещи и отбыли. И прибыли в Систему.

В ней было семь крупных планет и несколько мелких. Терраформировать их, так удачно расположенные, было легче, чем пытаться продолжить работу над планетами в собственной системе Земли, на которых эта технология обрабатывалась.

Настал недолгий период беспрецедентного сотрудничества, мотивированного контрактами, долгами и надеждой на выгоду и заработок. Планеты обменивались изобретениями, строили корабли, но для меня было очевидно, что важнейшим фактором, приведшим все это в движение, были деньги.

Именно деньги увлекали меня; хотя нет, не они, а переговоры и сделки. Наука мне казалась невнятной и неинтересной, как было почти всегда.

На каждой планете были свои природные ресурсы, а Земля к тому же не располагала достаточными аналитическими возможностями, чтобы предсказать точные последствия терраформирования. Например, никто и не предполагал, что на Геенне найдутся залежи удалития или что на Хладе впоследствии откроют настолько уникальный ресурс.

Итак, деньги, рабочая сила и технические знания одалживались под различные проценты и с разнообразными условиями в придачу. Финансовые блоки Азии, Большой Европы и Америки выторговали себе лучшие варианты, так что занимать им приходилось редко, а неустойки выплачивать небольшие. Каждый блок занял одну или две из главных планет – Отдохновение, Пена, Великолепие и Вегасхристос с его двумя лунами, – лежавших по одну сторону пояса астероидов, названного Райской Полосой. Помимо континентальных блоков были два независимых религиозных содружества, одно из которых заняло Геенну, а второе – особенно суровую планету, на которую никто не претендовал. Заселившее эту планету содружество отказалось давать ей имя, и она стала известна как неназываемая планета, и существовала в добровольной и тщательно поддерживаемой изоляции. Она лежала даже дальше Вегасхриста, на дальнем рубеже Райской Полосы и на самом краю Системы.

Неназываемая планета меня не интересовала. Даже если там оставались живые люди, это была планета боговерцев, такая же, как Геенна.

Я вернулся к тому, что было мне интересно.

Вдобавок к трем континентальным блокам и двум религиозным содружествам, были еще и несколько небольших независимых акционерных обществ. Одно из них заняло планету Хлад, а другие арендовали луны Вегасхриста, назвав их Сиянием и Новой Надеждой. Наконец, был еще и ряд астероидов, самые крупные из которых назывались Пеко и Канава.

Я лежал, застывший в практически таком же *rigor vitae*, которое пережили первые колонисты в своем долгом пути к Системе, и точно так же летел в неизвестность, и был зачарован финансированием того путешествия.

Контракты были сложны и изящны. По их следам, по предложениям и контрпредложениям, я понимал переговорщиков и их навыки, и даже механизмы тогдашнего общества. Были предусмотрены проблемы с выплатами и даже отказы от них; оговорены и зафиксированы налоги и процентные ставки, и хотя уголовные и гражданские кодексы для каждой планеты пребывали разве что в зародышевом состоянии, но системы налогообложения и экономические протоколы, как внутрипланетные, так и общесистемные, уже сделались столь же непреложными, как законы физики.

Пока ученые и промышленники занимались расчетами и производством, строили корабли и перестраивали миры, политики, банкиры и брокеры сидели и выторговывали себе проценты и ставки и закрепляли все это в договорах.

Вот так, узнал я, Земля и покинула свой гибнущий дом, отправившись навстречу величайшему приключению в неизведанную черную даль, и каждая организация колонистов была уверена, что ее вложения, прибыли и затраты адекватно защищены от всех возможных рисков мошенничества и невыполнения обязательств. Лишь неназываемая планета существовала вне договоров, в физической и финансовой изоляции.

Разумеется, было очевидно, что, когда имеешь дело с риском такой степени и столь многое может пойти не так, ничего гарантировать невозможно. Пока корабли все еще были в космосе, во множестве лет сна отсюда, терраформирование одной из планет, Великолепия, потерпело крах, что повлекло за собой потери сотен триллионов долларов, банкротства банков и гибель состояний, не говоря уже о немалом количестве человеческих трагедий. Но это привело к консолидации и изобретательной реструктуризации долгов; человеческая находчивость практически неисчерпаема.

Я прочесывал Песнь и, перейдя к изучению недавней истории, обнаружил, что неназванная планета постепенно исчезла из всех хроник. Похоже, всякая попытка контакта с ней встречалась молчанием, а любые упоминания ее были мимолетны. Ходили слухи, что она яростно защищает свою независимость. На самом деле, поскольку Система ничего о ней толком не знала, неназванная планета могла уже сделаться необитаемой в результате войны, а может быть, болезни или голода. Неважно, какой была причина, но ее вероятная судьба служила предупреждением остальной Системе: сотрудничайте – или погибнете.

Это было увлекательнее всего, чем я когда-либо занимался. Я не чувствовал течения времени. Я погружался в Песнь все глубже, впитывая ее тайны и архивируя их в своей памяти.

Стоило человечеству прибыть в Систему, как начались преступления. Синтетические наркотики были необычайны и разнообразны, воровство сделалось повсеместным. В одно время с первым созывом изначальной Администраты возникла организованная преступность. Банды появлялись и исчезали, сливались, сражались и разваливались, восстанавливались и росли – в точности как политические партии Администраты. И, спустя годы роста, в то время, как Администрата становилась более структурированной, организованная преступность приобретала все большую влияние. Наконец остались только две крупные и дальновидные организации. Теперь, спустя пять поколений после прибытия, их возглавляли Итан Дрейм и Спеткин Лигат.

Я искал и искал. Это было нелегко. Песнь была полна умолчаний и вранья. Я вел метаанализ существующих данных, экстраполировал и уточнял, и наконец, спустя несколько дней, получил – я был в этом уверен – довольно полное представление о текущем status quo.

Дрейм, заключил я, управлял банками, в то время как Лигат контролировал транспортные системы. Общая картина была, конечно, куда сложнее, но суть сводилась к этому.

Следовательно, Лигат был пиратом и контрабандистом, а Дрейм посредством банков контролировал кредиты. Он был хитер и большую часть времени действовал почти в рамках закона, манипулируя хаосом и завихрениями межпланетных налоговых соглашений для собственной выгоды.

Как Лигат, так и Дрейм пользовались рычагами давления, чтобы оберегать и расширять свои владения: рычагами денег, угроз и их последствий. Они были хладнокровными убийцами. Но, хотя оба они показали себя неуязвимыми для закона и невероятно успешными в бизнесе, в последние несколько лет Итан Дрейм опережал Лигата, и Песнь наполнилась слухами о вражде между ними – о том, что Лигат намерен убить Дрейма, за действиями которого стоял некий гениальный финансовый стратег, и что Дрейм хочет наконец избавиться от Лигата.

В пустотах и умолчаниях Сети невозможно было найти его имя, но стратегом Дрейма, вне всякого сомнения, был мой отец.

Я лежал в капсуле *rv*, способный только думать, и плыл по течению Песни и мыслей на протяжении трехсот тридцати восьми часов и сорока пяти минут. У меня была возможность отключить свои мысли и погрузиться в сон без сновидений, но я не смог, я этого не сделал.

Песнь говорила ясно. Спеткин Лигат убил моего отца, а у меня с собой был пьютер со всей информацией, в которой нуждался Итан Дрейм и на которую, скорее всего, отчаянно мечтал наложить руки Лигат. И я был единственным, у кого был к ней доступ.

Оставался лишь один вопрос, и на него у Песни не было ответа. К которому из двух злейших врагов я направлялся в этом беспокойном сне?

Одиннадцать. Бейл

Когда он приходил в себя, у него не получалось поворачивать голову. Болела она хуже, чем с любого похмелья. Время от времени Бейл разлеплял пересохшие губы и говорил: «Эй. Меня кто-нибудь слышит?» – не получая ответа; порой он замечал, как мимо него проходили медики, направляясь к соседней койке, где лежал парень в чем-то похожем на каркас для лечения травм головы. Иногда врачи на ходу посматривали на Бейла, иногда нет. Случались и не только медики. Заглядывали люди со значками Пакса, хотя ни одного из них он не узнал, и еще другие. Бейл был уверен, что эти другие не были парню друзьями. Они выглядели, как те типы, чьи рассказы Бейл любил разносить в пух и прах: конторские крысы с бегающими глазами, не привыкшие к уличной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.